

РС
П 67
К 1431456

ПОЭТЫ
ВОЛОГОДСКОГО
КРАЯ

* * *

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПОЭТЫ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ

* * *

Хрестоматия
Часть 3

Составитель С.Ю. Баранов

Вологда
«Легия»
2011

УДК 821.161.1(470.12)-1

ББК 84(2Рос-4Вол)-5

П 67

Редакторы:

Г.В. Судаков, д. ф. н., проф. ВГПУ,

О.М. Чернышева, к. ф. н., доц. ВГПУ

Рецензенты:

Л.М. Арина, к. ф. н., доц. ВГПУ,

Л.В. Широкова, к. ф. н., учитель СОШ № 15 г. Вологды

Поэты Вологодского края: хрестоматия / сост. С.Ю. Баранов –
П67 3-е изд., испр. и доп. – Вологда: Легия, 2011. –

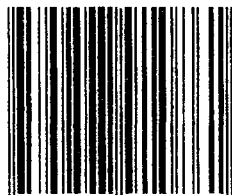
Ч.3. – 366 с.

ISBN 978-5-89791-086-1

УДК 821.161.1(470.12)-1

ББК 84(2Рос-4Вол)-5

ISBN 978-5-89791-086-1

9 785897 910861

© Баранов С.Ю., составление, 2011

© ООО «ИПЦ «Легия», 2011

Михаил Швецов

НА НОВЫЙ ГОД

...И Новый год уже грядет,
Недолгий гость в веках текущих.
Дары счастливые ль несет
Он для скорбящих, неимущих?

Или, как прежде, человек
Любви закона не оценит,
Слепой для нищих и калек,
Он наслажденьям не изменит?

Или, как прежде, будем мы
Готовить лучшим из собратий
Печать бесплодную тюрьмы,
Кошмары каменных объятий?

Но год безмолвен молодой.
В пирах подлунная обитель...
И мнится мне, что Искупитель
Со звезд на землю в час ночной
Глядит с безмолвною тоской.

СНЫ

Я мечтал... Я с мечтою послушной моей
Пробирался цветущею нивой;
Слушал ропот волны беспокойных морей,
Видел чайки полет торопливый;

Я по знойной пустыне с верблюдом шагал,
Караваны купцов провожая;
Лунной ночью в Египте у сфинксов стоял,
У причудливых пагод Китая;

И на севере мертвом, где в тундрах нагих
Солнца луч так уныло сияет,
Где в расселинах скал, на уступах крутых
Тоший ягель и мох вырастает;

И на юге, где синее небо всегда
Отражается быстрой рекою,
На альпийских лугах, где пасутся стада,
С прихотливой носился мечтою.

Но, когда воплотил в звучный стих свои сны,
Чтобы милой с зарею приснились,
Не узнал я видений: скучны и бледны,
Словно серым туманом покрылись...

Пусть суров, но он прав – приговор мудреца...
И созданья венчанного лавром певца,
Кружевнее сетей паутины,
Были кованы молотом в поте лица
И омыты слезами кручины.

1892

ПРИМЕЧАНИЯ. В газете «Вологодский листок» (1911. – 29 августа. – № 282) было опубликовано с подзаголовком «Из старой тетради» с посвящением философу, этнографу, писателю и педагогу К.Ф. Жакову и с примечанием: «“Сны” представляют собою капитальную переделку стихотворения (без заглавия), помещенного в 1895 году в литературно-научном сборнике “Вологжанин”». *Сфинкс* – здесь: древнеегипетская статуя фантастического существа, полуженщины-полульвицы.

Раз снилось мне: я был у океана
В глухую ночь и пел хвалебный гимн.
У ног моих катились с шумом волны
И буревестники носились в небесах.
Я говорил ему: «Безбрежный и глубокий,
Ты, океан, хранишь в своих волнах
Сокровища, которым нету меры,
Сокровища, которым нет цены.
И где ты не берешь свое начало?
И есть ли край, где ты не плыл волной?
С вершин холмов гремучим водопадом,
Спокойной лентой в мягких берегах
И синим глетчером с Альпийских гор высоких
Бежит к тебе лазурная волна.
Но этих вод ты всех хранить не можешь
И посылаешь их, великий, в небеса
То белой лебединой стаей,
То пурпурной причудливой грядой,
То черной тучей, молнией обвитой.
О, я хотел бы быть тебе подобным:
Как ты, весь мир водою обтекать,
Как ты, везде иметь свое начало!»
И не успел я досказать желанья,
Как чувствую, что делаюсь волной;
С груди моей за валом вал сбегает,
Хочу кричать – из уст бежит поток;
И вот я весь разлился в океане,
И сам им стал, и с той поры,
Как он, беру везде свое начало,
Как он, бегу везде своей волной.
Виясь ручьем, любовников под миртой
Я вижу: он лежит у милой на коленях
И ей в глаза глядит и прижимает к сердцу,
Она ж на пальчик свой наматывает кудри
Его и снова развивает их.
Стремясь рекой, у города я вижу
Кабак невзрачный; игроки до ночи

Играют в нем; окно всегда раскрыто;
И брань, и песни их к волнам моим несутся;
И вижу я, как бойкую служанку
Один из них рукою нежно треплет,
И та горит румянцем и смеется.
Кружась у скал, где в бурю погибают
Нередко мореходные суда,
Я видел их ужасные крушенья
И слышал вопли женщин и матросов;
Я чуял, как сжимались их сердца,
Предчувствием несчастья томимы,
И как они бросались на колени,
Но Он не внемлет жалким их мольбам:
Несчастные у скал высоких тонут.
Когда же вновь восходит в небе солнце,
Оно обломки судна освещает
И трупы, после всплывшие наверх.
Что видел я, в себе не утаил я;
Приняв источники, я в небо их послал,
И понеслись грядой волнистой тучи.
Над знойною пустынею одне
Бесплодно пролились, другие
Столпились над широкими полями
И оросили жатву земледельца.

16 июня 1893 г.

ПОЭЗИЯ

Не только в сиянии лунных лучей,
Обливших кремнистые горы, –
Поэзия есть и во мраке ночей,
Пугающем робкие взоры.
Как в тихих озерах, в привольных лугах
И в снежных волнистых сугробах,
Так в шумных и полных тревог городах
И в шахтах – удушливых гробах,

На фабриках тесных, где стук колеса
Сменяется резко свистками,
Поэзии той же я встретил глаза,
Но только глаза со слезами.

ПРИМЕЧАНИЕ. Публикация этого текста в газете «Вологодский листок» (1911. – 8 сентября. – № 287) сопровождалась сноской: «Вариация несколько лет тому назад напечатанного в одном провинциальном издании стихотворения».

УНЫНИЕ

Великопостная элегия

В унынии влачу поста святые дни,
Лукавый раб, дары растративший свои,
Измучен праздностью, пороками прикрытой,
Отвергнутой любовью разбитый,
Но жаждущий, как юноша, любви!

И вот в ночи, тревожной и печальной,
Когда я предаюсь несбыточным мечтам,
Вдруг звон мне слышится так ясно погребальный
И грезится кадильниц фимиам.

И ночь бессонная тогда нарочно длится!
И хочется в тот самый час ночной
Рыдать безумно, пламенно молиться,
И ризы разодрать, и о ступени храма биться
Без времени седую головой.

ПРИМЕЧАНИЯ. *Великопостная элегия* – элегия, приуроченная к Великому посту, семинедельному периоду перед Пасхой, который, по учению Церкви, надлежит проводить в покаянии, молитвах и заботах о душе, воздерживаясь от скоромной пищи и увеселений. В христианском вероучении уныние считается смертным грехом. ...*Лукавый раб* – грешник, неспособный разумно распорядиться благами, дарованными свыше.

ИЗ А. ШЕНЬЕ

I

Покинув берега страны моей прекрасной,
Забывтый дружбою, не видя лиц родных,
Судьбою брошен я на остров безучастный...
Но имя Франции не сходит с уст моих!
Сейчас у черного, потухшего камина,
Склонившись, смерть зову, свой сладостный удел...
Мне друга не пошлет холодная судьбина,
Который бы ко мне неслышно рядом сел,
Упавшего на грудь лица увидел муку,
Сказал бы: «Что с тобой?» – и сжал мне крепко руку.

II

Уединение и полки свитков пыльных,
Красавицы, для душ настойчивых и сильных –
Таланты вам прелестные даны,
Часы бессонные для грации вредны.
Что ей законы сфер и ритмы исчислений –
Докучной алгебры туманные ступени?
Устам, запекшимся от диспутов сухих,
Так трудны нежности в признаниях ночных!
Им вздохи «о, душа!», «о, сердце!» незнакомы,
Стыдливость полуслов и сладостной истомы!..

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА. А. Шенье еще менее посчастливилось в русских переводах, чем его современнику Борнсу, замечательному английскому лирику XVIII века, несколько стихотворений которого превосходно переведены А. Михайловым. Кроме трех общеизвестных переводов из Шенье Пушкина, есть достаточно слабые переводы «Последней песни» (Ковалевского в «Современнике» 1862 г.) и «Слепого» (А. Павловой в «Отечественных записках» 1855 г.). Одно или два стихотворения недавно переведены А.М. Федоровым. Предлагаемая элегия написана в годы пребывания Шенье в Англии. ...*Докучной алгебры туманные ступени* – в подлиннике: «или туманные ступени от $(a + b)$ ».

ПРИМЕЧАНИЯ СОСТАВИТЕЛЯ. *Шенье Андре Мари* (1762–1794) – французский поэт и публицист, казненный якобинцами за резкое осуждение политики революционного террора. А.С. Пушкину принадлежат не три, а пять переводов его стихотворений: «Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий...» (1823); «Ты вя-

нешь и молчишь; печаль тебя снедает...» (1824); «О боги мирные полей, дубров и гор...» (1824); «Близ мест, где царствует Венеция златая...»; «Из А. Шеньс» («Покров, упитанный язвительною кровью...» – 1825). *Борнс* – шотландский поэт Роберт Бёрнс (1759–1796).

ЭКЗАМЕН

(Фрагменты из драматической поэмы)

Монолог Джакомо

Благословляя щедрость Неба,
Я дни влачу и сир и наг.
На раменах – сума для хлеба,
И посох странника – мой стяг.
Для душ мечтательных и чистых
Такая жизнь – блаженный рай.

Моя отчизна – мирный край
На южном склоне Альп лесистых.
Отец мой был каменотес.
Он беден был. Глядел угрюмо.
Я без призора, хилый, рос
Всегда с какой-то скрытой думой,
С тех пор, как помню, все один.
Мне игры детства чужды были,
И звуки нежных мандолин
Движений сердца не будили.

Когда смолкал роптавший бор
И тень ползла с окрестных гор,
И воды сонные темнели,
Я слушал звезд далекий хор,
Пean таинственной свирели.
Мне был родным и гроз язык,
И горных вод немолчный лепет,
И увядавших листьев трепет,
И чутких сов полночный крик.

Как рано я успокоенья
Не знал в безмолвии ночей!
Как были тягостны сомненья
Души младенческой моей!

Была мертва Земли природа,
Как саркофага красота?!
С лучами первого восхода
Кто жизнь вдохнул в ее уста?
Кто свод, как чашу, опрокинул,
Ее лазоревое дно?
Кто разорвал и в небо кинул
Одежд пастушеских руно?
На звездной ниве серп лучистый
Каким жнецом давно забыт?
Ковер долины шелковистой
Кто ночью ткал, когда все спит?
Кто шел над жаждущею нивой
С грозой спешащей и гневливой
И, усыпив ее в горах,
Зажег рукой неторопливой
Лампады в дальних небесах?

В круговороте быстротечном
Отца вселенной я искал,
Источник жизни, — и кидал
Пытливый взор к родным и встречным.

Рассказ Джакомо о голландском мудреце и его речах

Костлявый и землисто-бледный,
Жил в одиночестве аскет,
Купцам шлифуя стекла, в бедной
Харчевне снискивал обед.
Еврей — фанатикам Талмуда
Простил рубцы кинжальных ран.
Любил Христа, не веря в чудо, —

И был врагом для христиан.
Но горечь диких оскорблений,
Как легкий сон, он забывал.
Его гранитных убеждений
Еще никто не колебал.
Пред ним посол пфальцграфа гордый,
Услышав непреклонно твердый
И кроткий, как всегда, ответ,
Снял с удивлением берет.
Болел он скорбию душевной
О пастве избранной Христа,
Но яда злобы, речи гневной
Не знали мудрые уста.
Во взгляде глаз его прекрасных,
Спокойных, отрочески ясных,
Светились, проницая даль,
Благоволение и печаль.
Едва лишь очи я закрою,
Передо мной он здесь стоит.
Как воск, лицо... и не тоскою
Полно, но тайной неземною...
И речь порывисто звучит.

«Неудержимое стремление
Детей юдоли к небесам
И к тайне Мира приобщенье
Для душ коварных – преступленье,
Мысль, ненавистная богам!
Но жив в потомстве восхищенном
Титан с пылающим трутом,
От кремневой искры зажженным,
И жалок вымысел о нем –
О полубоге пригвожденном –
Жрецов, торгующих огнем!

Влекут вниманье взоров жадных
Комет таинственный полет
В пустынях неба неоглядных
И зорь пророческий заход,

Волны прибой – слепой и рьяный,
Свирепый рев осенних бурь,
Покров полночи звездотканый
И дня бездонная лазурь.

Как отблеск думы мимолетной
Иль тайну грусти безотчетной,
Тревожно обнимая мать,
Дитя спешит в очах читать,
Так озабоченно, пытливо
В лицо природы я глядел:
Я мнил в разгадке терпеливой
Дней отдаленнейших удел.
Но разве мать дитя проклянет,
Когда оно к ней руки тянет,
Кольцом ей шею обовьет,
Уста к ланитам ей прижмет?
За что же был Нимврод отринут?
За что разгневанной Рукой
Расшатан столп и опрокинут
На беззащитный род людской?

.....

И жуток стал простор для крыл
Воспоминая, вострепнувших
В неясных снах веков минувших,
Когда мне разум озарил
Листы угрюмые Преданья...»
Он весь согнулся и умолк,
Волной застигнут созерцанья.

ПРИМЕЧАНИЯ. В предисловии к поэме М. Швецов писал: «Действие происходит в Париже в Сорбонне (в XVI веке). Дата времени действия (XVI век) поставлена лишь приблизительно; равным образом неизвестный мудрец, о котором говорит Джакомо в конце монолога, имеет одни только внешние черты с великим голландским философом. Таковы были, по крайней мере, намерения автора». *Пеан* – здесь: музыка. ...*Одежд пастушеских руно* – в соответствии с древними мифологическими представлениями, небосвод – это шерстяной плащ, растянутый над землей. ...*Жил в одиночестве аскет* – в образе этого персонажа, вопреки замечанию автора, весьма отчетливо проявляются черты личности и биографии нидерландского философа Бенедикта Спинозы (1632–1677); он был отлучен за вольнодумст-

во от еврейской общины Амстердама, жил в уединении и бедности, добывал средства к существованию шлифовкой линз. *Талмуд* – свод догматических, религиозно-этических и правовых установлений иудаизма. *Пред ним посол пфальцграфа гордый... Снял с удивлением берет.* – В 1673 г. Спиноза не принял предложения курфюрста пфальцкого Карла Людвига стать ординарным профессором философии в Гейдельбергском университете с высоким окладом, с обещанием «широкой свободы философствования», но «без потрясения основ публично установленной религии»; свой деликатный, но решительный отказ мыслитель мотивировал неопределенностью границ предоставляемой ему свободы суждений. «...*Титан с пылающим трупом*» – персонаж греч. мифологии Прометей, похитивший для людей огонь с неба и подвергнутый за это верховным богом Зевсом суровой каре. *Нимрод* – ветхозаветный богатырь и охотник, руководил строительством Вавилонской башни, которая была разрушена Богом, усмотревшим в ней символ человеческой гордыни. «...*Листы угрюмые Преданья...*» – Здесь: листы Библии.

ПАМЯТИ П.В. ЗАСОДИМСКОГО

(4 мая 1912 г.)

Я только в жизнь еще вступал,
Когда с писателем маститым,
Борцом за светлый идеал,
Не шедшим по тропам избитым,
На краткий миг мой путь совпал.

Был ласков взгляд лазурных глаз,
Чуть потускневших от страданий,
И без надуманных прикрас
Горел и теплился рассказ
Из добровольческих скитаний.

Он молод был в великий год,
Когда раскованный народ
Из клетки, темной и убогой,
И власть, нашедшая оплот,
Шли на восток одной дорогой.

И если сверстников влекло
К пригоркам жизненной удачи,
То, одаренный их богаче,
Иные ставил он задачи
И юношей ушел в село.

И чист кристалл его души,
Служившей преданно отчизне,
И долго зревшие в тиши
Его создания хороши
Наивной искренностью жизни.

Служитель правды и добра
Не знал насилью оправданий,
Был глух для звона серебра
И чужд фальшивящих исканий
Фигляров мысли и пера.

ПРИМЕЧАНИЯ. Засодимский Павел Владимирович – см. о нем в разделе «Сведения об авторах». *Я только в жизнь еще вступал* – знакомство поэта с Засодимским относится, вероятно, к 1891–1892 гг., когда писатель отбывал ссылку в Вологде. ...*великий год* – 1861 год, ставший знаменательной датой русской истории благодаря отмене крепостного права. ...*шли на восток* – поэтический образ (шли к свету, навстречу восходящему солнцу свободы). ...*юношей ушел в село* – имеются в виду факты биографии Засодимского, относящиеся к 1872 г.: странствия по Тверскому краю с целью изучения работы крестьянских артелей и учительская деятельность в одной из сельских школ Новгородской губернии.

ИЗ ЦИКЛА «ДУМЫ»

І. Избранники

Чем долее живу, тем реже складок гневных
Следы глубокие мое чело хранит
И в тине мерзостей и козней повседневных
Удел избранников все менее дивит.
Врагом Камознс брошен был в темницу,
Сервантес клял в плену бесславную судьбу,
Был Тассо заточен в душевную больницу
И выставлен Дефо к позорному столбу.
Но, тягостных их мук рисуя вереницу,
Я не виню ни власть, ни темную толпу,
Хвалящую всегда посмертную страницу!
Толпа – всегда толпа! Сама не полем роз
К безвестной цели слепо поспешает

И тщится разрешить мучительный вопрос,
Но мысль, что гения зарницей озаряет,
Ей ночником тускнеющим мерцает
В бессоннице труда, в тоске бессильных слез!
И все же ложь кафедр, и узы, и камня
Пытливый дух не могут истребить:
Самопознания будет ткаться нить,
И мира цепь коваться дальше в звенья,
И сын Отца таинственно любить!

ПРИМЕЧАНИЯ. *Камознс* – Луис де Камознс (1524 или 1525–1580), португальский поэт и драматург, автор героической поэмы «Лузиады», посвященной плаванью Васко да Гамы в Индию; находился в тюремном заключении дважды – за оскорбление одного из придворных короля и за просрочку долга ростовщику. *Сервантес* – Мигель де Сервантес Сааведра (1547–1616), испанский писатель-прозаик, поэт и драматург, автор романа «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский»; провел пять лет в алжирском плену и три месяца в королевской тюрьме по обвинению в сокрытии собранных им недоимок. *Тассо* – Торквато Тассо (1544–1595), итальянский поэт, автор героической поэмы «Освобожденный Иерусалим»; страдал припадками безумия, после столкновения с герцогом д’Эсте был заключен на 7 лет в госпиталь св. Анны. *Дефо* – Даниэль Дефо (ок. 1660–1731), английский писатель, публицист и политический деятель, автор романа «Робинзон Крузо»; был осужден на стояние у позорного столба и тюремное заключение за призывы к веротерпимости.

II. Умершие

Усопших лица нежности полны,
И сходства их далеко не случайны:
Как будто им становятся ясны
До той поры неведомые тайны.

Душа, отвергнувши заботы и печаль,
Мгновенья первого еще живет во прахе,
Но, с изумленьем вглядываясь в даль,
Она чужда кругом стоящих в страхе.

Потом – рука, незримая сперва,
Черты духовные все явственней стирает,
И Разрушение в безмолвные права,
Неудержимое и быстрое, вступает.

ПРИМЕЧАНИЕ. В стихотворении, по-видимому, отразились переживания, вызванные смертью Н.П. Швецова, отца поэта.

VI. Похоть

Лишь чистая любовь, щемящая сердца,
При встрече выданная заревом лица,
В холодности притворной неутешна,
Готова к подвигу, ревнива, но безгрешна.

И взгляд промедленный с пожатием руки,
И пылкость слов – еще от грани далеки;
Но ядовито уст прикосновенье
И в поздней памяти греховней, чем паденье.

И страшная легко преступлена черта...
Но чувство острое отхлынуло волною,
И неизведанная прежде пустота
Нависла на сердце оборванной струною.

Страсть прилегла, как утомленный зверь.
Лишь взор нескромностью тревожит возбужденье...
И мутноглазое, тупое Пресыщенье
Уже к любовникам заглядывает в дверь.

* * *

И та же ночь, и то же небо
В безмолвный предрассветный час,
И те же из глубин эреба
Мильоны устремленных глаз.

Но в очагах предвечных света,
Когда я взор свой возведу,
Твою, посланник Назарета,
Ищу беспомощно звезду.

Вдали порог тысячелетья!
Народов опыт я сберег,
Но сердца скорбного согреть я
Надеждой юною не смог.

О, тирания лицемерья!
И красный призрак боевой!
И безрассудные поверья
С амвонов истины святой!

Слепая сила так тлетворна!
И думы черные гнетут,
Что в землю брошенные зерна
Ростков бессмертья не дадут!

ПРИМЕЧАНИЯ. *Эреб* – здесь: ночной мрак (в греч. миф. Эреб – олицетворение мрака, сын Хаоса и брат Ночи); ср. в поэме М.Ю. Лермонтова «Мицыри»: «И миллионом черных глаз Смотрела ночи темнота Сквозь ветви каждого куста». *Посланник Назарета* – Иисус Христос, детство и отрочество которого прошло в городе Назарете. ...*в землю брошенные зерна Ростков бессмертья не дадут!* – Прорастающее зерно как образ духовного возрождения восходит к Евангелию.

Владимир Гиляровский

* * *

Мне надоел столичный шум,
От суеты устал давно я,
И жадно требует покоя
Душа, томясь от тяжких дум.
Морская ширь да лес дремучий
И, мнится мне, степная гладь
Одни лишь в силах эти тучи
Дум необъятных разогнать.
Но если снова, в тишине,
Я там могу отдаться думам, —
Все ж не прочтут в лице угрюмом
Тех дум, что дороги так мне.

Начало 1890-х гг.

ОСЕННИЙ ВЕТЕР

Последние листья упали на землю,
И чутко я ветру осеннему внемлю
В туманные серые дни.
Свободного ветра суровые звуки
В душе не рожают унынья и муки:
Меня оживляют они.
За осенью встанет зима, а за нею,
С воскресшею жизнью, с красою своею,
Придет золотая весна,
Разрушит реки ледяные оковы,

Оденет в зеленые ризы дубровы,
И жизни захлещет волна.
Так пусть же позлобствует ветер холодный!..
Как волк ненасытный, худой и голодный,
Пушай он и мечет и рвет, –
В его заунывных, мертвящих мотивах
Я слышу и шепот колосьев на нивах,
И радостный птиц перелет,
И шорох тростинки в долине прибрежной,
И свист соловья, заунывный и нежный,
И стаи звенящих гусей...
Я знаю: окончится осень глухая,
Пройдет, как царица, в снегах вся сверкая,
Зима с непогодой своей...
И ветер тоскливый, унылый и злобный,
Забудет надолго напев свой надгробный,
Забудет свой жалобный вой...
И, сам устыдясь своих песен унылых,
Что пел на наметанных им же могилах,
Споет нам про лето и зной;
Споет, позабывши зиму и ненастье,
Про дни золотые, надежды и счастье,
Про жизнь молодую споет...
Не бойтесь, хоть ветра напевы унылы...
Надейтесь: воспрянут могучие силы,
Весна золотая придет!

ЗИМА В ДЕРЕВНЕ

Длинен, скучен зимний вечер...
Хату снегом замело,
Слышен вьюги звон сердитый
Сквозь замерзшее стекло,
Да гудит уныло ветер,
Воя жалобно в трубе...
Неуютно, неприглядно
В развалившейся избе...
Шелестит солома крыши,

Да сверчок кричит в углу,
Да больной ребенок стонет
Возле печки, на полу.

ВЕСТНИКИ ВЕСНЫ

Посвящаю дочке Наде

Веселой раннею весною,
Когда потоки зашумят,
Над пробужденною землею,
Чернея в небе полосую,
Малютки ласточки летят

Над бурным морем, над лугами,
Над дикой каменной скалой,
Над обнаженными лесами,
Звения блестящими крылами,
Несется их веселый рой...

Зазеленеет лес, и крики
Услышу ваши я над ним...
Скорей кончайте путь великий
И оглашайте север дикий
Веселым щебетом своим!

ПЕРЕД БУРЕЙ

Видишь, вдали, на небесной лазури
Туча чернеет, предвестница бури;

Видишь? Мы смело ее подождем,
Страшным она разразится дождем,

Грома раскаты пойдут удалые,
Сосны в лесу поломают гнилые,

Реки далеко зальют берега,
Озером станут казаться луга,

Смоется быстро болотная тина.
Кончится буря – другая картина:

Яркое солнце на небе взойдет,
Полною грудью природа вздохнет,

И после грозных раскатов и бури
Солнце яснее заблещет в лазури.

ОПЯТЬ НА РОДИНЕ

Опять, опять я здесь, среди родных полей,
Забыл страдания, усталость и невзгоды,

И снова встали в памяти моей
Былого счастья младенческие годы...
Вот сад старинный, где ребенком я играл;
Как страшны были мне тенистые аллеи
И этот, мохом весь покрытый, древний вал,

Где, помню я, на солнце грелись змеи...
А за высоким валом чистою струей

Катилась речка под ветвями ивы,
За речкой быстрою – с лазурью голубой,
Горя огнем, сливались золотые нивы...
А тут была видна деревня за рекой...
Соломой крытые разрушенные хаты
Всегда тревожили души моей покой...
А вот и барский дом наш, старый и богатый;

Я помню, в нем давались вечера,
Блестели ярко залы светлыми огнями...
Так ясно помню я, как будто бы вчера
Все это было... Словно несколькими днями,
А не годами отделен от прошлых дней,
Тех дней, когда не знал я горя и невзгоды,

И снова встали в памяти моей
Былого счастья младенческие годы.

ПРОМЕТЕЙ

Над кавказскою скалою
Цепь железная бренчит,
И высоко над землею
Стая коршунов кричит.

И, кружась и играя
В облаках, в туманной мгле,
Птиц прожорливая стая
Опускается к скале.

На скале высокой, серой
Человек лежал в цепях,
Взор горел любовью, верой,
Он не ведал, что есть страх...

Ближе коршуны летели
Сквозь туманные пары,
А глаза его блестели,
Видя яркие костры

Под собой, на дне долины,
Где огонь сверкал сквозь дым;
И менялись картины
Перед взором огненным.

Пусть слеталась для обеда
Стая коршунов к нему,
А в глазах его победа
Яркий луч бросала в тьму.

Опустились, окружили,
Стали тело рвать в куски,
Но, покорный грозной силе,
Он не мог поднять руки...

Кровь из ран лилась ручьями,
Онемел язык для слов,

А внизу перед глазами
Все сверкал огонь костров.

И, от боли цепenea,
Громко страждущий вскричал:
«Что ж, терзайте Прометея,
А огонь я все же дал...

Подлетайте, клюйте смело –
Вкусный завтрак Прометей...
Но свое я сделал дело, –
Дал огонь я для людей...

И огонь на многи лета
Достояньем стал земли;
Зевс могучий, бойся света
И прощенья моли...

Я в цепях, я крепко связан,
Слуги рвут твои меня...
Пусть же рвут! мне мир обязан
За тепло, за свет огня.

О, Зевес!.. Но нет, смелее!
Будь в страданиях велик;
Коршун, на!» У Прометея
Коршун выключнул язык.

Прометей не обратится
К Зевсу более с мольбой...
Видит он: под ним клубится
Дым широкой полосой...

И живут в довольстве люди,
Ими счастлив Прометей...
Сердце только бы из груди
Коршун вырвал поскорей!..

КУЗЬМА ОРЕЛ

«Да, приятель, было время
Жили ведь и мы,
Не носили за плечами,
Как теперь, сумы...»
Говорит в питейном нищий –
Великан седой.
«Как же бедность приключилась,
Дедушка, с тобой?»
– Как? Долга моя, брат, сказка,
Словно поле ржи,
Что желтеет за окошком... –
«Дедко, расскажи».
– Рассказать? Да на лохмотья
Эдак не гляди,
Сам не знаешь, что случится
Дальше, впереди...
Я не хуже этой чуйку,
Милый мой, носил,
Как годов поменьше было
Да побольше сил.
На седьмой десяток пятый
Мне идет теперь.
Молодчага был я прежде,
Не мужик, а зверь,
Красных девок на гулянке
Кто развеселит?
Кто в бою кулачном крепче
За своих стоит?
По весне кто лед на Волге
Первый перешел?
Кто на нож полезет смело?
Кто? – Кузьма Орел...
Был мужик я. За ухватку
Прозвали Орлом,
И в остроге записали
Так меня потом. –
«Как в остроге? Ты отколя?

Здешний али нет?»
– Издалеча, милый, с Волги, –
Отвечает дед. –
С Волги-матушки широкой,
С самых Жигулей... –
«Погоди-ка-сь; эй, еще нам
Водочки налей».
Целовальница красotka
Налила сама...
«На-ко пей во славу Божью,
Дедушка Кузьма...»
– Со свиданьем. Эка водка,
Так и жжет огнем...
Славно. Слушай, говорил-то
Я тебе о чем?
Да. В деревне Жигулихе
Я родился... Там
Рос, гуляючи по Волге
Да по Жигулям...
И места у нас, ей-богу,
Не места – краса:
Жигули с дремучим лесом
Лезут в небеса.
Ни души там. В поднебесье,
На вершине скал,
Царь-орел гнездо свивает,
Там и я бывал.
Заберешься на вершину –
Все перед тобой.
Волга яркая сверкает
Лентой голубой...
И за Волгой желтой шапкой
И Царев курган
Словно виден на ладони...
Разин-атаман,
Под курганом с удалцами
Грабил в старину...
Кто сдавался – не обидел,
Нет – пускал ко дну...

Да и мы в былое время
Делали дела...
Волга-матка эту тайну
В море унесла.
От Усы-реки, бывало,
Сядем на струга,
Гаркнем песню – подпевают
Сами берега...
Свирепеет Волга-матка,
Словно ночь черна,
Поднимается горою
За волной волна.
Через борт водой холодной
Плещут беляки,
Ветер свищет, Волга стонет,
Буря нам с руки.
Подлетим к росшиве: – Смирно.
Якорь становой.
Шишка, стой. Сарынь на кичку.
Бечеву долой.
Не сдадутся – дело плохо,
Значит, извини.
И засвищут шибче бури
Наши кистени...
Дай-ка водки... Было время –
Почудили мы,
Не носили за плечами,
Как теперь, сумы.

(Начало 1890-х годов)

ПРИМЕЧАНИЯ. *Жижули* – горы на правом берегу Волги, огибаемом ее излучиной. *Царев курган* – гора на левом берегу Волги, близ впадения в нее реки Сок. *Разин-атаман* – Степан Тимофеевич Разин (ок. 1630–1671), донской казак, предводитель восстания 1670–1671 гг.; с казачьими отрядами совершал набеги на Волгу. *Уса-река* – правый приток Енисея. *Сарынь на кичку* – приказ всем находящимся на захваченном судне лечь на носу и не двигаться, пока разбойники это судно грабят.

ВЛАДИМИРКА – БОЛЬШАЯ ДОРОГА

(Посвящаю И.И. Левитану)

Меж чернеющих под паром
Плугом поднятых полей
Лентой тянется дорога,
Изумруда зеленей...
То Владимирка... Когда-то
Оглашал ее и стон
Бесконечного страдания,
И цепей железных звон.
По бокам ее тянулись
Стройно линии берез,
А трава, что зеленеет,
Рождена потоком слез...
Незабудки голубые –
Это слезы матерей,
В лютом горе провожавших
В даль безвестную детей...
Вот фиалки... Здесь невеста,
Разбивая чары грез,
Попрошавшись с другом милым,
Пролила потоки слез...
Все цветы, где прежде слезы
Пробивали пыль порой,
Где гревели колымаги
По дороге столбовой.
Помню ясно дни былые,
И картин мелькает ряд:
Стройной линией березы
Над канавами стоят...
Вижу торную дорогу
Сажень в тридцать ширины,
Травки нет на той дороге
Нескончаемой длины...
Телеграф гудит высоко,
Полосатая верста,
Да часовенка в сторонке
У ракитова куста.

Пыль клубится предо мною
Ближе... ближе... Стук шагов,
Мерный звон цепей железных
Да тревожный лязг штыков...
«Помогите нам, несчастным,
Помогите бедным нам!...»
Так поют под звон железа,
Что приковано к ногам.
Вот сквозь пыль штыки сверкают,
Блещут ружья на плечах.
Дальше серые шеренги –
Все закованы в цепях,
Враг и друг соединились,
Всех связал железный прут,
И под строгим караулом
Люди в каторгу бредут.
Но настал конец. Дорога,
Что за мной и предо мной,
Не услышит звон кандалный
Над зеленой пеленой...
Я спокоен – не увижу
Здесь картин забытых дней,
Не услышу песен стоны,
Лязг штыков и звон цепей...
Я иду вперед спокойный...
Чу... свисток. На всех парах
Вдаль к востоку мчится поезд,
Часовые на постах,
На площадках возле двери,
Где один, где двое в ряд...
А в оконца, сквозь решетки,
Шапки серые глядят.

(Начало 1890-х годов)

ПРИМЕЧАНИЯ. *Владимирка* – дорога из Москвы во Владимир, по которой осужденных на каторгу отправляли в Сибирь. *И.И. Левитан* – Исаак Ильич Левитан (1860–1900) – художник-пейзажист, одно из полотен которого называется «Владимирка». *Меж чернеющих под паром... полей* – меж незасаженных до осени

полей. *Полосатая верста* – верстовой столб на дороге, обозначающий расстояние. *Всех связал железный прут* – цепи конвоируемых каторжников прикреплялись к длинному металлическому стержню.

НА СЕВЕРЕ

В стране бурана и метели,
Где слышен только бури вой,
Где сосны старые да ели
Ведут беседу меж собой, –
Там человек бывает редко,
Его пустыни не влекут.
Лишь самоед, охотник меткий
Стрелой каленой, да якут,
Туда являясь для охоты,
Летят по снежным глубинам,
Чрез занесенные болота,
К пустынным моря берегам...
Там рыщет лось, да волк голодный
Себе добычу сторожит,
Да иногда лишь край холодный
Несчастных песня огласит.
Но что печальнее: она ли,
Или волков голодных вой,
Что долетал из снежной дали
До слуха тех певцов порой, –
Решить нельзя... А песня льется,
Родной в ней слышится мотив...
Она про родину поется,
Про золото родимых нив,
Родных, оставленных далеко,
Навек покинутых друзей...
Звучит та песня одиноко
Под звон заржавленных цепей!

ПОКЛОН ДОНУ

Путь счастливый! Отвези ты
Дону тихому поклон
И скажи, что не забыты
Мной ни степь, ни вольный Дон.
Не забыта в дни невзгоды,
Вдалеке родных земель,
Эта родина свободы
И героев колыбель.
Обновись душой усталой,
Степи воздухом вздохни
И скажи: боец удалый
Коротает мирно дни
В суете столицы скучной,
Мелочной заботы полн,
Где не слышно песни звучной,
Где не видно блеска волн,
Где болит душа от стона
Обездоленных людей,
Не вкушавших воли Дона
И не знающих степей.

(Начало 1890-х годов)

ПРИМЕЧАНИЕ. ...не забыты Мной ни степь, ни вольный Дон. – Предками Гиляровского, по неподтвержденному фактами преданию, были запорожские казаки.

ЗАВЕТ

Спи, мой друг, сынок любимый,
Спи спокойно, милый мой,
Будь боец неутомимый,
Честный сын страны родной.

Подрастешь – возмись за дело,
Всем несчастным помощь дай,

И в глаза пороку смело
Вызов искренний кидай.

Будь работник. Дням веселым
Лишь пустые счет ведут,
Все бери трудом тяжелым,
Верь, как в Бога, в честный труд.

В суете мирского праха
Будь ты чист и тверд, как сталь,
И встречай, не зная страха,
Жизни сумрачную даль!

Н. Малышев

ВОЛОГДА

Город Вологда мой милый,
Близ тебя я был рожден;
Ты казался мне привольным,
Мой родимый городок!
Пожил я в тебе довольно,
Не один провел годок.
Ты прекрасен, хоть не людный,
Ты рекою орошен;
И собор в тебе пречудный,
И церквами окружен.
Ты раскинулся широко
И садами испещрен,
А рекою и притоком
На три части разделен.
Ты не юноша годами,
Существуешь много лет,
Много пережил веками
Славных дел и тяжких бед.
Видел полчища Шемяки,
Ты и Грозного видал;
В тебе были и поляки,
И Великий Петр бывал.
Ты богат своей святыней:
Пятьдесят в тебе церквей!
Видно, исстари доныне
Много добрых есть людей.
И святыня дорога
Есть еще в тебе притом:

Чудо-церковь городская,
Одним строенная днем!
Есть где Богу помолиться!
И бедняк найдет ночлег,
Хоть и денег не случится,
И обедом кормят всех...
Есть и пристань пароходам:
Цело лето, от весны,
Много едет здесь народу
В наши северны страны.
Есть, близ пристани белея,
Церковь «Федор Стратилат»,
А у церкви, зеленея,
Небольшой посажен сад.
Расположен садик этот
Возле Вологды-реки;
В нем дорожки чистят летом
Инвалиды-старики.
В этом садике зеленом –
Небольшой старинный дом,
Дом, когда-то посещенный
Императором Петром.
В честь его стоит и пушка,
На реку обращена:
Тут аллея густых опушка
И скамейка из дерна.
Близок сердцу и любезен
Мне твой каждый уголок;
Мил душе моей и дорог
Ты, родной мой городок.

ПРИМЕЧАНИЯ. ...*собор в тебе пречудный* – соборная церковь Успения Пресвятой Богородицы, построенная в 1568–1570 гг. по образцу Успенского собора Московского Кремля; находится на Соборной Горке на правом берегу реки Вологды. ...*рекою и притоком На три части разделен*. – Город делился на Верхний, Нижний посады и Заречье рекой Вологдой и впадающей в нее речкой Золотухой. ...*Видел полчища Шемяки* – Дмитрий Юрьевич Шемяка, князь Галича-Костромского, совершал набеги на Вологду во второй половине 1440-х гг. ...*Грозного видал* – царь Иван IV Васильевич Грозный несколько раз посещал Вологду в 1560-е гг. ...*В тебе были и поляки* – польские отряды грабили Вологду в Смутное время; наиболее жестокому разо-

рению они подвергли город и его окрестности осенью 1612 г. ...*Великий Петр был* – Петр I приезжал в Вологду шесть раз (в 1692, 1693, 1694, 1702, 1722 и 1724 гг.). *Чудо-церковь городская, Одним строенная днем* – имеется в виду церковь Спаса Обыденного, срубленная в 1654 г. за одну ночь ради спасения от «моровой язвы»; позднее она была переименована в церковь Спаса Всеградского, в конце XVII в. на ее месте был поставлен каменный храм; в середине XIX в. этот храм перестроили и увеличили в размерах; он стоял на территории, занимаемой ныне Площадью Революции; при советской власти в его здании открыли кинотеатр, а в начале 1970-х гг. церковь снесли. ...*бедняк найдет ночлег* – бесплатный ночлежный дом со столовой был открыт в Вологде в 1889 г. на средства потомственного почетного гражданина Т.Е. Колесникова. *Церковь «Федор Стратилат»* – постройка этого храма, находившегося на правом берегу реки Вологды в Нижнем Посаде, датируется 1628 г.; в годы советской власти он был разрушен. ...*Дом, когда-то посещенный Императором Петром* – дом голландского купца Гоутмана рядом с церковью Федора Стратилата; Петр I останавливался в нем во время последнего посещения Вологды.

Каллистрат Жаков

БИАРМИЯ

(Фрагменты из поэмы)

<...>

Йома-баба проживала
Беззаботно в темных пармах,
У дорожки безымянной.
Близ низин тягуче-вязких,
У ручья меж скал сенистых.
Тут жила она, в избушке
В темно-серой, неприглядной,
Вся седая баба Йома
И костлявая старушка.
Руки длинные висели,
До коленей доходили,
А во рту – большие зубы,
Зубы твердые, как кремень.
Кошка черная – подруга
Йомы-бабы, той старушки –
Песню пела чародейно
И мурлыкала всё сказки –
Кошка черная старушке.
Баба Йома и спросила
Кошку черную, подругу:
«А скажи-ка, чародейка,
Новости какие в парме?»
Ведьма-кошка отвечала,
Хвост подняв высоко кверху,
Глаза острые закрывши:
«Новостей особых нету,

Опричь сына князя Перми.
С год тому родился мальчик
От царицы светлой Райды,
Яура супруги верной.
Югыморт он несравненный,
Мальчик-чудо, украшеньё
Светлой пармы многогорной».
Йома-баба тут сказала:
«Мне давно известно это,
Ты скажи-ка лучше вот что:
Как украсть нам Югыморта,
Ту малютку унести бы,
Взявши с люльки из-под соски,
Оторвать от груди Райды,
Губы ж мальчика приблизить
К старой груди бабы Йомы,
К груди старой, одряблевшей.
А люблю я Югыморта
Пуше жизни в темной парме,
Лика солнца мне милее
Детский лик красавца Югид.
Чародейка ты, подруга,
Умираю я, тоскуя,
Зависть гложет сердце Йомы,
Злая зависть к белой Райде,
К украшенью Биармии.
Уж нелегкая прислала
Женщину, гордыню эту,
Пучеглазую царевну.
Ведь коса у ней до пяток,
У той ведьмы злоковарной.
Помоги же: как похитить
Югыморта темной ночью?»
Горько плакала так Йома,
Целовала морду кошки.
«Больно просто Югыморта
Унести нам темной ночью
За ущербом серебристой
Той луны, красотки неба.

Нынче праздник князя Перми;
Напились безрассудный
Яур, князь рыжебородый,
С ним и Ошпи Лыадорса,
И Вэрморт, игрок великий,
Во хмелю лежат все ночью
И детей глупее стали,
Пивом-суром насладившись
Вдосталь, всладость, до безумья.
А супруга, дочь Оксора,
Сладким сном объята ныне,
Зарнигэтыр тоже дремлет
Возле люльки бестолково.
Порошком ты прикоснися
К старомодной Зарнигэтыр,
Дай понюхать зелья ведьмы,
И уснет она надолго.
Тут возьми ты Югыморта,
Пятью пальцами возьми ты
Из поющей зыбки-люльки,
На руки бери мальчонка
И тащи к себе в избушку.
Все так просто, не печалься,
Мудрая хозяйка леса».
Так «добру» тут научила
Бабу Йому в черной парме
Кошка черная Марагди,
Из колдуний чародейка.
Скоро скрылось за горою
Солнце яркое, за лесом.
Вечер темный наступил тут,
Многозвездный и безлунный –
Старый месяц был в ущербе,
Новый не успел родиться,
Проживал еще во чреве
Темной ночи непроглядной.
Тихо, тайно тут прокралась
Баба Йома в терем князя,
Порошком тут прикоснулась

К носу старой Зарнигэтыр.
И понюхала та зелья,
Ничего сама не зная –
Пребывала ведь в дремоте
Возле люльки Зарнигэтыр.
Сном глубоким тут уснула,
И надолго, няня Зарни.
Баба Йома подхватила
Югыморта и прижала
К груди старой, и умчалась,
И на цыпочках исчезла
Из избушки князя пармы.
Утром рано, спозаранку
Уж вернулась к черной кошке,
К чародейке и подруге,
В пармы темные, в тущобы.
Что за стоны, что за вопли
В Джеджим-парме раздаются,
В царском тереме сегодня?
Кто-то плачет, кто-то стонет.
Аль кукушка то кукует,
Золотая в горе вдалась?
Не кукушка то кукует,
То супруга князя стонет,
Пальцы белые ломает,
На себе рвет шелк и пурпур,
Стонет, плачет безутешно:
Югыморта нет ведь в люльке;
Зарнигэтыр сном объята:
Смерть объяла тело Зарни.
И зовет тут мужа-князя
Райда светлая у люльки:
«Ой, проснися, муж мой милый.
Нет ребенка, нет малютки,
Украшенья нет меж нами,
Я умру от той печали!»
И проснулся тут наш Яур,
На ноги вскочил он быстро
И кричит он громко, властно:

«Эй, зовите все Вэрморта,
Слуги верные вы, туна,
Он все знает, чародей наш!»
И всклокоченный вбежал тут
Сам игрок, Вэрморт великий.
Видит – горе тут случилось,
Несказанное несчастье.
Взял он домбру-чаровницу,
На крылечко сел скорее
И ударил в струны домбры.
Звуки домбры полетели
Вверх, на небо, в синь лазури,
К солнцу яркому навстречу.
Поднялось тут солнце спешно,
Ясный месяц раньше срока
Выходил из чрева ночи;
Вышел он из той утробы
Мрака вечного – под небом.
Закачались сосны, ели
Взволновались звери, птицы,
Услыхавши звуки домбры,
Спозаранку – заговоры.
И затем Вэрморт великий:
«Пармы светлые, услышьте,
Сосны, ели, пихты, ольхи!
Все излучины-дорожки
В темных пармах, вы услышьте:
Югыморт пропал наш милый!
Горницы природы дивной,
Все светлицы над холмами,
Вы услышьте звук молитвы!
И вы, звери – все друзья вы,
Так скачите, поищите
Югыморта повсеместно.
Птицы горные, внимайте:
Посмотрите с выси дальней
Где ребенок наш укрылся...
Заклинаю, всех зову вас,
Скалы древние, проснитесь!»

Услыхали все деревья
Домбры звон, тот звук призывный,
Зашумели, взволновались.
Вихорь буйный налетел тут
И ударился о скалы,
И ручьи остановили
Быстрый бег, и застонали
Родники тут, зажурчали
Грозно-гневно меж камнями.
Выскочил из пармы древней
Тот силач, медведь матерый,
Побежал за Югьдмортом;
Бурый волк – он устремился
Узкою тропой лесистой.
Заспешили зайцы, рыси
И лисицы вслед за ними.
Росомахи поднялись,
Заревели, заорали...
Крик пошел по пармам древним.
Птицы гневно залетали,
Голосила и трубили,
Югьдморта все искали.
Тури-Ягморт тут явился
И пошел к старушке Йоме.
Каленик, тот лебедь белый,
Он на крышу сел избушки
Бабы Йомы и стучал он
Клювом огненным по бревнам.
Испугалась баба Йома,
Взяв ребенка Югьдморта
На руки к себе, малютку,
Тут в окошко слуховое
Выбежала ведьма Йома;
Кошка черная за нею.
И тихонько меж деревьев
Скрылась старая, умчались
Тайною тропой лесною.
Звери, птицы окружили
Дом колдуньи – злой старушки,

Подняли все рев ужасный,
Крышу сбили и ломают
Окна, в двери все стучатся.
Тут медведь ударил лапой,
Двери выломал он скоро,
Ворвались звери, птицы
К бабе Йоме в ту избушку –
Ее нет, и след простыл уж.
Выбежали звери, птицы
И помчались вслед старушке.
Волк бежит через болото,
А медведь уж мчится в горы,
Зайчики в ложбинах темных,
А лисицы за холмами.
Над рекою – Тури-Ягморт,
Птица Каленик – над лесом.
Йома-баба убегает
С гор в долины, а с ложбины
На холмы идет поспешно,
На руках ребенок Райды,
Кошка черная за нею
Нога в ногу пробегает.
В Джеджим-парме раздается
Плач великий: стонет Райда
На крылечке безутешно,
Руки белые ломает.
Тут народ кругом толпится,
Суется бестолково.
«Где ты, где ты, Югидморт мой,
Драгоценный мой сыночек?
Жив ли, милый, ты на свете?
Я умру же скоро, скоро,
Ведь погас мой светоч жизни.
Нет уж в люльке Югидморта,
Драгоценного сыночка.
Ветерок крылатый, милый,
Ты верни мне Югидморта,
Солнце красное – ребенка,
Ясный месяц – мне малютку

Возвратите, сердце жизни!
Енмар, Бог высокий, грозный,
Матери услышь молитвы!»
Райда плакала, молилась.
Яур, князь рыжебородый,
С ним же Ошпи Лыадорса
И Вэрморт, игрок великий, –
Поспешили все на пармы,
Ищут все в лесах суровых,
И народ за ними тоже,
Ищут сына князя Югьд.
Баба ж Йома убегает
С гор в долины, а с ложбины
На холмы идет поспешно,
Кошка черная за нею,
На руках у Йомы мальчик.
Долго ль, коротко ль прошли тут –
Птица Каленик нагнала
Йому-бабу, пригрозила
Клювом страшным ведьме Йоме.
Тури-Ягморт тут явился,
И взмолилась ведьма Йома
Пощадить ей жизнь, старушке.
Тут кладет она ребенка
Югьдморта да на крылья
Птице Каленик сажает.
Птица Каленик и Ягморт
Тут тихонько и поспешно
С осторожностью уносят
Югьдморта в дом обратно.
И приводят в Джеджим-парму,
Отдают малютку Югьд
Матери, счастливой Райде.
Звери, птицы все узнали
О возврате сына князя,
Успокоившись душою,
Рассказали и героям:
«Югьдморт уж в Джеджим-парме!»
Яур, князь рыжебородый,

С ним же Ошпи Лыадорса
И Вэрморт, игрок великий,
Тут вернулись в дом обратно.
Увидали – мальчик в люльке,
Зарнигэтыр возле зыбки.
Богу Енмар поклонились
Тут герои и молились
Богу неба долго, долго.

<...>

Так кудесник, тун-волшебник
Говорил о мирозданье,
О минувшем, отдаленном,
О начале всех творений.
Пел он день, другой и третий.
Речь держал он по порядку.
Струнам домбры величавой
Весь внимал бесперерывно.
Югыморт же слушал песню.
И узнал он о минувшем,
Стародавнем и предвечном,
О вещей происхожденье.
Тут спросил он вновь Вэрморта:
«Как живут все боги наши –
Боги ближние на пармах
И в реках прозрачно-светлых,
На горах седовершинных?
Спой о том ты, жрец-кудесник».
Сердцеведец, приворожник,
Прослезился тут Вэрморт наш,
Опечалился волшебник:
«Мало знают люди-дети
О великом и священном».

<...>

Ободрился, дух унылый,
Расскажи ты Югыморту
О делах великих, дивных
Тех защитников могучих,
Кем страна родная – парма –

Держится доселе твердо.
А грядущее – во мраке.
«На святом хребте Урала,
На скалах тех сизоликих,
В облачно-вершинных пармах,
У ворот Сибири дальней,
Где могуче льются воды,
Там, где брызжут водопады,
Где ревут водовороты
И снега не тают летом,
Близ течений вод студеных,
На высотах безымянных –
Птица Рык там восседает,
Крыльями шумит порою,
Предрекая все несчастья.
Страшно кличет на все горы,
В исполнение Божьей правды.
Временем границы-сроки
Указует веще-громко.
В той стране, далекой Югре,
Есть вершина над горами.
Словно ястреб над лесами,
Там парит в лазурной выси
Тэлпозиз, гора святая.
На вершине одинокой
Там гнездо из камня, в выси.
Ветер, бог Шуа великий,
В том гнезде живет издревле;
В каменном гнезде ветров он
Проживает беспечно.
Он же Войпель чуткоухий,
Вихорь буйный, бог суровый.
В день морозный, ясный, тихий
Бог Шуа все слышит чутко –
Каждый шорох в горной выси,
На камнях седых Уральских.
Ежель кто стучать там станет,
Песни петь – во гнев великий
Он придет, наш славный Войпель,

Бурю снежную поднимет
И погубит человека,
Зверя, птицу беспощадно.
Страшно, страшно в день ненастья,
В пургу зимнюю в Уралах,
Близ гнезда седых утесов,
Где так тяжело восседает
Бог великий, чуткий Войпель,
Между сосен, елей мрачных,
В глубине сугробов снежных,
В можжевельниках шуршащих,
Среди вереска в долинах,
Покровенных пеленою
Севера – снегов неталых,
Молчаливых и угрюмых.
Дети Войпеля на пармах
Обижают беззаботно.
Боги леса – дети Вихря,
Ветра буйного на Камне,
Все живут в избушках серых –
Боги леса, и с семьями.
И шушукуются вместе
В бурю, в непогоду в пармах,
Безрассудно все хохочут,
Хлопая в ладоши громко,
Вихрем вдаль несутся в зиму,
По лесам дремучим мчатся
С гиком, шумом всей толпою,
Валят там деревья в пляске
Бешеной, в сугробах пармы.
Прячутся в испуге звери,
Зарываясь в снег глубокий,
Падают стремглав в сугробы
Птицы в страхе несказанном;
Лешие хохочут хором,
От избушки до избушки
Мчатся, машут все руками,
Ударяя в сосны, ели,
С треском все бегут к той Йоме,

К бабе Йоме в темных пармах —
Пива сладкого напиться.
Любят пиво чрезвычайно
Лешие, подобно людям.
В малицах зимою ходят
И в кафтан сине-зеленый
В пору летнюю одеты.
Боги леса проживают
Пресчастливо, помогают
Нам немало в дни напастей.
А в реке же быстротечной
И в озерах, в темных безднах
Проживают водяные —
В одиночку и с семьею.
Во дворцах они стеклянных
Дни проводят в дикой пляске.
Мы даем им жертвы много,
Чтоб людей не обижали,
Смертью тайной не грозили.
И коров хватают часто,
И быков на перевозах —
Тянут их на дно нещадно.
В дальнем Севере, над морем
Птица Каленик летает,
Блеском перьев озаряет
Лед холодный, темно-синий.
Сыплет искры над горами
Льдов прозрачных и сугробов.
Машет крыльями порою
На небесном дальнем своде.
Дивным светом озаряя
Все пустыни белой тундры,
Птица Каленик летает.
В наших пармах в день осенний
Вечерами собирает
Одиночных птиц на пармах
В стаи крепкие, в соборы —
Для полета в юг далекий.
Много, много, Югидморт мой,

Всех богов в стране холодной
На краю земли великой.
В каждом камне бог живет ведь,
И в деревьях стародревних
Духи жизни обитают.
Охраняет доли в пармах
Счастья бог – Воршуд чудесный.
В берестянке вон сидит он,
Тихо, молча созерцает
Незаметно, несказанно.
Шева-бог живет повсюду.
Заклинаньем извлекают
Из деревьев, камня Шеву –
Напустить потом на зверя,
На людей порой из мести
Шеву-бога, эту порчу,
Что так губит человека.
Орт-двойник, живет он в теле
Человека, в сновиденьях,
Бродит-ходит он повсюду;
Видит, слышит, помнит, знает
Грезы, думы, все виденья.
А со смертью человека
Орт-двойник не умирает,
Остается жить надолго.
Силу чар и заклинаний,
Тайны темные природы
Не могу поведать вскоре:
Юн еще ты, мой любимец,
Югыморт мой, внук Оксора».

<...>

1916

ПРИМЕЧАНИЯ. Поэма К.Ф. Жакова «Биармия» создана по мотивам мифологических сказаний народа коми. Написана она была на русском языке. Образцом для автора послужил карело-финский эпос «Калевала» в переводе Л.П. Бельского. В первом из публикуемых фрагментов рассказывается о похищении младенца Югыморта, сына князя Перми Юра и княгини Райды. Во втором певец-чародей Вэрморт повествует подросшему Югыморту об устройстве мира. Составная часть имен «морт» на языке коми значит «человек». *Биармия* – в средневековых источ-

никах страна на крайнем северо-востоке Европейского континента, богатая мехами, серебром и моржовой костью; некоторые исследователи отождествляют ее с Пермской землей, заселенной народом коми. *Йома* (*Ёма*)-баба – персонаж коми мифологии и фольклора, аналогичный русской Бабе Яге. *Парма* – северный лес. *Сенистый* – тенистый. *Югыдморт* – первая часть имени на языке коми значит «светлый», «сияющий». ...*нелегкая прислала Женщину, гордыню эту* – Райда была похищена князем Яуром и его товарищами из далекого биармийского города Кардора. *Джеджим-парма* – высокий лес. *Вэrmорт* – первая часть имени значит «лесной». *Тури-Ягморт* – сказочный персонаж, журавль с железным клювом («тури» значит «журавль», «яг» – сосновый лес). *Каленик* – огненная птица, олицетворенный образ северного сияния. *Енмар* – верховное божество в мифологии коми. *Тун* – колдун, чародей. *Югра* – территория между рекой Печорой и Северным Уралом. *Тэлпозиз* – самая высокая гора Северного Урала. *Шуа, Войпель* – божество северного ветра в мифологии коми. *Чуткоухий* – один из вариантов перевода имени Войпель – «всеслышащий» (по другой версии это имя значит «владыка Севера»). ...*на Камне* – на Уральских горах.

Николай Клюев

* * *

Я был прекрасен и крылат
В богоотеческом жилище,
И райских кринов аромат
Мне был услadoю и пищей.

Блаженной родины лишен
И человеком ставший ныне,
Люблю я сосен перезвон,
Молитвословящий в пустыне.

Лишь одного недостает
Душе в подветренной юдоли, —
Чтоб нив просторы, лоно вод
Не оглашались стоном боли,

Чтоб не стремил на брата брат
Враждою вспыхнувшие взгляды,
И ширь полей, как вертоград,
Цвела для мира и отрады,

И чтоб похитить человек
Венец Создателя не тщился,
За что, отверженный навек,
Я песнокрылия лишился.

<1910, 1911>

Спят косогор и река
Призраком сизо-туманным.
Вот принесло мотылька
Ночи дыханьем медвяным.

Шолом избы, как челнок,
В заводи смерти глядится...
Ангелом стал мотылек
С райскою ветвью в деснице.

Слышу бесплотную весть –
Голос чарующе властный:
«Был ты, и будешь, и есть –
Смерти вовек непричастный».

<1911>

СТАРУХА

Сын обижает, невестка не слушает,
Хлебным куском да бездельем корит;
Чую – на кладбище колокол ухает,
Ладаном тянет от вешних раки.

Вышла я в поле, седая, горбатая, –
Нива без прясла, кругом сирота...
Свесила верба сережки мохнатые,
Меда душистей, белее холста.

Верба-невеста, молодка пригожая,
Зеленью-платом не засти зари;
Аль с алоцветной красою не схожа я –
Косы желтее, чем бус янтари.

Ал сарафан с расписной оторочкою,
Белый рукав и плясун-башмачок...

Хворым младенчиком, всхлипнув над кочкою,
Звон оголосил пролесок и лог.

Схожа я с мшистой, заплаканной ивою,
Мне ли крутиться в янтарь-бахрому?..
Зой-невидимка унывей, дремливей,
Белые вербы в кадильном дыму.

<1912>

* * *

Прохожу ночной деревней,
В темных избах нет огня,
Явью сказочною, древней
Потянуло на меня.

В настоящем разуверясь,
Стародавних полон сил,
Распахнул я лихо ферязь,
Шапку-соболь заломил.

Свистнул, хлопнул у дороги
В удалецкую ладонь,
И, как вихорь, звонконогий
Подо мною взвился конь.

Прискакал. Дубровым зверем
Конь храпит, копытом бьет, —
Предо мной узорный терем,
Нет дозора у ворот.

Привязал гнедого к тыну;
Будет лихо али прок,
Пояс шелковый закину
На точеный шелонок.

Скрипнет крашенная ставня...
«Что, разлапушка, — не спишь?»

Неспроста повесу-парня
Знают Кама и Иртыш!

Наши хаживали струги
До Хвалынщины подчас, –
Не иссякнут у подруги
Бирюза и канифас...»

Прояснились избенки,
Речка в утреннем дыму.
Гусли-морок, всхлипнув звонко,
Искрой канули во тьму.

Но в душе, как хмель, струится
Вещих звуков серебро –
Отлетевшей жаро-птицы
Самоцветное перо.

<1912>

ПРИМЕЧАНИЕ. *Хвалынщина* – Каспийское море.

* * *

Радость видеть первый стог,
Первый сноп с родной полосы,
Есть отжиночный пирог
На меже, в тени березки.

Знать, что небо ввечеру
Над избой затеплит свечки,
Лики ангелов в бору
Отразят лесные речки.

Счастье первое дитя
Усыплять в скрипучей зыбке,
Темной памятью летя
В край, где песни и улыбки.

Уповать, что мир потерь
Канет в сумерки безвестья,
Что, как путник, стукнет в дверь
Ангел с ветвью благовестья.

<1913>

ПРИМЕЧАНИЕ. *Отжиночный пирог* – ритуальная еда в конце жатвы.

* * *

Ворон грает к теплу, а сорока – к гостям,
Ель на полдень шумит – к звероловным вестям.

Если полоз скрипит, конь ушами прядет –
Будет в торге урон и в кисе недочет.

Если прыскает кот и зачесется нос –
У зазнобы рукав полиняет от слез.

А над рябью озер прокричит дребезда –
Полонит рыбака душегубка-вода.

Дятел угол долбит – загорится изба,
Доведет до разбоя детину гульба.

Если девичий лапоть ветшает с пяты, –
Не доесть и блина, как наедут сваты.

При запалке ружья в уши кинется шум –
Не выглаживай лыж, будешь лешему кум.

Семь примет к мертвецу, но про них не теперь, –
У лесного жилья зааминена дверь,

Под порогом зарыт «Богородицын сон», –
От беды-худобы нас помилует он.

<1914>

ПРИМЕЧАНИЯ. *Зааминенный* (от слова «аминь», заключающего молитву) – за-клятый от нечистой силы. «*Богородицын сон*» – народный духовный стих, используемый как заговор.

* * *

Не в смерть, а в жизнь введи меня,
Тропа дремучая лесная!
Привет вам, братья-зеленя,
Потемки дупел, синь живая!

Я не с железом к вам иду,
Дружась лишь с посохом да рясой,
Но чтоб припасть в слезах, в бреду
К ногам березы седовласой,

Чтоб помолиться лику ив,
Послушать пташек-клирошанок,
И, брашен солнечных вкусив,
Набрать младенческих волвянок.

На мху, как в зыбке, задремать
Под «баю-бай» осиплой ели...
О пуща-матерь, тучки прядь,
Туман пушистее кудели.

Как сладко брагою лучей
На вашей вечери упиться,
Прозрев, что веткою в ручей
Душа родимая глядится!

<1915>

* * *

Обозвал тишину глухоманью,
Надругался над белым «молчи»,

У креста простодушною данью
Не поставил сладимой свечи.

В хвойный ладан дохнул папиросой
И плевком незабудку обжег, –
Зарябило слезинками плесо,
Сединою заиндевел мох.

Светлый отрок – лесное молчанье,
Помолясь на заплаканный крест,
Закатилось в глухое скитанье
До святых, незапятнанных мест.

Заломила черемуха руки,
К норке путает след горностай...
Сын железа и каменной скуки
Попирает берестяный рай.

Между 1914 и 1916

* * *

Судьба-старуха нижет дни,
Как зерна бус – на нить:
Мелькнет игла – и вот они,
Кому глаза смежить.

Блеснет игла – опять черед
Любить, цветы срывать...
Недолог день, и краток год
Нетленное создать.

Всё прах и дым. Но есть в веках
Богорожденный час,
Он в сердобольных деревнях
Зовется Светлый Спас.

Не потому ль родимых сел
Смиренномудрен вид,
Что жизнедательный глагол
Им явственно звучит,

Что небо теплит им огни
И Дева-благодать,
Как тихий лен, спрядает дни,
Чтоб вечное соткать.

<1915>

СЛЕЗНЫЙ ПЛАТ

Не пава перо обронила,
Обронила мать солдатская платочек,
При дороженьке слезный утеряла.
А и дождиком плата не мочит,
Подкопытным песком не заносит...
Шел дорогой удалый разбойник,
На платок, как на злато, польстился –
За корысть головой поплатился.
Проезжал посиделец гостиный,
Потеряшку почел за прибыток –
Получил перекупный убыток...
Пробирался в пустыню калика,
С неугасною свеченькой в шуйце,
На устах с тропарем переходим;
На платок он умильно воззрился,
Величал его честной слезницей:
«Ай же плат, много в устье морское
Льется речек, да счет их известен,
На тебе ж, словно рос на покосе,
Не исчислить болезных слезинок!
Я возьму тебя в красную келью
Пеленою под Гуриев образ,
Буду Гурию-свету молиться
О солдате в побоище смертном, –

Чтобы вражья поганая сабля
При замашке закал потеряла,
Пушки-вороны песенной думы
Не вспугнули бы граем железным,
Чтоб полесная яблоня-песня,
Чьи цветы плащаницы духмяней,
На Руси, как вежа, зеленела,
И казала бы к раю дорогу!»

<1916>

ПРИМЕЧАНИЕ. *Гурий* – святой мученик, покровитель семейного очага.

* * *

Звук ангелу собрат, бесплотному лучу,
И недруг топору, потемкам и сычу.
В предсмертном «ы-ы-ы!..» таится полувзвук,
Он каплей и цветком уловится, как стук.
Сорвется капля вниз, и вострепешет цвет,
Но трепет не глагол, и в срыве звука нет.
Потемки с топором и правнук ночи – сыч
В обители лесов поднимут хищный клич.
Древесной крови дух дойдет до Божьих звезд,
И сирины в раю слетят с алмазных гнезд;
Но крик железа глух и тяжек, как валун,
Ему не свить гнезда в блаженной роше струн.

Над зыбкой, при свече, старуха запоет,
Дитя, как злак росу, впивает певчий мед,
Но древний рыбарь-сон, чтоб лову не скудеть,
В затоне тишины созвучьям ставит сеть.
В бору, где каждый сук – моленная свеча,
Где хвойный херувим льет чашу из луча,
Чтоб напоить того, кто голос уловил
Кормилицы мирской и пестуны могил, –

Там, отроку-цветку лобзание дая,
Я слышал, как заре откликнулась заря,
Как вспел петух громов и в вихре крыл возник,
Подобно рою звезд, многоочитый лик...

Миг выткал пелену, видение темня,
Но некая свирель томит с тех пор меня;
Я видел звука лик и музыку постиг,
Дая уста цветку, без ваших ржавых книг!

<1916>

* * *

Уму – республика, а сердцу – Матерь-Русь.
Пред пастью львиною от ней не отрекусь.
Пусть камнем стану я, корягою иль мхом, –
Моя слеза, мой вздох о Китеже родном,
О небе пестрядном, где звезды-комары,
Где с аспидом дитя играет у норы,
Где солнечная печь ковригами полна
И киноварный рай дремливее челна...

Упокой, Господи, душу раба Твоего!..

Железный небоскреб, фабричная труба, –
Твоя ль, о родина, потайная судьба?!
Твои сыны-волхвы – багрянородный труд
Вертепу Господа иль Ироду несут?
Пригрезятся ли им за яростным горном
Сад белый, восковой и златобревный дом, –
Берестяный придел, где отрок Пантелей
На пролежни земли льет миро и елей?..

Изведи из темницы душу мою!..

Под красным знаменем рудеет белый дух,
И с крыльев Михаил стряхает млечный пух,

Чтоб в битве с сатаной железноперым стать, –
Адама возродить и Еву – жизни мать,
Чтоб дьявол стал овцой послушной и простой,
А лихо черное – грачонком за сохой
Клевало б червяков и сладких гусениц
Под радостный раскат небесных колесниц...

Свят, свят, Господь Бог Саваоф!

Уму – республика, а сердцу – Китеж-град,
Где шука пестует янтарных окунят,
Где нянюшка-судьба всхрапнула за чулком
И покумился серп с пытливым васильком,
Где тайна, как полей синеющая таль...
О тысяча девятьсот семнадцатый Февраль!
Под вербную капель и под грачиный грай
Ты выпек дружкин хлеб и брачный каравай,
Чтоб Русь благословить к желанному венцу...
Я запоздалый сват, мне песня не к лицу,
Но сердце – бубенец под свадебной дугой –
Глотает птичий грай и воздух золотой...

Сей день, его же сотвори, Господь,
Возрадуемся и возвеселимся в онь!

<1917>

ПРИМЕЧАНИЯ. *Китеж* – согласно преданиям, древнерусский город, опустившийся на дно озера при приближении к нему татарской орды. *Пантелей* – святой великомученик, почитаемый в народе как целитель. *Михаил* – архангел, предводитель небесного воинства. *Саваоф* – одно из имен Бога в Ветхом Завете. ...*тысяча девятьсот семнадцатый Февраль* – Февральская революция 1917 г. *Дружкин хлеб* – хлеб, используемый в свадебном обряде дружки, распорядителем со стороны жениха. *В онь* – в этот (день).

* * *

По жизни радуйтесь со мной,
Сестра бурсенка, друг гнедой,
Что стойло радугой цветет.

В подойнике лучистый мед,
Кто молод, любит кипень сот,
Пчелиный в липах хоровод!
Любя, порадуйся со мной,
Пчела со взяткой золотой.
Ты сладкой пасеке верна,
Я ж – песне голубее льна,
Когда цветет дремотно он,
В просонки синие влюблен!
Со мною радость разделите,
Баран, что дарит прялке нити
Для теплых ласковых чулок,
Глашатай сумерек – Волчок
И рябка – тетушка-ворчунья,
С котягою, – шубейка кунья,
Усы же гоголиной масти.
Ворона – спутница ненастья –
Не каркай голодно, гумно
Зареет, словно в рай окно,
Там полногрудые суслоны
Ждут молотьбы рогов и звона;
Кто слышит музыку гумна,
Тот вечно молод, как весна!
Как сизый аир над ручьем,
Порадуйся, мой старый дом,
И улыбнись скрипучей ставней.
Мы заживем теперь исправней,
Тебе за нищие години
Я шапку почию тесиной
И брови подведу смолой.
Пусть тополь пляшет над тобой
Гуськом, в зеленую присядку!
Порадуйся со мной и кадка,
Моя дубовая вдова,
Что без соленья не жива,
Теперь же, богатея салом,
Будь женкой мне и перевалом
В румяно-смуглые долины,
Где не живут с клюкой морщины

И старость, словно дуб осенний,
Пьет чашу снов и превращений,
Вся солнце рдяное, густое,
Чтоб закатиться в молодое,
Быть может, в песенки твои,
Где гнезда свили соловьи,
В янтарный пальчик с перстеньком.
Взгляни, смеется старый дом,
Ослабил окна до ушей
И жмется к тополю нежней,
Как я, без мала в пятьдесят,
К твоей щеке, мой смуглый сад,
Мой улей с солнечною брагой!
Не потому ли над бумагой
Звенит издевкой карандаш,
Что бледность юности не пара,
Что у зимы не хватает чаш
Залить сердечные пожары?!
Уймись, поджарый надоеда, —
Не остудят метели деда,
Лишь стойло б клевером цело,
У рябки лоснилось крыло
И конь бы радовался сбруе,
Как песне непомерный Клюев!
Он жив, олонецкий ведун,
Весь от снегов и вьюжных струн
Скуластой тундровой луной
Глядится в яхонт заревой!

1932 или 1933

* * *

Кому бы сказку рассказать,
Как лось матерый жил в подвале,
Ведь прописным ославят вралей,
Что есть в Москве тайга и гать,
Где кедрсы осыпают шишки —

Смолистые лешачьи пышки!
Заря полощет рушники
В дремотной заводи строки,
Что есть стихи – лосиный мык,
Гусиный перелетный крик;
Чернильница – раздолье совам,
Страницы с запахом ольховым,
И всё, как сказка на Гранатном?

В пути житейском необъятном
Я лось, забредший через гать
В подвал горбатый умирать.
Как тяжело ресницам хвойным,
Звериным легким – вьюгам знойным
Дышать мокрицами и прелью!
Уснуть бы под вотяцкой елью,
Сугроб пушистый – одеяло,
Чтобы не чуять над подвалом
Глухих вестей – ворон носатых, –
Что не купаются закаты
В родимой Оби стадом лис,
И на Печоре вечер сиз,
Но берега пронзили сваи,
Калина не венчает в мае
Березку с розовым Купалой,
По тундре дымной и проталой
Не серебрится лосий след,
Что пали дебри; брынский дед
По лапти пилами обрезан.
И от свирепого железа
В метель горящих чернолесий
Бегут медвежьи, рысьи веси.
И град из рудых глухарей,
Кряквы, стрельчатых дупелей
Лесные кости кровью мочит!..
Кому же сивыйклады прочит,
Напевом золотит копыта,
Когда черемуха убита –
Сестра душистая, чьи пальцы

Брыкастым и комолым мальцем
Его поили зельем мая?!..
От лесоруба убегая,
Березка в горностайной шубке
Ломает руки на порубке,
Одна меж омертвевших пней...
И я один, в рогожу дней
Вплетен, как лыко, волчьим когтем,
Хочу, чтобы сосновым дегтем,
Парной сохатою зимовкой,
А не Есенина веревкой
Пахнуло на твои ресницы
С подвала, где клюют синицы
Построчный золотой горох
И тундровый соловый мох
Вплетает время в лосью челку!
На Рождестве закличут елку
Впоследки погостить в подвал,
И за любовь лесной бокал
Осушим мы, как хлябь болотца.
Колдунья будет млеть, колоться,
Пылать от ревности зеленой,
А я поникну над затоном –
Твоим письмом, где глубь и тучки,
Поплакать в хвойные колючки
Под хриплый рог лихой погони
Охотника с косою зубастой.
И в этот вечер звезды часто,
Осиным выводком в июле,
Заволокут небесный улей,
Где няня-ель в рукав соболий
Запрячет сон земной и боли.

1932 или 1933

ПРИМЕЧАНИЕ. *Гранатный* – название московского переуллка, где жил Клюев.

Питири́м Сороки́н

ПЕСНИ МОИ

(Н.Д. Кондратьеву)

Взвейтесь стрелою вы, песни мои,
Яркою молнией небо пронзите,
Черные тучи скорей отгоните,
Громом промчитесь вы, песни мои!

Песни вы, песни крылатые, вещие,
Радостно-звонкие, мрачно-зловещие,
Отблески буйных порывов души!..
Кто вас родил, и вскормил, и взлелеял?
Жизни могучей порыв вас посеял
В почве безлюдной, в безвестной глуши.

Снежные вьюги напевы вам дали,
Ведьмы лесные слова нашептали,
Сказки же вам рассказали леса.
Будьте же нежны, как зовы свирели,
Будьте тревожней тревожной метели,
Будьте светлы, как весной небеса...

Если вам грустно – кукуйте кукушкой,
Свейтесь и слейтесь в печали друг с дружкой,
Плачьте слезами осенних ветров.
Если же весело – смейтесь безбурно,
Солнцем весенним сияйте лазурно,
Ярко пылайте пожаром костров...
Взвейтесь стрелою вы, песни мои!
Пойте о жизни, могучей как солнце,

Светлым лучом проскользните в оконце
Бедной лачуги, где братья мои.

<1913>

ПРИМЕЧАНИЕ. *Кондратьев Николай Дмитриевич* (1892–1938) – близкий друг Сорокина, учившийся с ним в семинарии и в университете; впоследствии выдающийся экономист.

* * *

Мне не хочется больше читать...
Я устал от мятущихся дум...
Я хочу, как дитя, помечтать
Под осенний полуночный шум...

Хорошо без раздумья лежать
На ковре из зеленой травы,
Полевыми цветами играть
И смотреть в глубину синевы...

Облака перистые
Улетают вдаль,
Ивы серебристые
Шепчут про печаль.

А река спокойная
Сказку говорит,
Ласковая, древняя
Вьется и манит...

Быстрокрылой ласточкой
Взвиться б и лететь,
Нежно про касаточку
Все бы петь да петь...

Но тревожные думы мои
Встрепенулись, испугнули мой сон...

Где вы, детские грезы мои?!
Где ты, вешний, малиновый звон?

<1913>

НЕ ЗНАЮ Я...

(А. А. Р.)

Не знаю я – мы встретимся иль нет...
Быть может, наше «до свиданья»
Судьбою понято как вечное «прости»;
Но миг созвучного былого трепетанья,
Когда мы встретились случайно на пути,
Не может никогда увясть и отцвести...
Его хранит в душе своей поэт...
Не знаю я, мы встретимся иль нет...
Быть может, наши жизненные тропы,
Как порванных стихов разрозненные строфы,
Не встретятся уж больше никогда...
Но где бы ни был я – повсюду и всегда
Тебя благодарю я...
Пусть ветер донесет к тебе живой привет
И чистый аромат живого поцелуя...
Не знаю я – мы встретимся иль нет...

<1913>

ПРИМЕЧАНИЕ. Адресат стихотворения не установлен.

ПОД ШУМ ОСЕННЕГО ВЕТРА

(Посвящается А. А. Р.)

Стой, подожди меня, ветер осенний,
Вместе с тобой мы гулять полетим!
Что нам теперь до лазури весенней,
Лучше споем про закат мы осенний!
Ну так летим же, скорее летим!

Мы взовьемся, разовьемся,
Серой тучей расплывемся
И закроем даль небес...
Засвистим мы и завоем,
Захохочем и заноем,
Словно старый буйный бес.
А потом с тоской застнем,
Нашу юность похороним
И уйдем в безмолвный лес!

Что нам радость дней отрадных!
Пусть грустят о невозвратных
Днях порывов, трепетаний
И любовных упований
Те, кто юно жить устал...
На пороге дней закатных,
На распутьях пережатных
Мы с тобою вспеним море
И зальем бывшее горе
Неуслышанных рыданий,
Неоправданных мечтаний,
Вспеним выше буйный вал!

Если любят нас – мы рады,
Коль не любят – и не надо:
Мы поищем новых далей,
Без тоски и без печалей...
Что нам плакать и рыдать!
Если плакать, так уж плачем,
Смертным плачем мы заплачем,
Вспыхнем ярко зарницей
И под желтой багрянницей
Будем молча умирать.

<1913>

ПРИМЕЧАНИЕ. Впервые было опубликовано под псевдонимом «Вадим Вьюгов».

ПАЛАДИН ДАЛЕКОГО ВОСТОКА (Посвящается П.Н. Зепалову)

Моя душа родилась у истока
Предвечных снов и пламенных молитв...
Я паладин далекого Востока,
Я первый зов животворящих битв...

Косматых мыслей блещущую грудь
В потоке слов я сею по пути...
И буйный вихрь разносит их повсюду...
Им суждено цветами расцвести.

Бесплодный сор, полынь пустых мечтаний,
Трусливых чаяний, обманчивых надежд –
Все унесет порыв живых восстаний
И под обломками схоронит от невежд...

Раздастся гром далекого раската,
Взметнется вдруг животворящий шквал...
Пусть прошлое поет свой гимн заката.
Ему коне: идет девятый вал...

Я паладин далекого Востока.
Я провозвестник пурпурной мечты!
Мои права – права самого Рока!
Я паладин нетленной красоты!

<1913>

ПРИМЕЧАНИЯ. Впервые было опубликовано под псевдонимом «Вадим Вьюгов». Зепалов *Петр Николаевич* (1892–1918) – друг Сорокина, которому ученый посвятил свой труд «Система социологии». В стихотворении использована масонская символика. По традиции, восходящей к XVIII в., масонские ложи назывались иногда востоками.

КУБОК

Надоели мне охи и вздохи
И страданья, и стоны людей...
Эй, живее сюда, скоморохи!
Подходи, кто захочет, и пей!

Этот кубок викинги держали,
Умирая со смехом в бою,
И все те, кто на вечной скрижали
Начертали нам волю свою.

Осушал его тот, кто границы
И добра, и греха преступал,
Кто сверкал, как сверкают зарницы,
И десницу судьбы разрубал,

Кто смеялся при громе проклятий
И рыдал среди смеха толпы,
Кто срывал все печати заклятий,
Был кумиром и жертвой молвы...

Пей же кубок мой без колебаний,
Его пьют в миг один и до дна...
Кубок мой – кубок смелых дерзаний,
Кубок славы иль смертного сна...

Ну так что ж? Аль боишься ты мига
И не пьешь, чтобы вечно стонать?
Эй, подайте сюда мне вериги!
Мой приказ – скомороха сковать!

<1913>

ПРИМЕЧАНИЯ. Впервые было опубликовано под псевдонимом «В. Вьюгов».
...на вечной скрижали – на все времена.

Игорь Северянин

РОСА ОРАНЖЕВОГО ЧАСА

Поэма детства в трех частях
(Фрагменты)

<...>

Лед на реке, себя вздымая,
Треща, дрожа и трепеща,
Лишь ждет сигнального праша:
Идти к морям навстречу мая.
Лед иззелено-посинел,
Разокнился весь полыньями...
Вот трахнул гром по льду! Конями
Помчались льдины, снежность тел
Своих ледяных тесно сгрудив,
Друг друга на пути дробя,
Свои бока обызумрудив
В лучах светила и себя
В весеннем солнце растопляя...
И вот пошла река, гуляя
Своей разливною гульбой!
Ты потрясен, Господь с тобой?
Ты не находишь от восторга
Слов, в междометья счастья влив?
О, житель городского торго,
Радиостанции и морга,
Ты видел ли реки разлив,
Когда мореют, водянеют
Все нивы, пажити, луга,
И воды льдяно пламенеют,
Свои теряя берега?

В них отраженные, синеют
Стволы деревьев, а стога,
Телеги, сани и поленья
Среди стволов плывут в олени
Трущобы, в дебри; и рога
Прижав к спине, в испуге, лоси
Бегут, спасаясь от воды,
Передыхая на откосе
Мгновенье: тщетные труды!
Вода настигнет все, и смое
Оленей, зайцев и лисиц,
И тем, кого гора не скроет,
Пред нею пасть придется ниц...

С утра до вечера кошовник
По Суде гонится в Шексну.
Цвет лиц алее, чем шиповник,
У девок, славящих весну
Своими песнями лесными,
Недремлющих у потесей,
И Божье раздастся имя
Над Судой быстроводной всей.
За ними «тихвинки» и баржи
Спешат, стремглав, вперегонки
И мужички – живые шаржи –
За поворотами реки,
Извилистой и прихотливой,
Следят, все время начеку,
За скачкой бешено гульливой
Реки, тревожную тоску
В ней пробуждающей. На гонку
С расплыва налетит баржа,
Утопит на ходу девчонку,
Девчонкою не дорожа...
И вновь, толпой людей рулима,
Несется по теченью вниз,
Незримой силою хранима,
Возить товары на Тавриз
По Волге через бурный Каспий,

Сама в Олонецкой родясь...
Чем мужичок наш не был распят!
Острог, сивуха, рабство, грязь,
Невежество, труд непосильный –
Чего не испытал мужик...
Но он восстал из тьмы могильной,
Стоический, любвеобильный, –
Он исторически велик!

<...>

Дочь Ветра и Зимы, Снегурка, –
Голубожильчатый Ледок –
Присела, кутаясь в платок...
Как солнечных лучей мазурка
Для слуха хрупкого резка!
У белоствольного леска
Березок, сидя на елани,
Она глядит глазами лани,
Как мчится грохотно река.
Пред нею вьются завитушки
Еще недавно полых вод.
Снегурка, сидя на горушке
С фиалками, как на подушке
Лилово-шелковой, поет.
Она поет, и еле слышно
Хрусталист трели голосок,
Ей грустно внемлет беловишня,
Цветы роняя на песок.
И белорозые горбуны,
Невесты-яблони, чей смят
Печально лик, внемля певунье,
Льют сидровый свой аромат.
Весна поет так нио чемно,
И в нио чемности ее
Таится нечто, что огромно,
Как все земное бытие.
Весна поет. Лишь алый кашель
Порой врывается к ней в песнь.
Ее напев сердца онашил.
Ах, нашею он сделал веснь!

Алмаз в глазах Весны блистает:
Осолнеченная слеза.
Весна поет и в песне тает...
И вскоре в воздухе глаза
Одни Снегурочкины только
Сияют, ширятся, растут;
И столько нежности в них, столько
Предчувствия твоих минут,
Предсмертье, столько странной страсти,
Неразделенной и больной,
Что разрывается на части
Душа весной перед Весной!..
И чем полней вокруг расцвета
И жизни сила, чем слышней
Шаги спешащего к нам лета,
В горячей роскоши своей,
Тем шире грусть в очах весенних,
И вскоре поднебесье сплошь
Объято ими: жизни ложь
В весенних кроется мгновеньях:
«Живой! Подумай: ты умрешь!...»

Череповец, уездный город,
Над Ягорбой расположен,
И в нем, среди косматых бород,
Среди его лохматых жен,
Я прожил три зимы в Реальном,
Всегда считавшемся опальным
За убиение царя
Воспитанником заведенья,
Учась всему и ничему
(Прошу покорно снисхожденья!..).
Люблю на Севере зиму,
Но осень, и весну, и лето
Люблю не меньше. О поре
О каждой много песен спето.
Приехав в город в сентябре,
Заделался я квартирантом
Учителя, и потекли, –

Как розово их ни стекли! –
Дни серенькие. Лаборантам,
Чиновникам и арестантам
Они знакомы, и про них
Особо нечего сказать мне.
По праздникам ходили к Фатьме,
К гадалке (гривенник всего
Она брала, и оттого
Был сказ ее так примитивен...
Ах, отчего не дал семь гривен
Я ей тогда, и на сто лет
Вперед открыла бы гадалка
Число мной съеденных котлет!...).
Еще нас развлекала галка,
Что прыгала среди сорок
На улице, и поросенок,
На солнце гревшийся, спросонок,
Как новоявленный пророк,
Перед театром лежа, хрюкал;
Затем я помню вроде кукол
Туземных барышень; затем,
Просыпывая горсти тем,
Сажусь не в городские санки,
А в наш каретковый возок,
И, сделав ручкой черепанке,
Перекрестясь на образок,
Лечу на сумасшедшей тройке
Лесами хвойными, гуськом,
К заводской молодой постройке
С Алешей, сверстником-князьком!

Уже проехали Нелазу,
За нею Шулому, и вот,
Поворотив направо сразу,
Тимошка к дому подает
Не порожнем, а с седоками...
В сенях встречают нас гурьбой,
С протянутыми к нам руками,
Снимая шубы, девки-бой.

Мы не озябли: греет славно
Тела сибирская доха!
Нам любопытно и забавно
Шнырять по комнатам. Уха
С лимоном, жирная, стерляжья,
Припомидорена остро.
И шейка Санечки лебяжья
Ко мне сгибается хитро.
И прыгает во взорах чертик,
Когда она несет к столу
Угря, лежащего, как кортик,
Соте, ризотто, пастилу!

Был повар старший из яхт-клуба,
Из английского был второй.
Они кормили так порой,
Что можно было скушать губы...
Паштет из кур и пряженцы;
И рябчики с душиком, с начинкой,
Икрой прослоенной, пластинкой
Филе делящей; варенцы;
Сморчки под яйцами крутыми;
Каштаненные индюки;
Орех под сливами густыми, –
Шедевры мяса и муки!..
Когда, бывало, к нам на Суду
In согроге съезжался суд,
В пустую не смотрел посуду:
Все гости пальцы обсосут,
Смакуя кушанья, бывало,
И, уедаась до отвала,
С почтеньем смотрят на сосуд,
В котором паровую стерлядь
К столу торжественно несут...
Но и мортира ведь ожерлить
Не может большего ядра,
Чем то, каким она бодр...
Так и желудок – как мортира –
Имеет норму для себя...

Сопя носами и трубя,
Судейцы, – с лицами сатира,
Верблюда, кошки и козла, –
Боясь обеденного зла,
Ползут по комнатам на отдых,
Валясь в истоме на кровать,
И начинают горевать
О мене сытых, боле бодрых
Обедах в городе своем,
Которых мы не воспоем...

Но как же проводил я время
В присудской Сойволе своей?
Ах, вкладывал я ногу в стремя,
Среди оснеженных полей
Катаюсь на гнедом Спирютке,
Порой, на паре быстрых лыж,
Под девий хохоток и шутки, –
Поди, поймай меня! шалишь! –
Носился вихрем вдоль околиц;
А то скользил на лед реки;
Проезжей тройки колоколец
Звучал вдали. На огоньки
Шел утомленный богомолец,
И вечеряли старики.
Ходил на фабрику, в контору,
И друг мой, старый кочегар,
Любил мне говорить про пору,
Когда еще он не был стар.
Среди замусленных рабочих
Имел я множество друзей,
Цигарку покрутить охочих,
Хозяйских подразнить гусей,
Со мною взросло покалякать
О недостатках и нужде,
Бесслезно кой-о-чем поплакать
И посмеяться кое-где...

Наш дом громадный, двухэтажный, —
О грусть, глаза мне окропи! —
Был разбревенчатым, с Колпи
На Суду переплавлен. Важный
И комфортабельный был дом...
О нем, окрест его, легенды
Передавались, но потом,
Во времена его аренды
Одной помещицей, часть их
Перезабылась, часть другую
Теперь, когда страх в сердце стих,
Я вам, пожалуй, отолкую:

В том доме жили семь сестер.
Они детей своих внебрачных
Бросали на дворе в костер,
А кости в боровах чердачных
Муравили. По смерти их
Помещик с молодой женою
Там зажил. Призраков ночных
Вопль не давал чете покою:
Рыдали сонмы детских душ,
Супругов вопли те терзали, —
Зарезался в безумье муж
В белоколонном верхнем зале;
Жена повесилась. Сосед
Помещика, один крестьянин,
Рассказывал жене Татьяне:
«По вечерам, лишь лунный свет,
Любви и нечисти рассадник,
Дом озаряет, — на крыльцо
Брильянтовый въезжает всадник,
Лунеет мертвое лицо...».

И в этом-то трагичном доме,
Где пустовал второй этаж,
Я, призраков невольный страж,
Один жил наверху, где, кроме
Товарищей, что иногда

Со мной в деревню наезжали,
Бездушье полное. Визжали
Во мне все нервы, и, стыда
Не испытав пред чувством страха,
Я взрослых умолял: внизу
Меня оставить, но, грозу
Встречая, шел наверх, где плаха
Ночного ужаса ждала
Ребенка: тени из угла
Шарахались, и рукомойник,
Заброшенный на чердаке,
Педалил, каплил: то покойник,
Смывая пятна на руке
Кровавые, стонал... В подушку
Я зарывался с головой,
Боясь со столика взять кружку
С животворящею водой.
О, если б не тоска по маме
И не ночей проклятых жуть,
Я мог бы, согласитесь сами,
С восторгом детство вспомнить!
Но этот ужас беспрестанный,
Кошмар, наряженный в виссон...
Я видел в детстве сон престранный...
Не правда ли, престранный сон?

Так я лежу в своей кровати,
Дрожа от ног до головы.
Прекрасны днями наши Святки,
А по ночам – одно «увы».
Людской натуры странно свойство:
Я все ночное беспокойство
При первых солнечных лучах
Позабываю. Весь мой страх
Ночной мне кажется нелепым,
И я, бездумно радый дню,
Над дико страшным ночью склепом
Посмеиваюсь и трюню.
Взяв верного вассала – Гришку,

Мы превращаемся в «чертей»
И отправляемся вприпрыжку
Пугать и взрослых, и детей.
Нам попадаются по группам
Другие ряженные, нас
Пугая в свой черед как раз,
И, знаете ли, в этом глупом
Обычае – не мало крас!
Луна. Мороз. И силы вражьи –
В интерпретации людской
Рога чертей и рожи яжьи,
Смешок и гутор воровской...
Хвостом виляя, скачет княжич, –
Детей заводских будоражич, –
Трубя в охотничий рожок,
И залепляет свой снежок
В затылок Гришке-«дьяволенку»,
Преследующему девчонку,
Кричащему, как истый бес,
Враг и науки, и небес...

Без нежных женственных касаний
Душа – как бессвятынный храм,
О горничной, блондинке Сане,
Мечтаю я по вечерам.
Когда волнующей походкой
Идет мне стлать постель она,
Мне мнится: в комнату весна
Врывается, и с грустью кроткой
Я, на кушетке у окна
Майн Ридовскую «Квартеронку»
Читавший, закрываю том,
С ней говоря о сем – о том,
Смотря на спелую коронку
Ее прически под чепцом
«Белее снега». И лицом
Играя робко, но кокетно,
Она узор любви канвит,
Смеется взрывчато-ракетно,

Приняв задорно-скромный вид.
Теперь, спустя лет двадцать, в сани
Высоком, зная любовь княгинь,
Я отвожу прислуге Сани
Среди бывших моих богинь
Почетное, по праву, место,
И здесь, в стране приморской эста,
Благодаря, быть может, ей,
Согревшей нежной лаской женской
Дни отрочества, все больней
Мечтаю о душе вселенской
Великой родины своей!

<...>

Сын тети Лизы, Виктор Журов,
Мой и моей Лилит кузен,
Любитель в музыке ажуров,
Отверг купеческий безмен:
Студентом университета
Он был, и славный бы юрист
Мог выйти из него, но это
Не вышло: слишком он артист
Душой своей. Улыбкой скаля
Свой зуб, дала судьба успех:
Теперь он режиссер «La Scala»
И тоже на виду у всех...
О мой Vittorio Andoga!
Не ты ль из Андоги возник?..
Имел он сеттера и дога,
Охотился, писал дневник.
Был Виктор страстным рыболовом:
Он на дощанике еловом
Нередко ездил с острой;
Лая изрядно гордых планов,
Ловил на удочку паланов;
Моей стихии дорогой –
Воды – он был большой любитель,
И часто белоснежный китель
На спусках к голубой реке
Мелькал: то с удочкой в руке

Он рыболовить шел. Ловите
Момент, когда в разгаре клёв!
Благодаря, быть может, Вите,
И я – заправский рыболов.
В моей благословенной Суде –
В ту пору много разных рыб,
Я, постоянно рыбу уда,
Знал каждый берега изгиб.
Лещи, язи и тарабары,
Налимы, окуни, плотва.
Ах, можно рыбою амбары
Набить, и это не слова!..
Водились в Суде и стерлядки,
И хариус среди стремнин...
Я убежал бы без оглядки
В край голубых ее глубин!
...О Суда! Голубая Суда,
Ты, внучка Волги! дочь Шексны!
Как я хочу к тебе отсюда,
В твои одобренные сны!..

Был месяц, скажем мы, центральный,
Так называемый – июль.
Я плавал по реке хрустальной
И, бросив якорь, вынул руль.
Когда развесельная стихла
Вода, и настоялась тишь,
И поплавок, качаясь рыхло, –
Ты просишь: «И его остишь!» –
В конце концов на месте замер,
Увидел я в зеркальной раме
Речной – двух небольших языей,
Холоднокровных, как друзей,
Спешивших от кого-то в страхе;
Их плавники давали взмахи.
За ними спешно головли
Лобастомордые скользили,
И в рыбьей напряженной силе
Такая прыть была. Вели

Сорожек, точно на буксире,
 И, помню, было их четыре.
 И вдруг усастый черный черт
 Чуть не уткнулся носом в борт,
 Свои усища растопырив,
 Усом задев мешок с овсом:
 Полуторасаженный сом.
 Гигант застыл в оцепененье,
 И круглые его глаза.
 С моими встретясь на мгновенье,
 Поднялись вверх, и два уса
 Зашевелились в изумленье,
 Казалось – над открытым ртом...
 Сом ждал, слегка руля хвостом.
 Я от волнения чуть не выпал
 Из лодки и, взмахнув веслом,
 Удары на него посыпал,
 Идя в азарте напролом.
 Но он хвостом по лодке хлопнул
 И окатил меня водой,
 И от удара чуть не лопнул
 Борт крепкий лодки молодой.
 Да: «молодой». Вы ждете «новой»,
 Но так сказать я не хочу!
 Наш поединок с ним суровый
 Так и закончился вничью.

Февраль 1923

ПРИМЕЧАНИЯ. В публикуемых фрагментах поэмы отражены воспомина-
 ния поэта о днях, проведенных им в усадьбе Сойвола, которую построил его отец
 на реке Суда неподалеку от Череповца. ...*ждет сигнального праща* – ждет сигнала
 (пращ – приспособление из ремня для метания камней). «*Тихвинка*» – речное судно
 грузоподъемностью до 200 тонн. *Тавриз* (Тебриз) – город на северо-западе Ирана
 ...*в Олонецкой* – в Олонецкой губернии, на северо-западе России. *Сидровый* –
 хмельной (сидр – яблочное вино). *Весна поет и в песне тает...* – М. Лермонтов:
 «Она поет, и звуки тают...» (примеч. Игоря Северянина). ...*в Реальном, Всегда*
считавшемся опальным За убийство царя Воспитанником заведенья – выпускник
 Череповецкого реального училища Н. Рысаков, участвовавший 1 марта 1881 г. в
 покушении на Александра II. *Алеша* – сын Б.А. Тенишева, директора Череповецко-
 го реального училища. *Варенцы* – здесь, по-видимому, вареники. *In corpore* – в

полном составе (лат.). *Ожерлить* – здесь: пропустить через жерло (ствол). *Ходил на фабрику* – имеется в виду древесно-картонная фабрика, которую построили на паях отец и тетка поэта Е.П. Журова. *Святки* – 12 дней между Рождеством и Крещением, время гаданий, переодеваний, плясок. *Рожса яжся* – лицо Бабы Яги. *Майн Ридовская «Квартеронка»* – приключенческий роман Майн Рида, американского писателя середины XIX в. ...*в стране приморской эста* – в Эстонии, где поэт жил после отъезда из советской России. *Лилит* – Е.М. Лотарева, дочь «дяди Миши», которую домашние звали Лилей; юношеская любовь поэта, его «муза». *«La Scala»* – итальянский оперный театр в Милане, один из мировых центров искусства. *Vittorio Andoga* – Виктор Андогский (итал.).

Евгений Попов

ЯБЛОНИ ЦВЕТУТ

Не двигайся дальше. Не надо, не надо.
Какое приволье, останемся тут.
Мечтательный вечер овечьей прохладой,
И белые яблони пышно цветут.

Мерцает серебряный месяц над нами,
Шумит под ногой молодая трава.
А я, освеженный лучистыми снами,
Шепчу затаенные сердцем слова.

И в эти мгновения сердцу приятно.
О чем загрустила, задумалась ты?
Серебряный месяц и вечер закатный,
И белые, белые яблонь цветы...

* * *

Еще июль, а дни и вечера свежи,
И небо кажется осенним и унылым.
О чем-то близком нам, волнующем и милым,
Лепечут полосы еще не сжатой ржи.

Блестит трава росой последнего дождя
В сырой холодный час печального рассвета.
Неслышной поступью, мелькнув, проходит лето
И плачет скудными слезами, уходя.

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Земля измучилась терпеть,
И небо жарким просьбам вяло,
И на простор полей упала
Дождя серебряная сеть.

И грудь земли, сухой и чахлой,
Смирняя пепелящий зной,
Пьет влагу жадною струей;
И зеленеющей листвою
Остро и молодо запахло.

Но утихает дождь. И вот
Бегут разорванные тучи;
Опять светлеет небосвод,
И солнце на небо встает
Все так же – властно и могуче.

* * *

Выйди в поле в ликующий солнечный день,
Где творится волшебная сказка кругом.
Эти нивы окутают радостным сном...
И лежишь, и не думаешь – сладкая лень.
При дороге, среди зеленеющих трав,
Голубеют и радуют взор васильки,
Голубые коронки на воздух подняв
И навстречу лучам распустив лепестки.
От уснувшей реки пробежал ветерок,
Попештался с березками возле плетня;
Улыбнулись березки, приветно маня,
А уж он закружился средь пыльных дорог;
Прошумел, зашуршал в море спеющей ржи,
Перелеском промчался и тихо исчез.
Тишина и покой. Только реют стрижи,
Безмятежно купаясь в пустыне небес.
Одурающе пахнут, дурманят цветы

И поят ароматом небесную высь.
А душе кто-то шепчет тихонько: «Молись».
Зарождаются в ней золотые мечты.

* * *

Мои мечты тихи и умиленны
И грешная молитва горяча,
Когда я слышу медленные звоны
И вижу блеск весеннего луча.
И все, что жгло и мучило когда-то,
Уходит прочь. И грусть моя светла!
Так трепетно волнующ час заката,
Так ласково звенят колокола!
Нет места думам, помыслам суровым,
Стою и жду. На сердце тишина.
И радостью, и откровеньем новым
Мне в душу входит новая весна.

1913

В ЭТИ ДНИ

В эти дни суровых испытаний
Так волнует жизненная суть.
Сердце хочет красочных мечтаний,
Хочет тихо, сладко отдохнуть.
Слишком трудно, слишком больно стало
Видеть скорбь и горести одни,
И душа измученно устала
В эти дни.
Ах, уйти, умчаться неоглядно
На простор от горькой суеты,
Но... рука хватает утром жадно
Каждый день газетные листы.

Октябрь 1914 г.

ПРИМЕЧАНИЕ. ...дни суровых испытаний – Первая мировая война, начавшаяся летом 1914 г.

* * *

Стучи, мой испытанный посох.
Иду неизведной тропой.
В полях, бриллиантовых росах
Мне в душу прольется покой.
Пойду по равнинам бескрайним,
Средь диких безвестных дорог.
Прислушаюсь к Божеским тайнам,
Далекий от темных тревог.
Родимое слово услышу
В печальном быту деревень,
Встречая под ветхою крышей
Румяный, ликующий день.
Как дни просветленно похожи.
Звенит в отдаленье топор...
Прими меня, радостный Боже,
В свой тихий и светлый простор.

1915 г., сентябрь.

Александр Пугачев *(Дядя Саша)*

РАБ ЛЕНИВЫЙ

Раб ленивый и лукавый,
Я светильник погасил
И талант, от Бога данный,
В землю навеки зарыл.

Я ни разу в жизни трудной
Светоч свой не зажигал,
И талант в земле холодной
Бесполезно пролежал.

Я возжечь светильник снова
Не могу в душе моей,
Потому что по дороге
Расплескал его елей.

И путем неосвещенным
Я бреду невесть куда,
Ожидая за проступок
Гнева Божьего суда.

<1913>

ПРИМЕЧАНИЯ. Стихотворение основано на евангельских притчах о неразумных девах и ленивом рабе (Евангелие от Матфея, гл. 25). Девы не заправили вовремя свои светильники маслом и не попали на брачный пир, а раб зарыл данный ему господином талант в землю и не пустив его в оборот, не получил прибыли. Обе притчи говорят о необходимости быть готовым к пришествию Спасителя и

Божьему суду. *Талант* – крупная денежная сумма, равнявшаяся в начале I в. шестидесяти минам или ста динариям; традиция употребления этого слова в значении «выдающиеся способности» восходит к Библии.

ИВА

Там за садом, где разросся
Ельник темною стеной,
Грустно ива наклонилась
Над извилистой рекой.

Речка блещет и смеется
Серебристою волной
И целует мимоходом
Кудри ивы молодой.

Знает ива – мимолетны
Эти ласки белых струй,
В сердце ивы отдается
Болью каждый поцелуй.

Шевелит она в раздумье
Кудреватой головой
И волне тихонько шепчет:
«Унеси меня с собой

В тот далекий край привольный,
Где лазури глубина
Дышит полною весною
И хрустальна, и ясна.

Здесь темно и беспризорно,
Жизнь в неволе нелегка...
Мне наскучили донельзя
Ласки ветра-старика».

Над рекой старик суровый
В это время пролетал,
Слезы, жалобы и стоны
Бедной ивы услышал,

Засвистел и закружился,
По деревьям зашумел
И на иву молодую
Словно коршун налетел.

С корнем выхватил бедняжку
Из родимых берегов,
С диким хохотом и ревом
Бросил в глубь речных валов

И помчался дальше, дальше...
Лишь в родимых берегах
Ива мертвая качалась
На смеющихся волнах.

<1913>

БЛАГОВЕСТ

Над тихой равниною дремлющих вод
Утренний благовест звуки несет.
Он эхо густое в окрестности шлет,
Всюду вещает, что солнце встает.
Вещает он гулко спокойным волнам,
Беспечно предавшимся утренним снам:
«Проснитесь и к морю направьте свой лет,
Скажите седому, что солнце встает».
Он птицам вещает: «Блеснула заря!
За новые песни приняться пора!»
И спящему люду он зычно твердит:
«Вставайте, тот жалок, кто утро проспит!
Гоните, как язву, гнетущую лень!..
Встречайте с улыбкой сверкающий день!»

Так утренний благовест звуки несет
И миру вещает, что солнце встает.

<1913>

ВОЛОГДА

(Из обывательской хрестоматии)

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
Пустынь, Новую деревню,
Скотобойню (не дворцы).
Опоясан лентой «дряни»,
Вечно тонешь ты в грязи,
Сколько всяких нареканий
Сносишь – Боже упаси!
И управским попеченьем
Ты, я знаю, не забыт,
Мостовыми, освещеньем
Стал велик и знаменит!
На твоём бульваре дивном
Подгнивают деревья,
И о Доме о народном
Ходит страшная молва.
Городские ретирады
У прохожих на виду,
И фонтан «дарит прохладу»
В Александровском саду.
Кто без страха и сомнений
Раз пройдет хоть по «мостам»?
Кто воздвигнет Мельпомене
Настоящий, новый храм?
Прошу осень кто забудет?
Кто не дрогнет пред весной?
Кто «отцов» твоих разбудит:
«Порадейте, мол, порой!»
Ты не клонишь «грязной шеи»
В «золотой» твоей судьбе,

Разве только дуралеи
Не поклонятся тебе.
Процветай же, славный, вечный,
Город грязи вековой,
Град родимый, град сердечный,
Руси жемчуг дорогой!

<1913>

ПРИМЕЧАНИЯ. *Город чудный, город древний* – реминисценция из стихотворения А.С. Пушкина «Город пышный, город бедный...», посвященного Петербургу. *Пустынь* – Дюдикова пустынь, территория на северной окраине Вологды. *...Стал велик и знаменит* – реминисценция из стихотворения Н.А. Некрасова «Школьник»: «Скоро сам узнаешь в школе, Как архангельский мужик По своей и Божьей воле Стал разумен и велик». *Народный дом* – Пушкинский народный дом, культурный центр с помещениями для библиотеки, публичных чтений, массовых мероприятий и любительских спектаклей, построенный по подписке в 1904 г. (ныне – здание Вологодского театра для детей и молодежи); был разгромлен и сожжен черносотенцами 1 мая 1906 г. *Ретирада* – здесь: отхожее место. *Александровский сад* – место отдыха привилегированной публики около Дворянского собрания (ныне – парк на площади Революции). *Кто воздвигнет Мельпомене Настоящий, новый храм?* – Речь идет о плачевном состоянии деревянного здания городского театра на Парадной площади у мужской гимназии (Мельпомена – в греч. мифологии муза, покровительница трагедии).

КУМУШКИ

(Вологодским сплетницам)

Одна толста, как пень-колода,
Другая – форменный сморчок,
Зато стрекочет без умолку –
Точь-в-точь за печкою сверчок.
Одну зовут как будто Дарья
(Ну, уж и имечко дадут –
Звучит, как арфа херувима!),
Другую – Марьюшкой зовут.
Одна одета, словно кукла
(Ужасно любит черный цвет),
Жакет с претензией на моду,
(Ему же завтра сорок лет),

На голове всегда косынка,
Галоши вечно на ногах,
Перчатки рыжего оттенка
Имеют место на руках.
Идет развалистой походкой,
Высоко голову несет,
Посмотришь издали на Дарью –
Как будто селезень плывет.
Другая, Марьюшка, – как шпилька,
Любой плевком перешибет,
А что касается костюма –
Сердечко каждого замрет.
Кайма подола нижней юбки
На воле треплется всегда:
«Суббота дольше воскресенья», –
Как называют иногда.
Я не поклонник женских юбок,
Но уж и то сказать бы мог,
Что Марья – сушая «богиня»,
На редкость сложенный «кусочек».
Когда тебя, читатель милый,
Начнет хандра одолевать,
Тогда советую немедля
Особу эту повидать.
Представь, ужасно «помогает»!..
Господь свидетелем – не вру:
Я сам таким же вот манером
Прогнал почтенную хандру.
Меж ними разница большая:
Одна, как бочка, тяжела,
Другая вертится повсюду,
Как заведенная юла.
Но не в комплекции тут дело,
А в чем, – читатель, сам поймешь:
Сошлись на сплетнях эти девы,
Живут – водой не разольешь!
Где квохчет Дарья, как гусыня,
Уж там и Марьюшка трещит,
Куда бы Марья ни ступила –

За ней и Дарьюшка спешит.
И что бы, где там ни случилось,
«Коллеги» мигом тут как тут...
На панихидах, на венчаньях –
Как будто их везде зовут.
Спросите Дарью: «Где покойник?» –
Она вам живо разъяснит,
Всю подноготную расскажет,
А Марья тут же подтвердит
И на ушко еще добавит:
«Вот умер так-то, от того...
Глухую исповедь давали...
Жене и детям – ничего».
Спросите Марью: «Где венчанье?» –
Залебезит: «Вот там-то, там...
Невеста в церкви разрешилась
Младенцем... хи, хи, хи, вот срам!...»
А Дарья скажет в поясненье:
«Вот, дай Бог с места не сойти,
Ребенок мужеского пола...
Хотела ближе подойти,
Да оттеснил народ проклятый;
А говорят – ни дать ни взять, –
Новорожденный-то младенец
Похож на собственную мать!»
Пройдись по улице с девицей –
«Коллеги» живо проследят,
И «вести добрые» повсюду
Скорее ветра полетят.
Дескать, она была «такая»,
А он «гулял» сперва с другой...
А то бывает вдвое хуже –
Объявят мужем и женой!
Уж вот, поистине, «talанты»,
Кого поищет чем Господь,
Кому дает ума палату,
Кого на сплетни наведет.
А я бы кумушкам почтенным
За их «словесную красу»

Задал бы жгучею крапивой
Большую порку на весу
Для назидания потомкам,
Дабы могли они понять,
Что в наши годы грех сугубый
«Язык без милости чесать».

<1913>

ПРИМЕЧАНИЯ. *Глухая исповедь* – исповедание больного, лишенного речи или находящегося в бессознательном состоянии; словесные формулы исповеди произносятся в этом случае от имени больного священником. *Сугубый* – двойной.

ВЕРБА

Март, как женщина, капризен:
То он ласки принесет,
То в слезливых причитаньях
Грустной осени замрет.
Как-никак, а ежедневно,
Взяв лопату не одну,
Обыватель на дорогах
Спешно делает «весну»
И к панелям кривобоким
Равнодушною рукой
Подгоняет море грязи
С легким сердцем и душой.
Что за прелесть эти «блата»!
Только ведают про то
Наши бедные ботинки,
И галоши, и пальто,
Да привычные к «полетам»
Вологжанина бока,
И прислуги на квартире
Щетку взявшая рука.
И пускай нам март приносит
Солнце, радость и тепло,

Но на сердце у прохожих
Не особенно светло.

А сегодня... все же верба,
Этот символ дорогой,
Символ детства золотого,
Символ юности былой!
Сколько грез, воспоминаний
В сердце бедном и больном
С этим символом наивным
Крепким сковано звеном!
Унесла бывшее счастье
Злого времени волна,
Улетела в край далекий
Жизни светлая весна.
Жизнь суровая, иная,
В тоге пошлой суеты,
Беспощадно растоптала
Счастья первые цветы.
Дымку розовой надежды
Облекла в сырой туман
И безжалостно шепнула:
«Все иллюзии – обман!»
На развалинах бывшего,
Беззаботных, светлых дней
Возвышается позорно
Храм порока и страстей,
Где возносится моление
Новосозданным богам
И чадит неимоверно
Полный смрада фимиам.
Жизнь течет – неумолима,
Соткана из горя, слез...
Жалко бабушкиных сказок,
Жалко первых детских грез!
Пусть гнетет нас жизни бремя
Полновластной рукой,
Но сегодня... все же верба –
Этот символ дорогой!

Пусть проклятые сомненья
Беспощадно мучат нас,
Но забудем их, читатель,
В этот день, хотя на час.
Глядя в чистые глазенки
Вечно радостных детей, –
Позабытые виденья
Воскресим в душе своей.

<1914>

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ

Всем гражданам Вологодской губернии
Шлю телеграмму примерно я
Следующего содержания,
Которую прошу прочитать со вниманием.
«Граждане! Ни единого равнодушного
К созданию флота воздушного!
Флот воздушный – не затея,
А великая идея
Трудовых народных масс –
Необходим для всех нас!
Заграница с нами хоть и здороваётся,
Но втайне к войне готовится,
Разрабатывает удушение нашего плана,
Строит тысячами аэропланы.
Воздушный флот в войну грядущую
Будет играть роль большущую!
Поэтому и нам не надо быть вороною,
А заняться будущей своей обороною,
Сосредоточить внимание дружное
На создании у себя флота воздушного,
Своего собственного, любимого,
Всем и каждому необходимого!
Если войны и не приключится,
То флот воздушный пригодится
Всем буржуйам и врагам на беду

В нашем хозяйственном быту!
А в хозяйстве нашем советском,
Как городском, так и сельском,
Много еще недочетов.
Вот тут-то помощь самолетов
Всем на деле и скажется
И весьма приятной покажется!
При несчастьях воздушный флот,
Особенно в деревне, – помощь и оплот.
Всем известно, какие удары
Наносят деревням пожары,
А потому самолеты-огнетушители
Будут первые деревне спасители!
Самолетами зародыши огня открываются,
Чем пожары лесные предупреждаются.
Без молитвы “Спаси Господи”
Спасаются целые площади!
Так же точно
В развозке почты
Участвуют самолеты,
Совершая самые далекие перелеты,
Доставляют почту в далекие селения
Без малейшего промедления!
О письмах-то речи мало,
А вот газеты, книги и журналы
Будут везде в деревню попадать –
Это уж настоящая благодать.
Будьте, граждане, уверены,
Не придется запрягать мерина
И переть куда-либо верст за сто.
Для этого будут прогуливаться самолеты
Нашего воздушного флота.
А разве мало случаев,
Когда трудовые посевы кушают,
То есть жрут без пощады,
Саранча и другие гады?
Так с ними бороться –
Можно на трудности напороться,
А коль за дело примется самолет,

То дело пойдет:
В воздухе плавно порывается,
Все посевы опрыскивает
Соответствующим «лекарством»,
И вредители в небесное царство
В момент отправятся,
И посевы сохранены останутся!
Много говорить бесполезно,
Польза от воздухофлота известна,
А потому, граждане,
Опять говорю всем и каждому:
Ни одного равнодушного
К созданию флота воздушного!
Помогай смело
Словом и делом!
Вступай с большой охотой
В *“Общество друзей воздушного флота”*.
Читай о воздухофлоте статейки,
Организуй сам на местах ячейки!
Подавай всем добрые примеры
На это *общегражданское* дело!»!
Далее сообщаю вам,
Что сегодня прибудет к нам
По воздуху самолет из Москвы,
Так чтоб приготовились вы
Встретить дорогого гостя
По-дружески и просто,
Чтоб не сидели дома,
А побывали все на аэродроме.
Самолет неделю у нас погостит
И за это время навестит
Наши города уездные,
Будет разбрасывать повсеместно
Листовки, воззвания.
Ловите их и читайте со вниманием!
И все, что будет написано там,
Проводите в жизнь по местам,
Ибо воздушный флот —
Сила и оплот

Нашей трудовой республики,
Помощь в хозяйственном отношении!
Заграничная публика
Давно оценила его значение!
Надо и нам от нее не отстать
И всему миру показать,
Что и мы шиты не лыком
И в каждом деле великом
Опередить других сумеем.
А посему, граждане, смелее
Вперед!
Да здравствует красный флот!
Вот наша программа!
Передал эту телеграмму
Бывший телеграфист-
Морзист
Дядя Саша».

<1925>

ДЕТИ УЛИЦЫ

На улице широкой,
Под открытым небом,
Он просит у прохожих
Денег или хлеба.

Иль, знаясь не желая
С нищенской судьбою,
Он просто выбирает
Ремесло любое.
На улице широкой
Для таких несчастных
Ремесла и занятия
Там разнообразны.

Быть можно кем угодно:
Шарлатаном, вором,

Картежником, торговцем,
Уличным танцором.

От холода в лохмотьях
Комом тельце жметсЯ...
Иной собаке лучше
И теплей живетсЯ.

Пока их не сожрали –
Юных, одиноких –
Оскаленные зубы
Улицы широкой,

Скорее к ним на помощь,
Всюду, все и каждый,
Спасти их – наше дело,
Долг советских граждан.

1926

ПРИМЕЧАНИЕ. В том же номере газеты «Красный Север», где было опубликовано стихотворение (1926. – 31 января), появилась заметка «Берите детей на воспитание». В ней говорилось: «Детских домов для всех беспризорных в губернии недостаточно. И на открытие новых нет средств. Отдел социально-правовой охраны несовершеннолетних при Губоно в целях смягчения остроты положения с беспризорными стал отдавать беспризорных на воспитание в частные семьи. Передано уже 61 человек. 61 ребенок нашли кров и пищу. Подавайте все, кто может, заявления в комиссию о своем желании взять на воспитание беспризорного ребенка».

Алексей Ганин

* * *

Христос рождается, – славите...

Был мрак и тишина. Но ангел вдруг явился,
Смирненным пастухам о чуде возвестил,
Что там, в вертепе, Царь и Бог Любви родился,
Чтоб мир от змея лжи собою искупить.

Звучали небеса, и светом тьма сияла,
И рушился закон насилья и мечей,
И ангелов толпа, ликуя, восхваляла
Создателя миров и мир среди людей.

С востока мудрецы чрез горы и пустыни
По звездному пути в далекий край пришли
И чудные дары и душ своих святыни
К божественным ногам, склонившись, принесли.

С тех пор прошли века и в вечность утонули,
А цепи зла гремят и пути лжи растут...
Любовь и красоту в лохмотья обернули...
Повсюду – меч... раздор и реки зла текут...

По-прежнему царит над грешною землею
Насилье и обман и тонет мир в крови;
Но все ж разрушен мрак сияющей звездой,
Немеркнувшей звездой божественной любви!..

Как мудрые цари далекого востока,
Незлюбия дары сокрытою душой
Кладите все скорей у вечного истока
Добра и красоты и истины святой.

<1913>

ПРИМЕЧАНИЕ. *Христос рождается, – славите...* – Начальные слова Рождественского канона.

* * *

Посвящаю Д. Т.

Звездной сказкою, грезой обманчивой,
Нежным блеском луны заколдованной,
Темно-синюю далью заманчивой
Мое сердце всегда зачаровано.

Вечным зовом к прекрасно-великому,
К бесконечно великому, светлому
Я горю и мечтой многоликою
Придаю многоцветности бледному.

В целый мир мне безумно влюбленному,
Солнце мне горячо улыбается,
Вечной жаждой любви напоенному
Жизнь в красотах своих открывается.

Мир велик! Жизнь красна перепевами,
Перепевами, грезами, сказками,
Горем, счастьем, стремленьями, гневами
И пьянящими, властными ласками.

Дума светлая, мраком рожденная,
К свету, в дали вселенной уносится...
Грусть, в напевы, в мечты воплощенная,
В бесконечность к безгранности просится.

Я страдаю от счастья певучего,
Мое счастье взлелеяно муками,
Я – источник от моря кипучего,
Я могуч, переполненный звуками.

Я влюблен и душою и кровию
И в людей, и в леса многошумные.
Я всегда переполнен любовью
И пою свои песни безумные.

<1914>

* * *

Где в лесные купели-затоны
расплеснулась лесная река,
четки, вещи кукушкины звоны,
колокольная ель высока.

Гребень солнышка выпал на травы,
нижет жемчуг под елями тень,
заплелись тростники и купавы
в золоченый, зеленый плетень.

Никнут в неге кудрявые лозы,
черным струям дарят поцелуй,
резвый пляс бирюзовки-стрекозы
завели над прохладою струй.

Сонно грезят лопух и кувшинка,
синий зной ароматен и пьян,
а в лучистых изломах песчинки,
будто горсть золотистых семян.

По кустам и заросшим завалам
птичьи песни прядет тишина,
и зарею шиповники ало
расцветают, как встарь купина.

Звонко булькают скрытницы-рыбки,
Убегая к корнистому дну,
И плывут водяные улыбки
Гибким кругом к лучистому дню.

Веще льются кукушкины звоны,
дремлет солнце, припав в тростники,
на лесные купели-затоны
кто-то сыплет с небес васильки.

<1915>

* * *

Спустился ангел смуглолицый
от семицветных райских врат
в долины мук к лесной божнице
о чем-то тайном погадать.

В дали тоскующую просинь
окутал бархатом полы
и разбросал по сучьям сосен
охапки предвечерней мглы.

Пожаром золотым расправил
шесть крыл на даль закатных стран,
озерным вздохом закудрявил
на пожнях розовый туман.

Заворожил по плесу речки
молочных чаек синий крик,
горящий воск незримой свечки
накапал на небесный лик.

Пошел по сизым косогорам,
занес в избенки райский сказ
и не заметил в тихом горе,
как золотой пожар угас.

И, васильковый сон сплетая
по морю задремавшей ржи,
хотел умчаться снова к раю –
и умер на цветах межи.

ПРИМЕЧАНИЯ. ...от семицветных райских врат – с радуги. *Шесть крыл* – атрибут серафимов, духов первого чина небесной иерархии, наиболее близких к Богу. *Долины мук* – земная юдоль, место пребывания людей после изгнания из рая.

* * *

Гору скорби день взвалил на плечи,
в суете душа весь день купалась,
и людские речи, будто мухи,
о тщете с полуденья жужжали.

Но свалился шумный день, и зноем
суета и скорбь с души ниспали.
А слова – их звездный луч коснулся –
на устах идущих в сон почили.

И душа, омытая слезами,
обнесла над миром песни-очи,
зацвела, как облако златое,
погружаясь в тайны мироздания.

И узрел мой взор преображенный
по заре ходящих серафимов
и в заре целующую землю
золотые пальцы Саваофа.

О судьбе, о чадах неразумных
в этот час прамать-земля грустила,
и в устах, как жертвенная чаша,
голубое озеро дымилось;

к аналою – солнечному камню –
простирала в неге рощи-руки

и лила из пригоршней зеленых
за день собранные птичьи песни.

И иную речь мой косный слух учуял.
Я учуял голос Саваофий,
повелевший силам яснокрылым
за Любовь Пропятую утешить.

Чтоб в земном во чреве-океане
всяка тварь отныне веселилась
и вовек, как злак, произрастали
в человеках мир, благоволенье.

И, взмахнув узорными крылами,
поднялись с надзорья серафимы
и укрыли ласковую землю
Божьей ризой — твердью звездотканной.

ПРИМЕЧАНИЯ. *Прамать-земля* — мифологический образ: всеобщий источник жизни, прародительница всего живого. *Жертвенная чаша* — атрибут христианского богослужения: чаша с вином, символизирующим кровь Христову. *Косный* — здесь: бывший ранее невосприимчивым. *Силы яснокрылые* — небесные духи, ангелы. ...к аналою — солнечному камню — к алатырю-камню, на котором, в соответствии с народными представлениями, была принесена первая бескровная жертва. *Любовь Пропятая* — распятый Иисус Христос. *Серафим* — дух первого чина небесной иерархии, наиболее близкий к Богу.

* * *

Отгони свои думы лукавые,
полуденного беса молву;
что-то светятся тучки кудрявые,
чьи-то тени ложатся в траву.

Тает в воздухе поступь неверная,
не кукует горюша в лесу,
на стволах позолота вечерняя,
и ясней на туманном мысу.

Небеса опоясались зорями,
промелькнул белоснежный наряд.
Погляди, вон опять над сугорами
наш Учитель и ласковый Брат.

Море свеч в небесах засветилось,
сходят сонмы крылатых гостей,
и на скорби с небесного клироса
льется пенье бесплотных детей.

Близок свет. Перед радостной встречей
причащаются травы росой.
Поклонись и мольбой человечью
не смуди голубиный покой.

ПРИМЕЧАНИЯ. *Полуденный бес* – здесь: суетные дневные заботы; возможно также, что имеется в виду персонаж народной демонологии, полевой дух, воплощение солнечного удара. *Горюша* – здесь: кукушка. *Учитель и ласковый Брат* – Иисус Христос. *Сонмы крылатых гостей* – сонмы ангелов. ...*пенье бесплотных детей* – пенье ангелов; по народным представлениям, души непричастных греху умерших детей возносятся на небо и становятся ангелами.

* * *

Взманила мечтами дорога
шагать по полям и лугам,
и в сердце распелась тревога:
к Твоим ли приду берегам?

Струится небесное море,
воздушный глубок океан,
и тонут леса и сугоры
в засолненный певчий туман.

Сияют церковные крыши,
ясна тишина деревень,
уснула и ласково дышит
прохлада на красный плетень.

По скатам межи задремали
черемухи в белых мечтах,
и птицы от радости алой
развесили песни в кустах.

Повсюду любовь и отрада,
и солнце, небесный жених,
овец златорунное стадо
пасет на горах золотых.

Минуй же, прохожая туча,
громами стада не вспугни,
им сладко питаться на кручах –
то думы и песни мои.

ПРИМЕЧАНИЕ. ...солнце, небесный жених – образ, совмещающий два символических обозначения Христа; первое из них восходит к ветхозаветной Книге пророка Малахии («А для вас, благоговеющие перед именем Моим, взойдет Солнце правды и исцеление в лучах Его, и вы выйдете и разыграете, как тельцы упитанные...» – гл. 4, ст. 2), второе – к евангельской притче о девах, предусмотрительно заправивших свои светильники маслом для встречи жениха в час полуночи и потому попавших, в отличие от «неразумных» дев, на брачный пир (Евангелие от Матфея, гл. 25, ст. 1–13); брачный пир в данном случае – символ Царства Небесного (в Откровении Иоанна Богослова «невестой Агнца» назван Небесный Иерусалим – гл. 21, ст. 9).

* * *

Она придет, неведом час,
в дверях шаги прольет, как струи,
придет и тихо поцелует
морщины у молящих глаз.

И небо синее в окне
последний раз светло приснится
и улетит к иной весне
крылом незримой голубицы.

Под белым гробовым холстом
вздремнется телу тихо, сладко,
и кто-то ласковый украдкой
холст озарит златым крестом.

То дед, давно умерший дед,
весь в солнышке, в седом наряде,
объявится в луче лампы,
и загорится звездный след.

И все, чем жизнь гнела и жгла,
спадет легко в прощальном часе,
и дух вспарит из тины зла,
первоначально тих и ясен.

Стыдливо склонятся друзья,
качаясь в ладане и дыме, –
и встанем скорбью между ними,
глядя на труп, она и я.

А за окном дела и сны,
в тоске и горечи бесплодной,
заплачут ветром мимолетным
на ухо вечной тишины.

1917 г.

ПРИМЕЧАНИЯ. *Она придет* – речь идет о приходе смерти. ...*улетит...* крылом незримой голубицы – характерное для христианства уподобление души голубю. ...*давно умерший дед* – см. далее поэму Ганина «Памяти деда».

* * *

Ушла слепая ночь, а день еще в далеком,
Еще блуждают сны и не родился звон.
Роятся лики звезд в молочной мгле востока,
Звезда зовет зарю взойти на небосклон.

С небес из чьих-то глаз роса, пахучей меда,
Струится в синь травы, чтоб грезил мотылек.
Цветы ведут молву про красный час восхода,
Целуется во ржи с колосьем василек.

По скатам и холмам горбатые деревни,
Впивая тишину, уходят в глубь веков.
Разросся темный лес – стоит, как витязь древний,
В бровях седые мхи и клочья облаков.

Раскрылись под землей заклятые ворота,
Пропел из глубины предсолнечный петух,
И лебедем туман поднялся от болота,
Чтоб в красное гнездо снести свой белый пух.

Земля, как синий дым, в зарю склонилась кротко,
Взмахнула где-то ночь невидимым крылом,
И ласковый ручей перебирает четки,
Поет, молясь судьбе, серебряный псалом.

И будто жизни нет – но трепет жизни всюду,
Распался круг времен, и сны времен сбылись,
Рождается рассвет, и близко, близко чудо:
Как лист, падет звезда, и солнцем станет лист.

ПРИМЕЧАНИЕ. *Раскрылись под землей заклятые ворота, Пропел из глубины предсолнечный петух* – здесь рассвет уподобляется освобождению земли от власти злых сил; петух, вестник рассвета, является одним из символов Христа; согласно апокрифическим преданиям, Иисус после смерти на кресте и погребения сошел во ад, сокрушил врата преисподней, сковал сатану, поправ смерть и вывел в рай Адама и Еву, а также ветхозаветных праведников.

ПАМЯТИ ДЕДА

В. Кириллову

Старому деду всю жизнь
хорошо не сыпалось,
и жизнь-то была ни к чему,

как худая онуча,
а только петух кукарекнет
и зорька откликнется ало,
дед уже смотрит в окно,
что белая туча.
Смотрит, зевая, на небо,
где звезды от глаз человеческих,
будто малые белозерское,
спешно ныряют
в глубокое сине;
глянет на поле,
и где-то далече-далече
в поле кричат журавли,
и дед уже знает по крику —
будет ли вёдро
иль непогодь ныне.

Выедет, было, на пашню —
и пашет,
а Сивка кнута не попросит,
и только
когда уж два пота
в морщинах над бровью
просохнут,
бабы начнут полоскать
языки у колодца
и, мягко шагая по росам,
солнышко придет в село
и похвалит уставную дедову соху,
скажет спросонок:
«Богпомочь», —
а дед остановит коня
и, шутя, попеняет:
«Ай, солнышко, солнце,
долгонько ты что-то
каталось за лесом;
не бабий проворный язык —
небось бы проспало все лето»;
пошутит, пошурит глаза

и опять по лехе погоняет.
А солнышко встанет,
широко улыбнется,
лучистую шапку на тучу повесит,
умоет росой лицо
и, ясное, ходит по свету.

Веселы деду все дни на земле,
и Сивке не скучно –
таскают любимую соху;
труд и терпенье, как песня,
обоим бодрят стариковские кости;
и мило им все:
и крик ребятишек в селе,
и беседы ленивых в раскуре,
и черные лехи,
и радость грачей,
что ходят по склонам,
как важные гости.

Все им – как песня.
И серую жизнь незаметно
в узорах нужды да заботы
солнце носило по полю
и дедовы дни украшало,
и дед серебрился все пуще,
но рук положить неохота,
хоть много, ой много,
соха под руками земли,
чернозему изжевала.

Много,
как у Бога звездок рассеяно,
собрано зерен,
а спать – хорошо не сыпалось,
и не черная совесть,
не скорбь о ненужном
житье человеческом
сны отгоняли,

а сердце разведало:
сном не излечишь усталость,
и жизнь подсказала:
не красная доля
мочалить порты о запечье.

Вот смолоду дед и дружил
с петухом да с зарею пригожей.
А сегодня, на грех, задремал
на широкой скамье под божницей
и чует, что все уж проснулось,
а сам приподняться не может,
хочет глаза распахнуть –
и, будто созревшая рожь,
заплелися ресницы.

Вязнет в забвенье душа,
как олень златорогий в трясине.
Хочется деду внучонка позвать –
и не родится слово.
А день широко разгулялся
под небом глубоким и синим,
и Сивку впрягли уж другие
распахивать вёшнные нови.

Все на селе, как и прежде,
лишь по-новому гвозди,
чается, кто-то вбивает
и пилят сосновые доски:
кому-то неладное ладят,
а рядом ворчливые куры кудахчут,
что бабы опять обокрали все гнезда,
и по-новому солнышко
сидит у окна
и дедову бороду гладит.

Боговым маслом и ладаном,
воском топленным и житом
празднично пахнет в избе.

Тихо, как в церковь, приходят соседи;
и дедова жизнь,
что была незавидней онучи,
как Троицын день,
у всех на губах красовита,
и дивно и радостно деду.

Что приключилось —
не знает,
только сладка
неизбывным покоем дремота.
Где-то за полем
о вечном безветрии
новые птицы в отходной заре
прокричали,
и видит:
из груди, что ветер,
летит лебединое стадо —
земные заботы,
печали.

Как в церкви,
сегодня у деда в избе.
Не в синих и грязных
заплатах,
а белой холстиной покрытый,
он дремлет на лавке широкой,
как серебро-туча.
И плачут под красным окошком
о дедовых сказках,
о пряниках в сусле внучата,

и будто о чем-то на полке
мохнато задумалась шапка,
и тихо тоскуют у двери
дедовы лапти с онучей.

1918 год, февраль

ПРИМЕЧАНИЯ. Поэма посвящена поэту Владимиру Тимофеевичу Кириллову (1890-1937), творчество которого имело ярко выраженную революционно-пролетарскую направленность; был, как и Ганин, репрессирован. *Уставная* (соха) – хорошо налаженная, спорая в работе. *Богово масло* – елей, оливковое масло, употребляемое в церковных обрядах. *Троицын день* – праздник в память сошествия Святого Духа на апостолов, отмечается на пятидесятый день после Пасхи; в народном сознании слился с древнеславянским праздником начала лета – Семиком.

* * *

Не торопи свиданья час –
Ты приближаешь час разлуки;
Тебе вослед не первый раз
Я возношу с мольбою руки.

Дай в тишине моих ночей
Разлиться песней ожиданью
И в облака твоих кудрей
Рассыпать думы звездной данью.

Дай без тебя моим мечтам
В озерах глаз твоих купаться
И струнным сердцем прикасаться
К твоим таинственным лучам.

Дай вознести к престолом гор
Туман ревнивого томленья,
Чтоб ярче вспыхнул мой костер
В твоем любовном дуновенье.

Я мимолетен пред судьбой,
И праздник сердца слишком краток.
О дай мне, дай побыть с тобой
В кругу ночных твоих загадок,

Луга твоих незримых плеч,
Зарю в устах твоих медовых

Для песни радостной и новой
Зацеловать на грани встреч.

Не торопи свиданья час,
Отсрочь печальный час разлуки;
Быть может, в предпоследний раз
Я возношу с мольбою руки.

Уже грустят сады-лета
На склоне золотой пустыни...
Как чайки, дни мои летят,
А сердце крыл не распустило.

<1922>

* * *

Заря в грозе. Помедли, путник смелый.
Вкуси мой труд – ячменный хлеб и квас.
Войди под кров. Смотри, как выются стрелы.
Храни Господь, в беде не ровен час.

Немало шло в таком же светлом платье,
Был чист их лик и вера горяча.
Но где они? Нагрудное распятье
Хранит ли их от глада и меча?

Ревнивый пыл и юное убранство
Щадит ли червь – текучая пора,
Все так ли мудр, в чьи кудри годы странствий
Светло легли налетом серебра?

Войди под кров. У радостной божницы
Сложи поклон о всех, кто сир и мал.
Вон мчится гром на синей кобылице.
Лампады свет больней затрепетал.

Тоскует лес. В гнездо под тихой кровлей
Летят птенцы, в реке черней вода.
Во плоти дух, и дух не песнь ли крови?
Войди и ты, пока молчит беда.

Липуче зло. А лютым козням змея
Дан некий час в затишье и в грозе.
Страшись в пути огонь отцов развеять,
В глазах у матери не запыли слезы.

Иль скорбь и гнев взыскующие ноги
Прожгут, как гвоздь, с пути сойдут глаза,
И мертвый прах и след твоей дороги
Скляют дожди и вытопчет гроза.

И будет дух, как смерть, в одежде прелой
Блуждать во тьме, совется путь в клубок.
Храни Господь! смотри, как выются стрелы.
Находит ночь. Помедли малый срок.

Николай Ерзовский

ВЕСНА

В золотистом осиянии
Солнца радужных лучей,
В бирюзовом одеянии,
В лучезарном одеянии
Голубых своих очей,

Вся томительно неясная,
Точно призрак иль мечта,
Но волшебная, прекрасная,
Ты пришла, весна, к нам, красная,
Вся восторг и красота.

Ты пришла – проснулись мглистые,
Долго спавшие поля;
Почки крупные, смолистые
В листья клейкие, душистые
Развернули тополя.

Разных пташек стаи вольные
Вновь примчались и поют.
Зацвели луга привольные,
И березы среброствольные
Вновь оделись в изумруд.

Всюду радость возрождения
Под лобзаниями лучей...
Вместе с счастьем пробуждения
Стали прежние видения
Оживать в душе моей.

ВЕЧЕР НА РЕКЕ

Тучи с утра небосклон омрачали,
К полудню лазурь обложили кругом...
Чайки печальные резко кричали,
Сосны вершинами грустно качали,
Словно жалели о чем-то былом.

Вечером вдруг разорвались тучи,
Словно рассечены чьим-то мечом,
Стихнул бушующий ветер летучий,
Брызнуло солнце огнистым лучом.

Луч золотил живописным узором
Мелкую зыбь быстротечной реки...
Жадно следил я восторженным взором,
Как загорались в волнах огоньки.

То отраженье закатного солнца
Мелко дробилось на зыби речной,
Ярко сверкало, как будто червонцы
Кто-то бросал прихотливой рукой.

2 июня 1916 г.

Между Котласом и Сольвычегодском

НОЧЬЮ

Летняя ночь благовонно и сладко дышала,
Тихо вдали догорал, пламенея, огнистый закат,
Страстная трель соловья в отдаленье, дрожа, замирала,
В воздухе нежно струился родимых полей аромат.

Жарко мне было в объятьях пуховых подушек и душно,
Сон золотой от меня, не смежив мне очей, отлетал.
Мягко, бесшумно свиваясь причудливой лентой воздушной,
Призраков-грез неотвязчивый рой надо мною витал.

Дольше не мог я лежать и поднялся с пуховой постели,
Быстро накинув одежду, задумчиво сел у окна.
Призраки-грезы томящие, нудные прочь отлетели,
Смолкло – исчезло желание лунного, светлого сна.

Было на сердце как будто и грустно и сладко немножко...
Тихим привычным движением в сад я окно распахнул.
Мягко змеилась по саду, в поля убегая, дорожка.
Ветер полночный приветливый нежно в лицо мне пахнул.

Запах сирени цветущей мне сладко ласкал обонянье,
Так и манил он из дому на лоно раздольных полей.
Выпрыгнул в сад я поспешно, поддавшись его чарованью,
В поле пошел, пробираясь меж стройных стволов тополей.

В поле широком все было так тихо, задумчиво-нежно,
Словно природа о чем-то томилась, чего-то ждала.
В душу мою незаметно тоска забиралась мятежно, –
Так эта грусть ожиданья сродни самому мне была.

Так же, как ночь ароматная, полная смутным томленьем,
Тихо душа изнывала от грусти, от зноя в крови.
Страстно хотелось тогда обратиться к кому-то с моленьем,
Требовать счастья, и ласк, и любви, бесконечной любви.

В ТУМАНЕ

Туман сероватый на землю ложится,
Собой одевая поля и леса.
Сверкающий иней в траве серебрится,
Горит на востоке зари полоса.
Причудливым очерком в мгlistом тумане
Рисуясь смутно, листва шелестит.
Веселая речка в зеленой поляне,
По камням сбегая, тихонько журчит.

Колышется спелая рожь у дороги,
А дальше все тонет, сливается с тьмой...

Стучат где-то громко тяжелые дроги, —
То едет, должно быть, крестьянин домой...

Тропинкою узкою, еле приметной,
Иду по вершине крутого холма.
Внизу, подо мной, ничего не заметно —
Ни поле, ни речка, ни лес, ни дома.

Мне кажется: море лежит подо мною,
А сам я стою на высокой скале;
И сонное море не плещет волною,
Покоясь в сизо-седой полумгле...

8 августа 1915 г.

ОСЕНЬ

Печально поникнули ветви березы,
Свою потерявши от ветра листву,
И капли дождя, как холодные слезы,
Горя, роняют они на траву.

Лазурь обложили свинцовые тучи
Тяжелою, хмурой, сплошной пеленой.
Их гонит бушующий ветер летучий
Над грустною, черною, грязной землей.

Не видно нигде голубого просвета
В покрове сурово нависнувших туч.
Лишь изредка бросит с улыбкой привета
Осеннее солнце свой трепетный луч.
Тогда все вокруг оживет на мгновенье,
Мильоном ответных улыбок блеснет.
В бесчисленных лужах небес отраженье
Лучу золотому приветно мигнет.

Душа отдыхает от гнета ненастья,
Ей луч навевает волшебные сны.

И верю я снова возможности счастья,
И жду с упованием возврата весны.

* * *

Плакало небо о лете минувшем.
Злобная осень сердита была.
Вьюга, бушуя в лесу не заснувшем,
Листья сухие с деревьев рвала.

Вскоре, однако, в блестящей короне
Мягких снежинок явилась зима.
В светлом дворце она села на троне,
Властной царице подобна сама.

Шел перед ней провожатый умелый –
Сильный, румяный мороз-удалец.
Поступью твердой, уверенной, смелой
Зиму-царицу он ввел во дворец.

Светлый дворец тот сиял красотою.
Был он построен из чистого льда.
Башня одна – до небес высотой...
Часто зима подымалась туда.

Там, наломавши кусочками льдинок,
Их измельчала капризно рукой;
Быстро кидала пушистых снежинок
Полные горсти одну за другой.

Белые снежные хлопья кружились,
Точно вечерней порой мотыльки,
Тихо, бесшумно на землю ложились,
Будто пушинки, нежны и легки.

Скоро покрылась земля пеленою
Белых снежинок, как мягким ковром.

Выпавший снег заблистал белизною
В поле, в лесу и повсюду кругом.

Смолкли веселые шумные воды, –
Стукнул по ним булавою мороз.
В грезах о счастье заснула природа,
Чтобы проснуться для солнца и роз,

Чтобы под лаской луча золотого
Снежную сбросить с себя пелену,
Чтобы зажечь жизнью полную снова,
Встретив нарядную фею-весну.

24 октября 1917 г.

ЛЕС ЗИМОЮ

Белые снежинки
Сыплются с небес,
В саван одевают
Хмурый, темный лес.

Весь в уборе зимнем,
Точно замер он;
Редко даже слышно
Карканье ворон.

Стройные березы,
Ель, ольха, сосна
Не шелохнут даже
В обаянье сна.

* * *

Сегодня справляем торжественный день:
Младенец Предвечный родился.

Лишь только слетела полночная тень,
Хор ангелов с неба спустился.

В тот час пастухи на пустых полосах
Пасли непослушное стадо.
Вдруг свет засиял в голубых небесах,
В воротах Господнего града.

И с неба на землю дорога легла
Из светлых лучей, но не гревших.
Тотчас расступилась послушная мгла
Вокруг пастухов онемевших.

Узрели они небожителей хор
И в страхе на землю свалились, —
И ангелов звуки в полях, среди гор
Мелодией чудною лились:

«Не бойтесь, мы посланы Богом-Отцом
Вещать вам великое слово:
Идите в пещеру, к востоку лицом,
Родился сегодня Бог-Слово.

Он будет здесь жить как простой человек,
Меж грешных безгрешный единый.
Душа его будет чиста, точно снег,
Что горные кроет вершины».

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

Не кукушка жалобно кукует
В чаше бора раннею порой, —
Ярославна то сидит — тоскует
На стене Путивля крепостной.
«Я тоскливой, горестной кукушкой
Над Дунаем тихим пролечу;
Свой рукав с бобровою опушкой
Я в реке Каяле омочу;

И с любовью, нежными руками
Я обмою, к Игорю склонясь,
Все те раны, что в бою с врагами
Получил мой мужественный князь».

На стене Путивля мутно-белой
Ярославны слышен горький стон:

«Ветер, ветер, сильный, буйный, смелый,
Что ты воешь, чем ты раздражен?
Для чего ты, в бешеных усилиях
Все сломать, все сбросить налетел,
На своих двух легких, быстрых крыльях
Сберегая тучи ханских стрел?
Для чего ты сбросил стрелы эти
На войска супруга моего?
Разве мало было в целом свете
Мест для злого буйства твоего?
Почему в заоблачном просторе
Ты орлом могучим не летал
И стада валов на синем море
Ты в веселье бурном не гонял?
Кораблям, стремящимся к отчизне,
Ты не пел былую песнь свою...
Для чего ж всю радость юной жизни
Ты развеял вмиг по ковылю?»

На стене Путивля Ярославна
Горько плачет раннею зарей:

«О, мой Днепр, мой милый, мой преславный,
Ты всех рек могучей и быстрее!
Ты пробил, отваги дерзкой полный,
Половецких скал кремнистый вал,
Святослава доблестного челны
На Кобяка ты, лелея, мчал.
Так взлелей же милого супруга
И прими к Путивлю поскорей,
Чтоб его печальная подруга

Не рыдала горестно с зарей;
Из очей ее, тоскою полных,
Чтоб потоком слезы не текли,
Чтоб те слезы пенистые волны
В сине море к мужу не несли».

На стене Путивля утром рано
Ярославна плачет, говоря:

«Солнце, солнце, ты гроза тумана,
Твой предвестник – яркая заря.
Ты тепло и ласково всем греешь,
Всюду шлешь горячие лучи,
Всех равно приветливо лелеешь, –
Бедняки ль то будь иль богачи.
Для чего ты зноем, как пожаром,
Жжешь лицо супруга моего?
Для чего ты пышешь жгучим жаром
На суровых воинов его?
Там, в безводном поле, им стянуло
Острой жаждой луки за плечом
И колчаны накрепко замкнуло
Неутешной скорбью, как ключом».

На востоке солнце встало плавно,
Пробуждаться начал шум дневной,
И ушла в свой терем Ярославна
Со стены Путивля крепостной.

ПРИМЕЧАНИЕ. Стихотворение является поэтическим переводом фрагмента «Слова о полку Игореве».

МОЛИТВА ГИМНАЗИСТКИ

Отче наш, Царю небесный,
Ты великий и чудесный,
Царь светил небес, земли,
Ты мольбе моей внимли.

От проклятого ученья,
Каждодневного мученья
Чтоб избавил Ты меня,
Попросить хотела б я.

Я хотела б, без сомненья,
Этой просьбы исполненья,
Но, боясь родных сердить,
Не хочу о том молить.

Но зато с другой мольбою
Предстою я пред Тобою:
Сделай, Боже, для меня
Неученье на три дня.

Ты пошли метель, бураны,
Холод, вьюги и туманы,
Или лучше, дай Христос
В тридцать градусов мороз.

Эта просьба так несложна —
Для тебя ведь все возможно;
Эти ж три коротких дня
Очень нужны для меня.

Сбросить с плеч за это время
Надо мне заботы бремя
И свободною пойти
По тяжелому пути.

Этот путь чрез сны и розы,
В стороне от грубой прозы, —
Путь томлений, ласк, любви
И волнения в крови.

Нужно с «Икс» покончить будет,
Пусть «Игрек» меня забудет,
Объясниться наконец
Надо с Петей Бубенец...

Боже, просьбу Ты исполни,
Сердце радостью наполни,
И Тебе, о вечный Свет,
Я даю такой обет:

В продолжение недели,
Хоть меня бы волки съели,
Не нарушу Твой покой
Ни единою мольбой...

Имя пусть Твое святится,
Ярким блеском разгорится
И сияет, как звезда,
Ныне, присно и всегда.

МАРСЕЛЬЕЗА ГИМНАЗИСТОВ

Отречемся от скучных уроков,
От углов, величин, площадей,
От зубрежки святых и пророков,
И мучений и казней людей.

Отречемся от распрей и споров,
От истории новых веков,
От Людовиков, Карлов, Тюдоров
И от всех остальных дураков.

Отречемся от всех гуманистов,
Реформации, пап, лютеран,
Инквизиции, гезов, папистов,
Гугенотов, аннат, пуритан.

Отречемся от «ятей» и «сров»,
От бесов, и весов, и лесов;
От зубрежки цитат и примеров
Из «Хождений», «Сказаний» и «Слов».

Отречемся от всех наклонений,
Что в немецкой грамматике есть,
От глаголов, спряжений, склонений,
Чтоб нечаянно в лужу не сесть.

Отречемся от мерзкой латыни,
Что, сломав много тысяч умов,
Все ж стоит наподобье святыни
В продолжение многих веков...

Отречемся от щей и от супов,
От штиблет с устарелым носком,
Грязеходов – калош – мокроступов,
От фуражек с немодным значком.

Отречемся от парт и от досок,
От бумаги, чернильниц и книг,
От неанглийских модных причесок,
От всего, чем живет ученик.

ПРИМЕЧАНИЯ. *Марсельеза* – французская революционная песня, написанная в 1792 г., ставшая впоследствии государственным гимном Франции. *Гезы* – повстанцы, боровшиеся с испанским правительством во время Нидерландской революции XVI в. *Гугеноты* – приверженцы кальвинизма, одного из течений протестантизма, во Франции XVI–XVIII вв. *Аннаты* – единовременный сбор в пользу папской казны, который взимался в XIII–XVIII вв. с духовных лиц, получавших доходную должность. «*Хождения*», «*Сказания*» и «*Слова*» – жанры древнерусской литературы.

Иван Евдокимов

НА НЕВСКОМ

I

В зыбун слепой, в зыбун бездонный
Веленьем Первого Петра
Бросал камня предок темный,
Придя с плакучего утра.

Свергая с бульканьем под пенье
Щебенки тачку в тот зыбун,
Он слушал долгое гуденье –
Подземно охнувший бурун.

И в недра камень он годами
Ненасытимому бросал.
Все ближе гул... И над водами
Без гула первый камень встал.

На неуверенной трясине
Он проложил дорогу нам –
Идем в весенний вечер синий
Мы по неведомым гробам.

II

В звоне стекол и в звяке звонков,
В храпе пыльного выюн-колеса,
В реве медных и мертвых рогов
Странен стук лошадиных подков,

Странен я. И лишь там в океане
Так уместно сияет созвездие Пса.

Кто же я? И зачем в этом гуле
Металлических блоков и шин
Так беззвучно шаги утонули,
Так подавленно думы мелькнули –
Иль и я только атом машин?

Пенью сфер и движенью планет
Город стал и нестранен и дорог...
О, проклятая броня томительных лет,
Над землею, во мне не истершийся след,
Та же тяга и тот же таинственный ворог!

III

По этой улице бесконечной,
От Александра на мастодонте,
В третий век ковыляю увечный
К раззолоченной пике на горизонте.

На чьи следы ступаю несмело,
И кто мой шаг сотрет равнодушно?
Сколько раз, наверно, обьело
Эти насыпи ржою воздушной!

Сколько раз высокие катафалки
Проползали, белея, серединой,
Саван белый в крикливой свалке
Развевался, как жребий единый.

Вот и я в смене смен
Закачаюсь на бледных дорогах
Между грузных, раскрашенных стен,
Распластавшись на тех же порогах.

Что ж смеются кокотка и франт –
Этот франт в порыжелой панаме?

Пусть погаснут огни квисисан,
Черный креп всем привидится в раме!

И, злорадствуя, тихо бреду,
И, на миг успокоенный думой,
Счет ушедшим годам я веду,
Нем и глух и невидим за шумом.

Но и там, как и здесь, не один –
Снова эти прохожие встретятся.
Пусть изменятся меры судьбин –
Домовище мое занавесится!

ПРИМЕЧАНИЯ. *Александр на мастодонте* – конная статуя императора Александра III работы П. Трубецкого, установленная в 1909 г. на Знаменской площади у Николаевского (Московского) вокзала в Петербурге. *Раззолоченная пика на горизонте* – шпиль Адмиралтейства. *Квисисаны* – рестораны. *Домовище* – гроб.

В ПОРТЕРНОЙ

Подвал или первый этаж.
Столик, обитый клеенкой.
Будто бы в печке, закрытой заслонкой,
Горит несгораемый краж.

Стаканы опенены пивом.
Вобла, горошек, сухарь.
Желтая, сизая, серая гарь.
Стойка с лиловым отливом.

Поет граммофон торопливо.
Пьяницы спорят, кричат,
В столик бутылкой стучат
И хлюпают желтое пиво.

Скулит проститутка в угаре.
Пьет, очумев, кавалер.

Ко мне наклоняются лица химер
В разжиженной дымной опаре.

ПРИМЕЧАНИЯ. *Портерная* – здесь: пивная. *Опара* – здесь: насыщенный алкогольными испарениями воздух.

БЕССОННИЦА

Часто ночью мне не спится,
Я вздыхаю и дрожу.
Кто-то в дверь ко мне стучится –
Вопрошающе гляжу.

Вот за дверью призрак белый,
Ухмыляясь, сторожит
И засов рукой умелой
Отопрет – и убежит;

Или поступью неспешной
Тихо в комнату войдет,
Речью страшной и нездешной,
Издеваясь, изойдет;

Подойдет ко мне и схватит,
И вопьется в горло мне,
И задушит, и обхватит
Он меня наедине.

Все вокруг неумолимо,
Все живет и все грозит.
Вот крадется кто-то мимо,
Тихо по полу скользит.

Вот в углу зашевелилось
Полотенце на стене,
Зашуршало и скосилось,
И откинулось ко мне.

Вот, как будто бы случайно,
Под окошком кто-то встал
И чрез рамы что-то тайно
Мне о чем-то зашептал.

Вот ползет он к изголовью
Сквозь неверное окно
И своей нечистой кровью
Оскверняет полотно.

Вот картина оживилась,
Рама треснула опять,
Штукатурка отвалилась
На горячую кровать.

Я дрожу, страшусь, бледнею,
Я молюсь, не веря в крест,
Морщу брови и лелею
Бросить дьяволу мой жест.

ПРОЩАНИЕ

Прощай Нева, прощай столица!
С вечерним поездом умчусь.
О, неужели небылица,
Что я сюда не ворочусь!

Прощаюсь я – и сожаленьем
Не разволнован в этот миг,
Но полон тихим умиреньем,
Как отдыхающий старик.

Прощай, острог, прощай, колодник
И погубитель стольких лет!
Включи меня в твой ежегодник
О проклинающих твой след.

СПАСО-КАМЕННЫЙ МОНАСТЫРЬ

У белых стен монастыря
Я отыскал приют укромный,
Я отдохну от жизни томной
Под звоны служки-звонаря.

Я убежал от темных зданий
И от томительных грехов,
Рубцы от скованных оков
Здесь заживут от состраданий.

И мне не верится в возврат
К иным дорогам и утехам,
Как только по знакомым «вехам»
Услышать сладостное «брат».

ПРИМЕЧАНИЕ. *Спасо-Каменный монастырь* – Преображенский монастырь на Каменном острове Кубенского озера в Вологодской губернии.

ВЕРА

Грустно, грустно на дорогу
На прожитую гляжу;
Но тому же злому Богу,
Искалеченный, служу.

Он не принял приношенья,
Он отторг и дым и тук;
Но узнал я поношенья
От его суровых рук.

Он на жертвенник непрочный
Не спустился купиною
И на голос непрочный
Не откликнулся на мой.

Но пускай опять в дорогу
В отягченную пойду –
Я к тому же злему Богу
Умирающий дойду!

ПРИМЕЧАНИЕ. *Кутина* – горящий куст, в котором, согласно Библии, Бог явился пророку Моисею.

ФАРФОРОВАЯ ТАРЕЛКА

Я жду ее в тоске влюбленной
Средь зеленеющих лугов,
Она придет на страстный зов,
Придет на холм уединенный.

Тогда на небо белой ратью
Безмолвно выйдут облака
И загорится свысока
Звезда влюбленному объятью.

Тогда наш холм осеребрится
Дорогой лунной и росой,
Над нашей свадьбой святой
Туман прозрачный закружится.

И в синей мгле голубоокий
Мохнатый Пан свирель возьмет,
Нас тихой лаской обоймет
Звук и живой и одинокий.

Сатиры, боги и дриады
Нагим венком окружают луг,
Со смехом нас заманят в круг
В безумной пляске, песне рады.

В восторгах страстных упоенья
Дозорным небо будет нам,

Земля отдаст своим цветам
И наши трепет и томленья.

ДВЕ СТРОФЫ

Все привлечет мое вниманье,
Над всем в раздумье погружен:
Синички ль слышу щебетанье
Иль вьюши четкий, частый стон;
Увижу ль зверя в полдень жгучий,
Иль свет ночного светляка;
Замечу ли цветок пахучий
И мошек лёт у ночника...

Все мрак загадок предо мною:
И жизнь травы, и жизнь цветов,
И солнце с жаркою тропею
Из несосчитанных веков,
И гор недвижные громады,
И пенье птиц, и гул грозы,
И зверь, и лес, волна и гады,
И прозябание лозы.

ПРИМЕЧАНИЕ. ...*волна и гады. И прозябание лозы.* – Реминисценция из стихотворения А.С. Пушкина «Пророк» (1826): «...И внял я неба содроганье, И горний ангелов полет, И гад морских подводный ход, И дольней лозы прозябанье».

Сергей Стрибожич

ПОСВЯЩЕНИЕ

Песни дола посвящаю
Я тому, кто в сердце носит
Груз суровый и тяжелый –
Отпечаток северян.

Кто видал, как в дымке сизой,
Не прощаясь с закатом,
С тем же солнцем торопливым
Зарождается восход.

Кто видал морошки заросль
На болоте поверх моху,
Между купой редких сосен,
Пряной ягоды янтарь.

В детстве кто себе на шею
Из рябины ожерелье,
Как коралловые бусы,
Усмехаясь, надевал.

Посвящаю песни дола
Белоликой северянке,
Той, чья в девах рая – пери –
Зависть будит белизна.

Северяне, северяне!
Если песни, если песни
Хоть на миг в сердцах разгонят

Вам присущую суровость,
Тем навек утешен я.

<1916>

СЕВЕРНОЕ

Солнце, как чищенный щит,
Медным сияньем горит.
Сизая мутная мгла
Неба концы облегла.

Путь наш опасен, далек,
Гений науки завлек.
Манят громады вдали
Утлые наши ладьи.

Илыч – то жидкое дерево.
Что ширину его мерило
Гибких притоков – ветвей?
С ветром не спорь, кто быстрее.

Синие скалы его стерегут –
Вот великанский поистине труд!
В высях кудряво кучат облака,
Давит их влагой седая рука.

Стройные двойни бегут берегов,
В точку смыкаясь веленьем богов.
Птицы и звери спокойно живут –
Горный, лесной им надежен приют.

Мы, человеки, к ним в гости идем.
Солнце ласкает нас бледным лучом.
Нет здесь ни ночи, ни утра, ни дней –
Сумерек отсвет опала нежней.

<1916>

ПРИМЕЧАНИЕ. *Илыч* – правый приток Печоры, берущий начало в западных предгорьях Северного Урала.

НЕКЛЮЧИМОЕ

Солнце садится, в румяные тучи закутавшись плотно.
День догорает, как в поле пастуший костер.
С севера облаки, словно солдаты – поротно.
В травах душистых едва... притаилось двенадцать сестер.
Все они обликом схожи, трясутся и руки вздымают,
Тонким туманом свиваются, жалобно стонут совой.
Лешие к путникам их, как авангард, высылают.
Взор их, как нож. Путник, завидишь их – стой!
Помни: в июньские трепетно-белые ночи
Смертных пытается имать светловолосая марь.
Тухнут их гневные, зоркие, серые очи
В день, как зажжется святого Ивана фонарь.

<1916>

ПРИМЕЧАНИЕ. ...*В день, как зажжется святого Ивана фонарь.* – В Иванов день, праздник летнего солнцестояния, приуроченный к рождеству Иоанна Крестителя (24 июня); на ночь, предшествующую этому дню, приходится языческий праздник Ивана Купалы.

КАНУН ОСЕНИ

Посвежело. Осень клены золотит.
Помелели облаками небеса.
На закате кромка алостно горит.
На траве второй роса ли – не роса.
То вдруг дождь забарабанит по земле,
То рассыплет солнце веером лучи.
Синь осин. Берез белесовость в коме.
На ветвях в отлет наладились грачи.
Инда выдастся туманно-свежий день.
Капли канут среброзвонко со стрехи.
Ядовит отрав отвар, зовомый лень.

По-весеннему заклохчут петухи.
Хорошо в бород за рыжиком пойти.
Рыж он, красен – пламенеет, как огонь.
Побродить в лесах без думы, без пути...
И домой вернуться поздно посолонь...

<1916>

ЯЗЫЧЕСКОЕ

Яркой солнечной повязкой
Опоясан бог Ярило.
В разноцвет варяжской краской
Разукрашены перила.

Внутри перил лишь девам доступ –
Легковейные одежды,
Пьянен вид, нетверда поступь,
Полусомкнутые вежды.

На пригорке жрец вещальный.
Красно-синь кругом народ.
Праздник лета, день прощальный –
Солнца к зиме поворот.

Ночь замкнет замками зори,
Ожерелья звезд нанижет.
Бог Ярило к девам зорит:
Тело к телу – ближе, ниже.

В глубине ночной томленья
Поцелуем изольются.
В час Ярилы возрожденья
Дети миру улыбнутся.

Я хочу ответить кликом
На призыв к тени дубравной.

Но мешает страдным ликом
Скорбный Бог мой, православный...

<1916>

ПРИМЕЧАНИЕ. *Зорит* – здесь: льнет.

КИКИМОРА

Вещесовкой – серой птицей –
Прилетала.
Обернулася девицей,
В голбец села.

Пряжу тонкую запрядет,
Слюнит смело.
Ах! Кого в избе нарядит
В саван белый?

Острым глазом, словно спицей,
Петли нижет.
Нож крестовый в потылицу
Или ниже.

Изойдет гробов жилица
Сукровицей.
В лето плохо яровица
Сколосится...
В лето плохо яровое сколосится.
Так в народной старой молви говорится.

<1916>

ПРИМЕЧАНИЯ. *Вещесовка* – вещая птица-совка. *Нож крестовый* – нож с крестообразной рукояткой.

СОЛНЕЧЬ

Покойный Пан оставил мне завет –
Будь зверем и броди меж сосен.
Послушный воле Пана, я раздет –
Меж тем природу акварелит осень.

Болото месит звонкое копыто.
Как корка хлеба, тонкость льда.
Меня, любви безгласной любопытна,
Влечет к себе мерцанием звезда.

В бору, во мху, на зелени постели
Прилег, прямой потомок Пана, я.
Мелькнет платок за стволом темной ели –
И похоть загорит моя.

Стальных пружин упруге тело.
Испуганный несется в лесе крик.
Срываю платье с девы обомлелой,
Ее целую свежий лик.

И, благодарная, уйдет лишь на рассвете,
Сплетет о лешем околес.
Ах, много сказок в белом свете!
В лесах все просто – Солнечь здесь.

<1916>

ПРИМЕЧАНИЕ. *Покойный Пан* – древнегреческое божество природы, лесной демон, получеловек с ногами козла, копытами и рогами; отличался похотливостью, его особенно опасались во время полуденного зноя; предание о смерти Пана изложено историком Плутархом.

НЕВОЗВРАТНОЕ

Сужено ложе царевны Волховы.
Моста стального резные оковы
Замкнули девичью грудь...

Кончилась сказка... Осталась проза...
Сон нарушают свистки паровоза,
Вдаль убегающий рельсовый путь...

Было! Ушкуйник, могутен и весел,
В струге осиновом с двойнями весел
Девоч ласкал, от разбоя устав...

Стало! Лядаший потомок варяга,
В драке кровавой отведавши стяга,
Моется парень у лав...

Чистые воды реки почернели.
Осередь струйка лишь светится еле —
Слезы царевны Волховы.

Плачет царевна в истомной печали.
Годы и воды свободы умчали.
Злостью железной печаль увенчали
Моста стального резные оковы...

<1916>

ПРИМЕЧАНИЕ. *Царевна Волхова* — обительница озера Ильмень, дочь Морского царя, персонаж оперы Н.А. Римского-Корсакова «Садко» (1895) и картин М.А. Врубеля «Царевна Волхова» (1898) и «Прощание царя Морского с царевной Волховой» (1899).

БЫТОВОЕ

Уж весенняя скоро пора...
Разбухает деревьев кора...
И обычно с весенней поры
Застучат по лесам топоры.

Прошибет мужиков едкий пот.
Гибкой ивой завяжется плот

И по мутной долинности вод
Поплывет на бумажный завод.

От уряднических глаз вдалеке,
Будет кашу варить в котелке
Православный рабочий народ,
Чтоб набить с голодухи живот.

Осеребренный яркой луной,
Заберется на плот водяной.
Проаукает лешего крик,
И крестом осенится мужик.

Много дней в неутомном труде,
В ледяной по колено воде,
Приведут мужики мокрый плот
На древесно-бумажный завод.

А за только что купленный лист
Бодро сядет с пером журналист.
Он напишет статью о труде
В ледяной по колено воде,

Под конец прогремев афоризмом,
Что вернулся мужик с ревматизмом...

<1916>

ПРИМЕЧАНИЕ. *От уряднических глаз вдалеке* – без надзора урядника (десятника, подрядчика).

ГЕРОИЧЕСКОЕ

Голубеет стволами осина
Над крутым ретивым косогором.
На лаптях навязла глина,
Сарафан расшит узором.

Издадека прибрела седая
Китеж-град увидеть перед смертью,
С каждым шагом подвиг, вырастая,
В зыби к раю станет твердью.

Котелок бренчит уныло-звонко.
Сухари крошатся и дубеют.
Луносвет обрамил облик тонкий.
Зоревые звезды вечерают.

Впереди осталась лишь могила.
Взор потух. Согнуло горе спину.
Дух все жив. Одно на думе мило –
Красота небесная ее не минет.

И плетется по полям старуха,
Подвига совсем не замечая.
Где берется сила духа
На тебе, о родина святая?!

<1916>

БЕЛОРИЗЦЫ

Город Вологда, как котел, кипит.
На ослоне дьяк Кривоглаз стоит.
Хлещет воздух зыком, аки вервием.
Смерд внимает гласу сему с усердием.
«Князь Василий изволил прибыть в свою вотчину.
Смердину за службу будет заплочено
Гривной звонкою. Лепшим – льготой всякою.
Выходите, горожане, на борьбу с Шемякою!»
В пословице немудрой слово верное взято:
Люди в Вологде ласковы, как телята...
На княжую речь они отзываются –
В ратный бой с Шемякой снаряжаются.
Три дня-ночи лютует Шемяка-враг,

Но твердо стоит вологодский стяг...
 На четвертый день зажег на кострах серу горючую,
 Чует рать Васильева беду неминучую...
 И восслаг тогда Темный к небу моление:
 «Всеблагий Творец! Претерпел я от брата поношение:
 По вине его мира светлого Твоего не вижу.
 От второй беды, горшей, Господи, изыми же!»
 Вдруг от врат железных тройчатых
 Во кольчугах белых кольчатых
 Выезжают два витязя великии –
 За забралами стрельчатými лики их.
 Что творили они – описать не под стать:
 Полонили двое Шемякину рать.
 От мечей Белоризцев исшел огонь.
 Сам Шемяка со страху – скорей на конь.
 И пошла молва из конца в концы:
 Белоризцы, мол, Божьи посланцы.
 Не кровавою сечью-битвою
 Отстоялась Вологда – молитвою.
 А Василий-князь рукою тороватою
 Одарил горожан казною богатою.
 Сотни лет прошли. Изменился свет.
 Белоризцев подвигу забвенья нет.
 Сердце мягкое скорбит под притиною.
 Память воинов сих почтим былиною...

<1917>

ПРИМЕЧАНИЯ. Стихотворение является поэтической вариацией на тему местной легенды, различные варианты которой приурочивают описываемые в ней события к осаде Вологды князем Галича-Костромского Дмитрием Юрьевичем Шемякой (середина XV в.) или к польско-шведской интервенции (начало XVII в.). *Смерд* – здесь: простолюдин. *Князь Василий* – Василий II Темный, великий князь московский, в 1446 г. был ослеплен Дмитрием Шемякой и «посажен на удел» в Вологду. *Гривна* – здесь: монета. *Летшие* – лучшие (именитые) горожане. *Претерпел я от брата поношение* – Василий Темный и Шемяка были двоюродными братьями.

* * *

Мутнеет лес. Лепечет ветер сонный.
Печалится за облаком луна.
Осыпан бор хвоею благовонной,
Целебной влагою земля напоена.

Сердца любви покорнее и мягче,
Душа разверстая тревогою полна,
И крест земли и неба, жребий агнчий,
В веках несет безропотно она.

Текут ручьи по копоти обрывов,
И лед плывет по лону желтых вод,
И на краю уже последних срывов
Стоит задумчиво измученный народ.

Не сгинет он. Под нищенским веретьем
Сокроет раны гибельной зимы.
Разрубится ярмо. Минует лихолетье –
И паче снега убелимся мы.

<1924>

ПРИМЕЧАНИЕ. *Жребий агнчий* – покорный, страдальческий удел (агнец, ягненок – один из символов Иисуса Христа).

* * *

Лиловыми зловещими цветами
Поросло золотистое небо.
Настала година гнева.
Не станет земле согрева.
На нивах не родится хлеба.
Бог ли – черт на небе? Смилуйся над нами!

Рати звериные рыщут лесами.
Огонь пожирает селенья.

Люди оголились, иссохли телом.
Моются сажей, питаются мелом.
Звезды хвостатой в ночи явление.
Подлый и жестокий! Смилуйся над нами!

К югу пророки идут толпами,
Вопят и дикуют при народе усталом.
Труб голосистых чудится глас.
Близится, близок возмездия час.
Земля опожарится пламенем алым.
Не надо нам неба! Справимся и сами!

<1925>

ПРИМЕЧАНИЕ. Это и три следующих стихотворения входят в книгу С. Стрибожича «Былая бойня», посвященную Первой мировой войне.

* * *

Напились Парки допьяна кровавого вина.
Без устали, со злобою хохочет сатана,

И, миром помазуемый, пред глупую толпой
Зовет он за коронами и скипетрами в бой.

Под сенью многолиственной коряжистых дубов
Ошерились зиянием подобия гробов.

Во тьму потустороннюю распахнутая дверь.
Нам холодно, нам голодно, недужны мы теперь!

Гримасу чреву матери соорил сатана.
Сугубым любострастием душа напоена.

И ядом пенно бешеным совокупленье слов:
Безмыслие, бессердие, безволие ослов.

Зима сияньем инея страду земли сотрет.
Бесовский за распутицу минует хоровод.

Лишь смерть одна, печальница о мире для миров,
Сокроет ужас, стаявший в зияниях гробов.

Уныло улыбается на солнце сатана.
В снегах отогревается страдалица страна.

<1925>

ПРИМЕЧАНИЕ. *Миром помазуемый* – благословляемый благовонным маслом миром.

* * *

Ты пляши, пляши, протезная нога!
Открывайся для народа балаган.
Объявил лонись сердешной царь войну:
Показать людям хотелось – фу-ты-ну.

По шеям в набор погнали господа.
Разбежались офицеры кто куда.
Мы босые, мы без ружей... А зимой...
Было жарко от прикладов – ой, ой, ой!

За границей бетонирован окоп.
Как лудил он нас оттуда – хлоп да хлоп.
Бил, задерживал, крутил, давил, вертел.
Мы попали, как тетери на вертел.

Как зачокал по равнине пулемет –
В саду ягода-малина, чистой мед.
Низко взяли. Так, спасибо, наш отряд
Подчистую без единых ног лежат.

Подобрали, отвезли нас в лазарет,
Прописали, что на нет суда и нет.

Ты пляши, пляши, протезная нога,
Ты как память о войне мне дорога.

<1925>

* * *

Я вернулся домой пред рассветом.
Умерла молодая луна.
Сторожило бездождное лето
Оголенные рамы окна.

Мы измучились счастьем до боли,
И, в последний карающий миг,
Обезумевши, сердце могло ли
Повторить неожиданный крик?

А потом опустело, как в башне,
Гулким молотом стукнуло в грудь.
В мутном взоре подруги вчерашней
Отразился страдания путь.

Я вернулся домой пред рассветом,
Я забыл сумасшедшую ночь.
Это было удушливым летом,
И Лилит завещала мне дочь.

<1927>

ПРИМЕЧАНИЕ. *Лилит* – прекрасная и злая женщина-демон, причиняющая вред роженицам и младенцам, овладевающая мужчинами против их воли; по некоторым средневековым легендам – первая жена Адама.

* * *

Влюбленный в высокие сосны,
Я книгу читал бытия.

И были заутрени росны,
Зеленые иглы поя.

И лепет любовный вершинок
В прилеске лиловом бежал.
Весны целомудренный инок,
И я воскресения ждал.

На солнечном ярком пригорке
Любовный бежит хоровод.
А мне, одинокому, горько,
Глядящему в сумерки вод.

В березах алеется платье.
Расцвел золотистый цветок.
Так вот куда, милые братья,
Мой жребий мучительный влек.

<1927>

* * *

Я все боюсь. И сам чего – не знаю!
Любовь-тоска, как дымка, уплывет.
А под окном прозрачно, бодро тает
Изрезанный капелью теплой лед.

Ты умирала с трепетной улыбкой,
И капли крови стыли на губах;
В предсмертной тишине, таинственной и зыбкой,
Ютясь по углам, гнездилися темный страх.

Уж отзвучала жизнь, богатая когда-то,
Ссутулен стан, а кожа – как лимон.
Но снова в полыме весеннего заката
Горит костром знакомых сосен склон.

Умрет рефлекс. Струя холодной крови
Смердящим стынет аловым желе,
И западут глаза, и выгорбятся брови,
И тело вытянут на сомкнутом столе.

<1927>

* * *

На опушке покинутой рощи
Заклубился дымок от костра.
В небе ива вершиной полощет.
Веет ветер. Беседа быстра!

Мы взволнованы оба признаньем,
Мы хотим очистительных гроз.
Мы, как жертвы, лежим пред закланьем
На траве, еще мокрой от рос.

Принесет ли навеки проклятье
Тот тревогой беременный день?
Или смерти нас стиснет объятье
И покроет печальная тень?

В час гибели тайну раскроем.
Неба кровля прозрачно легка.
Над рекою полуночным роем –
Умирающий лет мотылька.

<1927>

Иван Кедровский

ЗАВОД

Я зашел туда случайно,
Где за городом богатых
На земле, изрытой сталью,
Великан завод дымился...
Окна цехов оком грозным
Глубоко впивались в сердце,
Рвали нити мыслей праздных,
Полонили разум светом.
Говорили хрипло, злобно
О рабочих в синих блузах,
Стариках, юнцах и детях,
В черной копоты – уставших.
«Посмотри, – сказал мне молот,
Поднимаясь, чтобы падать, –
Вон, курчавый, силен, молод,
Мой забойный – он несчастен!»
Изрыгая пар клубами,
С визгом, свистом, торопливо
Снова, снова колосс падал,
Стены цеха потрясая.
А вокруг его, как черви,
Копошились, направляя,
В сальных блузах рабства дети,
Сильных спин не разгибая.
Нет в душе былых сомнений!
Верю в вас, сыны завода,

Вас и только вас отныне
Ждем на подвиг для народа!..

Вологда. 1. XII. 1920 г.

Я НАВЕКИ ТВОЯ

В старой липовой роще,
За оврагом, в беседке,
Где махровые розы к поцелуям зовут
И левкоев головки,
К нежной астре-соседке
Наклоняясь все ниже, ласк взаимности ждут, –
Ты горела от страсти,
Трепетала в бессилье
Устоять перед счастьем, так возможным тогда.
Были оба в угаре
У Амура во власти,
А в решетку беседки улыбалась луна...
Ты смеялась, и смехом,
Смехом счастья ответным
Вторил каждый нам куст и цветка лепесток.
Лишь наутро с туманом,
С золотым великаном
Рогом звучным с приветом нас будил пастушок.
Мы прощались до завтра,
Чтобы встретится снова,
Взглядом нежным и долгим провожала меня,
И с улыбкою ясной,
Полной ласки и счастья,
Ты шепнула мне тихо: «Я навеки твоя!»

Вологда. 1. XII. 1920 г.

* * *

Как тяжело смотреть на увядающие розы!
Убор их нежный сорвал ветер злой.
Уж жизни нет – желтеющие лозы
В немой тоске скорбят пред зимнею выюгой...

И, кажется, они, – те розы, что завяли, –
Страдать могли и радостью пылать,
В ненастье – скорбь и горе испытали,
Ликующей весной – любовь могли понять...

И вот они завяли... Мимоходом
Прохожий разве взглянет на кусты
И, не найдя тех лепестков, что так благоухали,
Забудет их до новых, до весны...

Вологда. 30. VII. 1921 г.

* * *

Густой туман окутал в саван ивы,
Скелет орешника и багрянец берез.
Уж не пестрят цветами сочные долины,
Уж не видать в саду порхающих стрекоз.

И в роще липовой замолк волшебный шепот,
Уж нет певцов в густой ее сени...
Лишь на кустах рябин под листопадный ропот
Ютятся мокрые кичливо воробьи.

Да ворон-лиходей, махнув крылом устало,
Печально каркая, туман забороздил...
Уж красок прежних нет – любви уже не стало,
И струн оборванных аккорд, дрожа, утих...

Коровово. 22. X. 1921 г.

КАМЕРА № 18

Спит тюрьма, лишь вьюга, завывая,
В одиночке заплачет в трубе...
Бедный узник, как сердце рыдает
У тебя о минувшей весне!..

Скучно молодцу, думушки темные
Жалом острым засели в мозг.
Кудри русые, оченьки черные
Нагоняют о милой тоску...

«Где-то ты, ненаглядная девица!
Нет уж моченьки больше терпеть.
Как бы крылья мне, вольную волюшку,
Чтоб к тебе, темноокой, слететь!

Приласкала бы буйну головушку
В горе горьком моем, молодца,
Разгонила на сердце невзгодушку,
Поцелуем кручину сожгла!»

Спит тюрьма – лишь вьюга завывает.
Страшно узнику, думы томят.
Сердце, бедное сердце терзает –
Нет, ему уж ее не видать!..

Коробово. 30. XII. 1921 г.

* * *

Звездочки ясные – ивы плакучие,
Сказочный лес, и шумящий ручей,
Пышные травы и нивы пахучие,
Лунная ночь... Соловей...

Слезы и шепот. Мольбы и желания.
Трепет любовный в горящей крови.

Страстные муки... Порывы. Лобзания.
Радость и счастье в груди.

Розы на бархате – красные, белые,
Розы на газе, ажуре, в траве.
Розы и в сердце – букетами целыми.
Розы повсюду, везде!..

.....
.....

Ласки минувшие, страсти уснувшие,
Сказочный лес и шумящий ручей.
Вспомнишь вас после – в морозы трескучие
В сумерки жизни своей!..

4. I. 1922 г.

* * *

Ночь. Таинственно смотрится с неба луна
И дрожит, отражаясь в волне.
Тихо лодка плывет под ударом весла,
Лентой след бороздя по реке...

Я тебя полюбил, как весенний цветок,
В эту чудную ночь. До зари
Был я счастлив, и счастье той ночи святой
Схоронили навек камыши.

.....
.....

И теперь одиноко плыву по реке,
Так же смотрится с неба луна,
Но нет прежнего счастья со мной в челноке.
«Позабудь!» – тихо шепчет волна.

Вологда. 30. IV. 1922 г.

ЭТО БЫЛО ВЕСНОЮ...

Так недавно то было,
В тихий вечер, весною,
Когда в небе зажглась бирюзою звезда.
Ты меня посетила
С догоравшей зарею,
И была ты шумлива и юна, как весна...

Роз букеты краснели,
Аромат испуская.
Сад дремал, очарованный сказкой любви,
И цветы там шептали,
С ветерком оживая,
Нам понятными стали те мотивы весны.

Мы без слов объяснились,
Мы тогда полюбили,
Полюбили – и счастьем запыхали сердца.
Так доверчиво близки,
Были страстью томимы
С тихим шепотом ласки дорогие уста.

Я боялся нарушить
Той гармонии чудной,
Я боялся вспугнуть сказку юной весны,
В тихий вечер весенний
С догоравшей зарею
Потерять я боялся дорогие мечты!..

Вологда. 18. V. 1922 г.

Иван Марков

КТО НЕ УМИРАЕТ?

(Осенняя элегия)

Построены чертоги золотые,
Чтобы блеснуть последней красотой.
Мрак в вышине – и облака немые
Грозят обрушиться последнею грозой.

Она страшна – внезапна и упорна;
Она сразит мгновенно терема...
Природа вечной смерти не покорна,
Лишь усыпит бесстрастная зима.

Но сон пройдет – и новой красотой,
Сияньем творчества природа загорит:
И льды промчит шумящею рекою,
И снег сожжет, и с силой заблестит.

Пройдет ли сон последний и холодный?
Взойдет ли день, могучий и святой?
Моей душе – и гордой и свободной –
Блеснет ли он улыбкою живой?

В природе есть блестящие намеки –
Она пьянит надеждой неземной:
Ведь небеса таинственно-глубоки,
Ведь солнышко не гаснет за горой!..

О нет, мой друг! Лишь тот не умирает,
Кто здесь упал в борьбе за правоту:

В делах, как звездочка, средь сумерек блистает,
Завоевав страданием красоту!..

Тотьма. Сентябрь 1818 г.

СПЕШАТ

Ты устал, изнемог, мой страдающий брат,
В эти тяжкие годы безмерной борьбы,
Но прислушайся – зовы над миром гремят:
«Поднимайтесь для боя, рабы!
Грозный час наступил, час последней борьбы –
За свободу, за честь и за жизнь...»
О, прислушайся к голосу вестей трубы
И надейся, и жди, и крепись...
Нам страдание в удел на земле здесь дано,
Пока ночь полновластно царит, –
Но рассветное пламя уже рождено –
Через сумрак все ярче блеснит.
Поднимается мир... Просыпается люд –
Чу, тюремные двери скрипят!..
Крепче, крепче сжимайте винтовку в руках –
Нам на выручку братья спешат!

1919

СДАВАЙ ОРУЖИЕ!

Сдавай оружие, сдавай!
И сам иди на красный фронт:
Тебя зовет свободный край,
Народ поднявшийся зовет!

Винтовку, пули – все сдавай!
Тебе они нехватают здесь!
И сам вставай – душой пылай –
Тираны заслужили месть!..

Сдавай оружие, сдавай!
Пушай блистает сталью край,
Надежд всемирных колыбель,
Коммуны светлая купель!..

1919

ПРИМЕЧАНИЕ. *Купель* – здесь: место рождения.

ЭХО

На пиру у богачей в хрусталях граненых
Не вино сверкает – слезы угнетенных;
Не шампанское играет – пенится, сверкает, –
Кровь, пролитая войной, буйно закипает!..
В бранном поле рыщет смерть с острою секирой –
Лязг ее в трубах звенит на богатом пире:
То не музыка плывет в раздушенном зале –
Мука смертная звучит тех, что погибли;
То не платье шелестит на шалунье милой –
Тростенки, цветы грустят в поле над могилой.
В белом мраморе колонн светятся не блики –
Унесенных в дни войны сочетались лики...
Только в час, когда сверкнули стрелы громовые,
Боги кошмара падут – содрогнутся злые!
Не заря горит-блестит, полымем сияет –
Воля пышет по сердцам – тюрьмы зажигает!
Не прибой шумит-гремит, в камнях разбиваясь, –
На земле мятеж встает, всюду разгораясь!..

1919

ПРИМЕЧАНИЕ. *Тростенки* – здесь: травы.

ПЕРЕД АТАКОЙ

Задымился вечер... Ранен солнцем запад –
Залит кровью алой без тоски, без боли...

Из сырых окопов, снегом завьюженных,
Красные солдаты зорко смотрят в поле...

Враг затих сегодня – жутко стих, таяся.
Снова, зная, атаку в поле он готовит...
Гей, красноармейцы, зарядите ружья –
Сторожите зверя, пулю пусть изловит!

В ураганном бое лица побледнеют;
Снег зальется кровью, как вином церковным;
Зарево окрасит небо, клубы дыма –
Захочут пушки по равнинам сонным...

Пусть дымится вечер и заря алеет –
Ярче зорь вечерних, братцы, наше знамя!
Не смыкайте очи, грозные солдаты,
Встретим роты белых пулями, штыками!

1920

ИДУТ ИСПОЛИНЫ

Как весенний поток, жарким солнцем рожденный,
Бурно алые волны по миру бегут...
Старый мир, рабский мир, в черный час полоненный,
Эти грозные волны победно зальют.

Растревожен кругом тяжкий сон во вселенной.
Пролетарий великий на битву встает;
Сердце жарко горит, блещет взор дерзновенно,
Мысль-огонь, расцветая, блестит и поет:

«Пролетарий-титан... Встанем, братья, дружнее!
Полно строить во вред эти храмы, дворцы!
Мы построим свое – величавей, светлее.
Мы – творящие жизнь исполины-борцы».

И встают... И придут в грозный час легионы,
И построят великое счастье земли!
В пух и прах разнесут вековые препоны!..
Чу! уж гимн их победный рокочет вдали...

1920

Иван Булатов

КОМСОМОЛ

В его порыве – всемирный дол,
В его глазах – огни всесветные,
Он – весь борьба, наш комсомол,
Он – наша цель, мечты заветные.

В его рядах живет огонь,
Движение – грохот вулканический.
Он – сила мира, России конь,
Могучий конь коммунистический.

Он – смена смен бойцов редющих,
Надежда красного отечества,
Сердец всесветно пламенеющих –
Он сын титана-человечества.

Он – мы и я, все, кто тревожится
Исходом битвы исторической,
Он – спрут времен, борьбою множится,
Горит звездой металлической.

В его порыве – всемирный дол,
В его глазах – огни всесветные,
Он – весь борьба, наш комсомол,
Он – наша цель, мечты заветные.

<1922>

ПРИКАЗ ПРИШЕЛ

*(Отрывок из ненапечатанного стихотворения
«Мы уезжаем»)*

Приказ пришел, опять в далекий путь.
Куда, зачем – вопросы неуместны.
Приказ пришел, и некогда заснуть.
Мы, коммунары, в деле безответны.

Солдаты мы, и сила наша в массе,
Сознательно служить иным векам идем,
И спаяны мы крепко в угнетенном классе,
И чужд для нас дух страхов и измен!

Мы родиной своей весь мир избрали.
Не все ль равно, где жить и умирать?
В рядах бойцов в Париже умирали,
Готовы в Лондоне мы стойко воевать!

Для нас мираж – свобода личной воли,
Сознание дал нам красный коллектив.
И мы идем, идем не поневоле,
Идем смеясь, как водный перелив!

Приказ пришел. Товарищи, в дорогу!
Вперед на свет маяков путевых!
В рядах бойцов всесветную тревогу
Мы будем бить в пространствах мировых!

<1922>

АНЮТА

Распустила косы, груди оголила.
– Экое бесстыдство! – слышится кругом.
Девушка Анюта крепко полюбила
И гордится милым, дорогим дружком.

Что ей до деревни и до баб сварливых –
Сплетен не боится, любит горячо.
Девушка Анята не из тех стыдливых,
Что боятся выйти дома на крыльцо.

Сердце огневое загорелось сильно,
И пылают жгуче серые глаза.
Полюбила парня крепко девка, видно,
И страшна ли девке отчая гроза?

Парень – комсомолец первый по деревне:
И красив, и статен, и речист – беда!
Всей душой свободе этот парень верен,
А любовь Аняты, – видно, уж судьба...

Да и девка тоже: с красными, бывало,
Марсельезу пела, пела без конца...
Уж от песни этой сердце трепетало
Даже у Ивана – грозного отца.

Или в праздник светлый красные знамена
Без суда, без спроса вышивать пойдет.
Лето ли наступит, иль зима студена –
Девка, словно роза алая, цветет...

Полюбились оба не на шутку, видно.
Молодость и правда обвенчали их.
Груди оголила девушка – не стыдно,
Любит так Аняту избранный жених...

13. I. – 23 г. Юхнево

НОЧЬ

Темно, темно на улице
И тихо – ни гу-гу...
Лишь ночка что-то хмурится
В сугробистом снегу.

Как жгучая красавица,
Она мила собой.
Взгляни в окно – понравится
И лаской и красой...

Глаза хмельные нежатся
И жарко от ланит.
Все тело белым снежится,
В объятиях горит...

А поступь гордо-плавная –
Изнежена она...
Сегодня ночь славная –
Безмолвна и пьяна!

19/11–23 г.

СЕВЕРНОЕ

Снежное небо слезится и плачет,
Тучи дымятся тоскливо вдали...
Кто-то там в поле сугробистом скачет,
Кто-то метет за собой пустыри...

Всадник ли поздний с прогулки вчерашней
Едет куда-то на черном коне?
Небо тревожное девушки краше...
Всадник ли едет, иль это во сне?

Слышится песня протяжная где-то,
Вьюга сегодня не в меру пьяна, –
Старая, что ли, устало пропета
Или ночная кутит тишина?!

Вьюга тревожится буйно и хмельно,
Ветер мятежный куда-то спешит.
Серые тучи ложатся постельно,
Кто-то в сугробах угрюмых кричит.

Всадник ли это с прогулки вчерашней
Скачет куда-то на черном коне?
Небо тревожное девушки краше...
Всадник ли едет, иль это во сне?

<1923>

МОИ МОТИВЫ

Завод – моя муза,
Рабочий – Пегас,
Рубанок и блуза –
С иконою Спас.

Паденье – Голгофа,
Полет – мятежи,
А Бог – катастрофа
В бутылке воды.

Борьба – сотрясение
Извечных основ,
А смысл – воскресенье
Грядущих веков.

Любовь – повседневность,
Измена – любовь.
Семейная ревность –
Вчерашняя новь.

Мораль – предрассудок,
Богиня мещан.
Науки рассудок –
Миров Ватикан.

О, радость сознания!
О, вечность борьбы!
Мораль отрицанья
Оков и судьбы!

С тобою я выше
Богов и царей.
Ты любишь – я слышу:
Поет соловей.

Завод – твоя роща,
А ветка – станок.
Сзывает бороться
Стальной молоток.

Решительно – в вечность!
К победе – скачок!
До крови обжечься
В багровый поток!!

<1924>

ПРИМЕЧАНИЯ. *Спас* – Иисус Христос. *Ватикан* – резиденция папы Римского, центр Католической церкви; здесь: главная святыня.

* * *

Белый, белый снег из крыльев
Чудодейных лебедей,
Я сегодня душу вылью
В белом бархате полей.

Снежный, снежный, искры-звезды,
Млечный путь передо мной...
Я глотаю белый воздух,
Воздух пенистый, хмельной.

Я люблю на этих крыльях
Белолицые мечты
И стихом в улыбку вылью
Блеск холодной красоты.

Искры, искры в синем небе,
Звезды, звезды и луна...
А в душе: «Ах, мне бы, мне бы
Улыбнулась она!...»

<1924>

Анатолий Пестюхин

ПОЭТАМ «БОРЬБЫ»

Пусть в дни уходят вечера
И память стучает недели,
Но мы сегодня, как вчера,
Борьбу тяжелую разделим.

Звените громче голоса,
Вливайте в строки алость крови,
Чтоб снова молнии бросать
Стальным и гибким нашим словом.

Тому, что выйдет после нас
На острых выступах столетий,
Зарница пламеневших глаз
Последним вызовом ответит.

.....

И наша тесная семья,
Где мы сковали наши жизни,
Волною нового ручья
В поля засохнувшие брызнет.

<1925>

ПРИМЕЧАНИЕ. Адресовано участникам литературной группы «Борьба», членом которой А. Пестюхин являлся.

В ПУТИ

Опять дороги пелена,
Вдали сходящаяся с небом,
И одинокая сосна
В полях с уже пожатым хлебом.

Опять, как прежде, облака
Грядущей радостью ликуют,
За лесом шепчется река,
И тихо голуби воркуют.

Нахмурен дымчатый туман,
Шатром стоящий над болотом,
А ветер, радостен и пьян,
Берез роняет позолоту.

Густой, запутанный ивняк
Каймою вьется вдоль канавы,
И расцвелили буерак
Раскрашенные охрой травы.

Под вязью тонких облаков
Качается кумач заката,
И в сердце тихая любовь
К тому, что жизнью не измято.

<1925>

ГЛУШЬ

Е.Н.

Хмурый день прорвался через тучи,
Озарил запутанную гать,
Вижу лес угрюмый и дремучий,
Чью загадку – сердцу разгадать.

Ярким оком светится болото,
Чернобыльник горкнет на полях,
Сыплет ветер колосом омета,
И молчит задумавшийся шлях.

Эта даль милей мне и знакомей,
Чем усталость улиц городских:
Я люблю завалы бурелома,
Плеск реки и голубей лесных.

Здесь – в затишье между темных сосен,
По пустым лощинам и тропам
Шелестит осиновая осень
И бросает иней по утрам.

Но душе знакомы эти дали,
Этот лес и узенькая гать,
И кусты, где годы задремали,
Чью загадку – сердцу разгадать...

<1925>

РОДИНА ОСЕНЬЮ

В стране, где осень лижет поле
Дождя шершавым языком,
Туман седые крылья сложил
Над задремавшим большаком.

Не шелестят обозов скрипы,
А в огородах деревень
Широколиственные липы
Листы роняют целый день.

Пыхтит овин веселым дымом.
Под утро в лужах ломок лед...
Вчера грачи промчались мимо
В неизмеримый перелет.

Деревни стриженные крыши
Желтеют ласковым пятном,
И песню радостную слышит
От времени разбухший дом.

Запахло свежелою соломой,
В гумне мякиной цеп шуршит,
Ометы кутаются дремой
И ветер в стаде туч летит.

Я снова верю в эти зори,
Сменяющие тонкий дождь,
А сердце с мельницею спорит,
Перемолов столетий рожь.

<1925>

ВЕЧЕР

Сизый вечер сматывает нити,
Облака расстреливают день,
И закат в оранжевом корыте
Охрой красит выцветший плетень.

Сиротеют ветлы на задворках.
Пропылили с выгона стада...
Желтый месяц сторожем незорким
Отдыхает в зеркале пруда.

По селу затихли шум и крики,
Сонно песню тянут петухи,
А в низинах, серый и безликий,
Пишет сумрак мирные стихи.

Серебрятся пламенные звезды.
Гармонист играет за гумном.
И зачем-то вспомнилась мне поздно
Жизнь моя, окутанная сном.

Уж не в той ли выплаканной боли,
Что бывала в прошлые года,
Я пришел к родимому приволью
Черный хлеб засохнувший глотать?

<1925>

ДЕРЕВНЯ

Вот заводь тихого пруда
Колышется иглой осоки...
Я воротился вновь сюда,
В страну родную, издалека.

Как прежде, старые плетни
Легли на дряхлые осины,
И, как в исчезнувшие дни,
Просветы облачные сини.

Изба знакомая глядит
Оконцем, выбитым годами,
В пустую даль – где роща спит
Между зелеными холмами.

Опушка ближнего леска
Оделась в новые деревья,
И так же утром облака
Плывут в далекие кочевья.

Да, сколько времени прошло –
Сменялись месяцы и годы,
И много жизни утекло,
Как все приходит и уходит.

А мы в борьбе за счастье нив
Сметали ветхие преграды:
Недаром солнечный разлив
Разбился полновесным градом.

И вот сейчас в лесной глуши,
Когда восход дымит ало,
Мятежный гул моей души
Улыбка жизни осияла.

<1925>

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Жизнь бывает горька и бедна –
Иногда даже горче полыни:
Если счастье потоком нахлынет,
Мы его выпиваем до дна.
Песни, песни, не ваша ли звень
Раскатилась на дальних полянах?..
Время лечит тяжелые раны,
И года уплывают, как тень.
Вечер выплест звездную рань,
Мир по-прежнему будет бороться;
Только жаль: золотого колодца –
Не увидит родная Рязань.
Знаю я, устают и года,
Но поэту нельзя ошибиться,
И кому суждено оступиться,
Не вернется для нас никогда.

.....

А бубенчики синих цветов
Будут снова весною шуметь,
И веселую красную медь
Утром выкинет прядь облаков.
И твоя обновленная Русь
Снова вспашет родные поля,
В деревнях зацветут тополя,
И растает осенняя грусть.

<1926>

Сеть выметывали целый вечер,
И когда пришла ночная муть –
Ветер стал порывистей и крепче
В паруса распушенные дуть.

Торопились хмурые поморы,
Руки тверже сматывали снасть,
А в бортах сосновые распоры
Грызла волн оскаленная пасть.

Темь росла разгонистей и шире,
Океан встревожено гудел –
И далеко, словно в чуждом мире,
Огонек заката догорел.

И когда вскипало пеной море,
Разметался зверем диким шквал, –
Парусов широкие узоры
Буйный вихрь на клочья разорвал.

Люди бегали на палубе покатой,
Их смывала буйная вода,
И дробилось дерево, как вата,
На пластах расколотого льда.

Шхуны прыгали. И в бешеном разгоне –
Мачты сбиты... Сорваны рули...
Ветер гнал в последнюю погоню
Брошенные бурей корабли.

.....
А потом, когда рассвет забрезжил
На груди усталых, синих льдов, –
Море выбросило трупы к побережью
И обломки парусных судов.

Солнце грело облачную кровлю,
За пять верст, где пристань и коса,
Рыбаки готовились на ловлю,
И опять вздымались паруса.

И осталось все, как было прежде, –
Низкий берег... ракушки... песок...
И в какой-то розовой одежде
Пламенел над льдинами восток.

<1926>

АПРЕЛЬ

Под бархатными ивами
Курчавится полынь.
Плывет волной счастливою
Апрельская теплынь.
В чернеющих проталинах
Пробрезжилась трава,
А на лесных прогалинах
Кричат тетерева.
Дорога стала вязкою,
Не тянутся воза.
И ты приходишь ласковой,
С огнем любви в глазах.
Растаял лед в оконнице,
И в сердце тает лед.
И солнечною звонницей
Весна опять поет.

1927

БРОНЕПОЕЗД

Поэма

А.К. Воронскому

I. Осень в тайге

Тайга нахмурилась вершинами,
Узорит облако пятном...
Раскинулось холодной линией
Пустующее полотно.
На рельсах изморозь хрусталится,
А на откосах звонок лед,
И осень, сгорбленная странница,
Тропой покинутой идет.
Заснули пади и заложины,
Ночами жуток вой волков,

И сумрак чутко настороженный
Ползет на гребень облаков.

.....

Густеют ломаные ели,
Звенит хвоинами тайга –
Как раньше кандалы звенели
У каторжанина в бегах.

II. Разъезд 906-й версты

Разъезд 906-й версты,
Тайга обступила его кругом.
За изгородью глухой пустырь –
На том пустыре станционный дом.
А там, за разъездом, шумит река,
Темнеет скелетом железный мост,
За мостом качается желтый закат –
Который сегодня особенно прост.
Платформа запутала выгибы шпал,

И рельсы раскрыли стальные пути,
Туда, за далекий, холмистый отвал,
Уже никому сейчас не пройти.
На мокрых ступенях костер догорал,
Дремали винтовки в усталых руках;
Отряд партизан на разъезде стоял,
Дозоры раскинув на этих путях.
И в доме, где ночью мигают огни,
Шумливо и вольно гудят голоса.
(Папахи, тулупы, винтовки, ремни,
Которым не страшны глухие леса.)
В шумихе – огнем пламенеют глаза,
Махорки накурено – виснет топор,
Кипит и бурлит молодая буза,
Но строг и короток ночной разговор...
«Пятнадцатый день захватили разъезд,
Но белых не видно... Закрыли пути!..
Сегодня послали ребят на обезд:
Пора подниматься и дальше идти».

III. Медвежий лог

Лошадь за лошадью,
Копыта не звякнут,
Иглы колючие –
Словно ковер.
Вдоль по низинам
И по буераку –
Вышла разведка
На косогор.
Вечер осенний...
Уж дыбятся тени,
Там – за подлеском –
Опять полотно,
Что раскатилось
До самой Тюмени –
Как на просушке
Льняное рядно.

Чу! за изгибом
Тревожный топот,
Лязгают сабли.
«Братишки, вперед!!!»
Ближе и ближе.
И вот —
На дорогу
Выскочил
Вспененный
Конный взвод.
Крикнули...
Гикнули...
Но с поворота
Щелкнул
Назойливо,
Зло,
Пулемет...
Пять человек —
Перед конницей взвода:
«Вы собирались —
В такой поход?
Смирно! На землю
Клади винтовки,
Живо,
А то разнесу в решето!»
И подпоручика
Голосом звонким
Крикнуло эхо
За дальним кустом.
Связаны руки,
Опутаны ноги.
«Ну-ка, подвесить
На сучья елей...»
И далеко
По широкому логу
Вторило эхо:
«А нну... весел-ллей».

.....

Снова в дороге
Стучали копыта:
Шли в поводу –
Пять лошадей...
Трупы крутились
В ложине забытой,
Под бахромою
Курчавых елей.
Вот уезжают,
И слышно по лесу,
Словно пугают
Болотных чертей;
Дикая,
Жуткая,
Катится песня:
«Да, эх, веселей!
Эх, яблочко –
Да как печеночка –
Висит партизан
На веревочке.
Да-а, эх, яблочко-о
Куда котишься,
Если к нам попадешь,
Не воротишься».
.....

Тихо, тихо шумит тайга.
Пять обнаженных, повешенных тел –
Скоро засыплет снегами пурга,
Скоро утешит ночная метель.

IV. Бронепоезд

Он гремел закрытыми заслонами,
Громыхал на узеньких мостах
И грозил зловещими вагонами
Выбегающим к нему верстам.
Пулеметы шурились в оконницах,

Стлался дым из броневой трубы.
Трехдюймовки, вдвинутые в бойницы,
Сторожили хвойные горбы.
Белый флаг, измокший и замызганный,
Трепыхался вяло впереди.
Дым летел чернеющими брызгами,
Осыпал туманные следы.
Поезд шел на город, где восстание
Разлилось, как осенью затоны;
Было все за броневыми ставнями:
Пулеметы, люди и патроны.

V. Партизаны

Ночь.
Девятьсот шестая верста...
Над рекою
Висит сизоватый туман.
Дождик покрал и перестал.
На платформе сидит партизан.
Сердце
Спокойно кукует в груди.
Зорки глаза,
И чуток слух.
«Полно братишка,
Ведь там, впереди,
Бронепоезд беспечен и глух».

.....

К полуночи
Ветер хрипел сердито.
Река шелестела
Корочкой льдин.
Надежно и плотно
Шашки забиты...
В шашки уложен
Пироксилин.
Шнур на мосту

Зяпратан под рельсу.
И у шнура
Сидит партизан,
Тихо мурлычет сибирскую песню,
Старую песню –
Про степь и курган.

VI. Н о ч ь

Падало время.
И словно бы в вечность
Сыпалась медленно
В травы роса.
Часовой у шнура
Посмотрел на месяц:
Должно быть, наверное,
Три часа...
Там, вдалеке,
Неясный рокот.
Мерно дрожит
Вековая земля –
Словно бы гулы
И конский топот
Шумно легли
На пустые поля.

VII. Т р и ч а с а

Версты плыли в колеса вагонов,
Ветер выл потревоженным псом,
И летели вперед перегоны,
Перегоны за каждым кустом.
Проводов перерезанных жилы,
Телеграфных столбов костяки –
Все бежало и все уносилось
К берегам молчаливой реки.

.....

«Близко?» –
Устало
Спросил генерал.
... «Да –
Вероятно,
Уже сейчас»...
Первый
Немного еще помолчал,
Потом посмотрел
Браслет на руке:
«Знаете,
Времени третий час!..»

.....
Дрогнули шпалы,
Шнур догорел,
Рокот коснулся
Рельсовых змей.
Взрыв –
В урагане огней
Прогремел;
Рухнули фермы
Железных путей...
Ярко луна раскидала свет,
Был бронепоезд, да нынче нет.

Дремлет, нахмурившись дико, тайга,
Лед покрывает взорванный мост,
Желтый рассвет озарил берега;
Восход был сегодня особенно прост...

VIII. Прошли года

Года прошли,
Раскаты отгремели,
И ветер
Песню новую пропел,
И улеглись
В корнях косматой ели

В борьбе погибшие,
Чей облик не сгорел.

.....

Скорый поезд Москва – Чита,
Скорый поезд, почти – экспресс.
Вот 906-я верста...
Вот эти твердые линии рельс.

*Вологда – Иркутск,
1922–1924*

ПРИМЕЧАНИЯ. Опубликовано под псевдонимом «Ольхон». *Воронский Александр Константинович* (1884–1937) – писатель и критик, редактор журнала «Красная новь».

Сергей Панкратов

ДРУГУ ВЕТРУ

Отлетел на листьях пожелтелых
Мой наряд глазастых, синих дней.
И межой за дамбой полусерой
Взгляд скользнул угрюмой и бледней.

Пробежал в открытые ворота
К другу дней на зов плакучих туч.
Но дождем бывшее смыто, стерто –
Утекло ручьем с кряжистых круч.

И больней я жался грудью к ветру:
«Ветер, ветер, друг или не друг,
Нагони мне дней зеленых, светлых –
Разбуди певучий, длинный луг!

Разбуди – и жаворонком звонко
Прозвенит набор нарядных дней.
Я приду, приду и втихомолку
Вновь склонюсь покорный перед ней.

Вновь склонюсь, склонюсь – и лепестками
Вышью даль знакомых, милых лет.
Нагони, верни – и заласкаю,
Застрочу струной твой серый плед».

<1923>

НА ГОЛУБЫХ ПРОТАЛИНАХ

Легла заря в межи дорожные
За синью выгоченных гор,
И песни пламенно-тревожные
Встревожили зеленый бор.

За перелесками хрустальными,
Где смех и песен перепев,
На вешних голубых проталинах
Растаяла улыбка дев.

Взвилась – и эхо семиструнное
Звенит ложбинами в полях,
И вечно дымчатую урну
Скатился распыленный прах.

Но и на ломаных ресницах
Я вижу новь сплетенных чар,
В глазах сияние светлицы –
Непечатый блаженства дар.

<1923>

КОРАЛЛОВЫЕ РИФЫ

Бледно-синим, длинным палантином
Мы завьем пути зеленых ив;
Выше, выше, сизыми рябинами,
Обходя коралловый залив.

И в путях томительно-грядущего
Алых солнц не свяжет листопад.
Мы цветами радужно-поющими
Разукрасим солнечный наряд.

Разукрасим, вышьем – и объятья
Сдавят даль, ушедшую без слов.

Все мы, все в грядущем будем братьями
Колыбельных юношеских снов.

Мы без слов коралловые рифы
Раздробим в куски ударом волн.
И за белыми, танцующими нимфами
Зарябинится смелей знакомый челн.

<1923>

НА УЛИЦУ

7-е ноября 1923 г.

Выйдем рядами рано,
Все, как один, на улицу.
Руку, товарищ славный!
Да здравствует Мировая Революция!

Флагами перевяжем небо,
Красную звезду – выше!
Прямо. Кругом. Налево.
Команда: равняйся!.. Слышали?

Враг не сегодня – скоро
Вскинет ножом отточенным.
Громче же прокричим с кровель:
За Революцию, как один! Точно!

Вывяжем свинцом груди,
Вздыбим мотор в такт.
Пусть у нас лица грубые.
Круче – и есть контакт!

Эхом с Москвы на Берлин.
Лондон до точки выходим.
Там не собьемся – верно,
Прямехонько один ход.

Фабрик, заводов много,
Каждый друг с другом в сцепке.
Это ли Революции не дорога—
На тысячи верст метки.

В Индии, Китае, ближе
Ночью и днем видно.
Звезды и там лижут
Черные истоки Инда.

В Турции, на Балканах, в Италии,
Где ни смотри — всюду,
Всюду рабочие-пролетарии
Вздымают колесом груди.

Долом на эхо вторят
Всюду, везде радио.
В каждом фабричном городе
Празднику *Октября* рады.

<1924>

ПОДКОШЕННЫЕ ТРАВЫ

Целует ветер холодком
Полураздетые бульвары;
Не машут шелковым платком
Подкошенные кем-то травы.

Берез вчерашние наряды
У ног разбросанно лежат,
Старушка-осень тут же рядом
Подсчитывает новый клад.

Среди оврагов почернелых
Блуждает чей-то мутный взгляд,
Качаясь, праздничные ели
Таинственнее жмутся в ряд.

И не тоскую и не плачу
У безвенечных берегов.
Пусть много, многое утрачено –
Целителен осенний кров.

<1924>

* * *

В чаду угарных, пьяных песен,
Полуразвратных вечеров
Я веру вытравил в небесное –
Усладу сиротливых вдов.

Во взглядах мутных, изможденных
Прочел печать – улыбку дна.
И вышел в путь новорожденным,
Всю горечь испытал до дна.

И по широким перекресткам,
Перекрестив ножами грудь,
С лицом, покрытым желтым воском,
Прошел при бездорожье трудном...

Но бесконечную печалью
Полна душа – блаженный дар,
О юных днях, навек утраченных,
О неполученной награде.

<1924>

СПЛЮЩЕННОЕ СОЛНЦЕ

Пусть сегодня многие смеются
Над моими глупыми мечтами.
Знаю, знаю: ныне революция
День и ночь под куполом качается.

Только мне от этого не лучше,
Ведь сказать хотелось бы так много.
О, приди, приди, хоть ты послушай,
Посиди со мною у порога.

Развяжи мне ласками страданья,
Пусть рассказ мой прост и незатейлив.
Видишь, там, за огневыми зданьями,
Солнце растянулось на панелях,

И газет и книги не читает,
И без книг все звезды пересчитаны.
Каждый день заря ведь догорает,
Каждый день разбитые мечты...

Где-то там далекие раскаты,
Слезы льет свинцовый небосклон.
И в бушующем, глубоком кратере –
Растопилось сплющенное солнце.

<1924>

УТРО

Я словами вчера до рассвета
Растянул голубую лазурь,
И лицо зацелованно-светлое
Улыбнулось улыбкою бурь.

У далеких и длинных истоков
Встрепенулись ответней глазенки,
И хотелось, хотелось в потоке –
Утонуть, закружить амазонкой.

Утонуть в васильковом наряде,
Догореть на ржаном перепутье.
Пусть рассудок межуется рядом –
Шлю привет безрассудному утру.

Но под взглядом бессонным и мутным
Вехой выгнулась синяя гладь...
Не хочу в голубое распутье
Голубую тоску прорыдать.

<1924>

УТРЕННИЕ ЗОРИ

В полузабытой, старой книге
Лежал раскрытый василек,
Но буквы молча говорили
О скрытых глубинах истока,

Где песнь, как море, говорливо
Течет вдоль синих берегов;
Зари негаснувшей приливы
Целуют золотые горы.

И пряди черные волос,
Полураспущенные книзу,
Где смех заутренний без спросу
Ложится на кривой карниз...

И пусть иссохнут лепестки,
Июля пестрые наряды, –
Они мне дороги, близки,
Как первый подаренный взгляд.

<1924>

ВИФЛЕЕМСКИЙ СКАЗ

Кудесник, вешний вдохновитель,
Нам подарил когда-то сказ
О первых днях Христа Спасителя,
Отобразенных в небесах.

И долго, долго поколения
Несли в сердцах поверье лет,
И вифлеемские моления
Лились в предутренний рассвет.

Угрюмый путник в бездорожье
Там хоронил тоску и боль,
Но думы пламенной тревожило
Полураскутанное лоно.

Тянуло в даль широким кругом,
Качалась синь и глубь морей,
И смех непонятой подруги –
У семиструнных тополей.

И грудь оврагов переметных
Взвилась тропой в ржаную мысль;
Смелей и выше стали взлеты
В полуразвенчанную высь.

Далекий сказ от Вифлеема,
Как Гефсиманский древний сад,
Не вяжет мысль зеленым хмелем
У белых, каменных оград.

И лишь в молениях стародавних
Еще звучат заветы дня,
И старых дедовых преданий,
И колыбельного ремня.

<1924>

ПРИМЕЧАНИЯ. *Вифлеемский сказ* – евангельское повествование о Рождестве Иисуса Христа в городе Вифлееме. *Гефсиманский сад* – сад под Иерусалимом, где Иисус беседовал с учениками и где он был схвачен слугами первосвященника.

ЛЕНА

Где ширь, безбрежная тайга
На сотни верст и дальше, дальше,
В большие лунные луга
Проплакал похоронный марш.

И замер звук. И кровь и слезы
Омыли бледность бледных рук.
К ногам чахоточной березы
Припал изнеможенный друг.

И было горько, было больно,
Еще больней в застывший час
С улыбкой прежней и покорной
Терпеть постылое ненастье...

Но он терпел, сносил и ждал,
Шептался с ветром, с берегами.
Закат истаял, догорал,
Сползая в темные овраги.

И догорел. И снова, снова
Зажглись огни, зажглись леса.
Шумит тайга, как бор сосновый,
Не плачут больше небеса.

И только там, у ног березы,
Лета хранят бывшего тень –
Безвинно пролитые слезы
В апрельский день.

1924

ПРИМЕЧАНИЕ. Стихотворение приурочено к двенадцатой годовщине Ленского расстрела, расправы над участниками мирного шествия забастовщиков на Ленских золотых приисках 4 (17) апреля 1912 г.

«КРАСНОМУ СЕВЕРУ»

Все быстрее за строкою строка
Белой дымкой течет по откосам.
И бурлит огневая река
Вдоль широких и длинных полос.

Отошли за туманы в века
Все печали, невзгоды и плачи.
И уверенней, крепче рука
По лугам разбросала кумач.

Растянулись гармоникой избы —
От утра до утра огоньки.
И цветут полевые карнизы —
Новых песен бездонный родник.

За сохой, бороной и машиной
Тонкой стружкой вьется строка.
Замаячили в жниво овины,
И зажглись фонари-облака.

И безудержней, радостней, ярче
Юных сил окрыленный призыв:
Шире путь пролетарской печати
В кумачовый весенний разлив.

1924

ПРИМЕЧАНИЕ. Стихотворение посвящено газете «Красный Север» и приурочено к Дню рабочей печати, отмечавшемуся 5 мая.

Анатолий Субботин

ПЕРЕМЕТ

В синем пологе красная зыбка,
Ветер баюшки-баю поет;
В зыбке голубь – играет улыбка,
Из зари, как огонь, перемет.

Разметалась ланью по степи
Алым маком цветная гряда;
Голубь ждет под воркующий лепет;
Мает степь золотая страда.

Подневоля расковано стремя,
Бубенцы говорят, говорят...
Вкруг ржанные, овсяные стены,
Ячменя белояровый град.

Баю-баюшки, баюшки-баю,
Ветер зыбке молитву кладет;
Синий полог всю степь укачает –
Как огонь золотой перемет.

<1920>

ПРИМЕЧАНИЕ. *Перемет* – здесь: широкая змеистая полоса.

* * *

Растянулись овсяные мари,
Птичий гомон и галочий звон;

За овином в предутренней яри
Видно сосен игольчатый трон.

Слышно шумы незримого Спаса,
Песни зябликов в мокрой траве,
И заря, как огни коностаса,
На широкой горит синеве.

Лес под заревом зорьных пожаров
Собирает толпу лешаков
У старинного в соснах кургана
И справляет непетый Покров.

Домовых хмелевая попойка
На соломенном, крытом гумне...
Ну-ка грянь, приударь, моя тройка, —
Я поеду на праздник к заре!

<1920>

ПРИМЕЧАНИЕ. *Покров* — церковный праздник Покрова, отмечаемый 14 октября.

* * *

Словно ширью-полем, размечуся песней,
Обернуся смелым, звонким лешаком;
Буйно тонут звезды в синем манифесте,
В заревом кафтане, с солнцем-кушаком.

Пробегуся ветром васильковой нивой,
Обнимуся с ивой на крутом яру;
Запахнусь рябиной, яблоневым тыном,
Ягоды-градины в песни соберу.

Помирюсь и с горем, голодом и нудой,
Укачаю песней серые стога;

Я хмелен весельем – в этом мое чудо, –
Радостью мне светит алая звезда.

Я хмелен свободой, голубым простором,
Для меня не надо нуды черных слез;
В поле, в звонах сосен я живу с задором,
И пою с задором, краснопевный гость.

<1920>

* * *

Я хотел бы стоять при дороге
И указывать путникам путь;
Я хотел бы быть первым прохожим –
В темной роще, в соснах утонуть.

Чтобы волосы взбухли смолою,
Чтобы в сердце янтарь закипел;
Я хотел бы с холщовой сумою
Обойти миллион деревень,

Постучать под окошком на свадьбу,
На лужайке собрать мужиков,
Разгадать им лесную загадку,
Рассказать про весну городов,

Растворить медно-литые створы,
Где на яри – мужичья судьба...
Я хотел бы, как синее море,
Расплескаться волной без конца.

<1920>

КОЛЛЕКТИВ

Наша сила в труде и борьбе,
Звоны молота – яблонный сад.

Пусть в дворцах и в мужичьей избе
Зацветет кумачовый наряд.

Бросят в небо опаловый дым,
Неба вешнего в синюю мазь
Башни фабрик, и песни машин
Буду в золото алое прясть.

Пусть в дыму почернеет овин,
Звонкой музыкой вспляшут цепи;
В нашем мире творец не один,
А живет одно вечное – мы.

Трудовой мировой коллектив –
На черте обновленных судеб,
Фабрик-башен, заводов и нив
Созидающий право и хлеб.

<1920>

* * *

Тонут в воздухе грозные звоны боев,
Будто розы, алеют широкие раны,
Пахнет гарью и смехом от стен городов,
Куполами вздымаются красные храмы.

В звоне боя, в пожаре великих годин
Пляшет улицы бег – быстrokрылое время;
Распахнула заря полы-маки на тын,
Пухом нежит земля песен новое семя,

Песен нашей свободы, зари и труда –
Коллектива великого звездные знаки,
И с позорного рынка – продажи раба –
Поднимаются к небу горящие флаги.

Тонут грозные в воздухе звоны боев,
Будто розы, алеют широкие раны.

В этом звоне родится весна городов,
Выше солнца и звезд встанут красные храмы.

<1921>

* * *

Где пляшет пляску буря,
В огне кресты дорог, –
На солнечной лазури
Наш новый ледоход.

Под талой шапкой снега
Весенние поля,
Скрипит, стучит телега
Из голубого дня.

Поют молитвы птицы,
Звонят стада коров.
Весна – что гостья-сваха –
Ведет невесту-новь.

Земля вдохнула жадно
Из синего ковша,
Плакатами нарядно
Цветет, цветет душа.

Присела ночью буря
В навозный ил дорог.
Шумит, шумит, как улей,
Хочет ледоход.

Сорвав веков закрепы
У красного костра,
Несется грозный трепет –
А даль ясна, чиста.

Проходят друг за другом
Творцы мятежных дней,
Кто с молотом, кто с плугом,
С свечами октябрей.

Все братья в белых ризах,
В червонных стихарях.
На розовых карнизах –
Цветы из алых блях.

Последней пляской буря
Сплясала на заре
И умерла в лазури –
В всесветном Октябре.

<1921>

* * *

Знаю я, что вечер на пороге
В этот час котенком задремал.
Этот час неповторимый, строгий
Знает тайные слова.

Словно гимн неведомых народов,
Но простой и ясный до иот –
В сердце синь и золото мелодий,
И растоплен грусти лед.

У окна, в рябинах скрытой хаты,
Близко голос девичий звенит,
И румяны зорь над лесом латы,
И река рубинами горит.

Знаю я, что вечер на пороге
В этот час со мной свиданья ждет.

Этот час неповторимый, строгий
И простой, и ясный до иот.

<1923>

ПРИМЕЧАНИЕ. ...до иот — до мелочей.

* * *

На руке с серпом, средь ржанных полос,
В час, когда пастух зазвенит в свирель,
Ты идешь и рвешь васильки в подол —
Молодая грудь молока белей.

В кумачах, ала — во всю щеку мак,
Под платком узлом свернут жгут волос,
А в очах пожар, не зальешь никак,
И целует рожь след ноги босой.

Ты родная мне. Я из тех же стран;
Как и ты, я жил в синеве полей,
Как и ты, с межи васильки срывал,
Слушал птичий гам и ловил стрижей.

Много сил в руках. Запылала грудь,
Захрустела рожь под серпом, дрожа.
Где-то тихий звон, где-то песнь поют
Золотым снопам, что стеной лежат.

<1923>

* * *

— Ах, зачем этих сумерек тень!
Я хочу ласки синего неба.
— Если хочешь — у солнца потребуй,
Чтобы завтра был ясный день,

Чтобы облак свинцовую мглу
Оно радугой смыло за горы
И на крышах с соломой узоры
Растопило в свою глубину.

И тогда посидишь у окошка,
Отдыхая вечерней порой,
Будешь тешиться ветра игрой
В тополях на просохшей дорожке.

<1921>

* * *

Весенний шорох трав так чуток.
В долинах, серебрясь росой,
Повис пахучий и густой
Туман из синих незабудок.

И звонкой талью даль полна,
И трелью друга-жаворонка,
А в поле прелестью ребенка
Открыла груди мать-земля.

И ждет меня. И с песнью в сердце
Я, пахарь, солнцев друг, спешу.
Сегодня грудь ее вспашу,
Посею золото и – сердце.

Пускай возрастут огнями ввысь –
В земной груди, как в хмельной броне.
Я – пахарь, солнцев друг. Так чист
Лишь ручеек в глухом овраге.

<1923>

* * *

Как и всегда в такую пору,
Темны и скользки вечера;
Вчера с овина крикнул ворон
Привет прощальный журавлям.

В багрец одетые березы
Весь день ведут с дождями спор.
Ах! Скоро иньем да морозом
Пахнет от белоснежных гор.

Но мне ли с осенью поспорить,
Когда она под шум дождя
Гостей встречает у порога,
Как хлебосольная вдова,

Когда под дымным сном овина
Метают золото снопы
И избы пахнут чем-то синим
И сладким медом от кутьи.

<1923>

* * *

Белеют камни церковок старинных,
На улицах зеленый сад.
Я знаю, буду вспоминать
Еще не раз тот город милый,

Столицу северных лесов,
Где память Грозного доселе
Жива в сказаниях отцов
Как песнь о голубой Расее,

Где из туманности столетий
Легендно-розовый Насон

Мне снится в золотом рассвете...
Лесов набатный перезвон

И клич ушкуйников далеких,
Будя просторы старины,
Звучат и буйно, и широко
Из Новгородской стороны,

Где в годы тяжких лихолетий
Царил все тот же буйный дух,
И наши дни отметил метой,
И в огнебитве не потух.

Все те же камни церковок старинных,
На улицах нелепый сад.
Чу! Вновь ушкуйничий набат
На перелетах ветра синих.

<1923>

ПРИМЕЧАНИЯ. Стихотворение посвящено Вологде. *Грозный* – царь Иван Васильевич Грозный (1530–1584). *Насон* – одно из названий Вологды в исторических преданиях. ...*клич ушкуйников... из Новгородской стороны*. – Ушкуйниками назывались снаряжавшиеся Великим Новгородом в XII–XIV вв. отряды «охочих людей» для захвата земель и торгово-разбойничьих экспедиций (передвигались на «ушкуях», тяжелых военных ладьях, под парусом и на веслах).

Марк Серебрянский

* * *

I

Бредем – через горбы вершин,
Живем – и смерти делать нечего,
Поем – и славим мощь машин
И мудрость мозга человеческого.

II

Вчера скалистый склеп здесь был,
Река бурлила, отвечая «нет»,
И волны разбивали лбы
О берег в бешеном отчаянье.

Обрыв был резок, желт и крут,
Где черной грудью туча взносится,
Лишь ветер, хлесткоукий кнут,
Свистел разбойным диким посвистом.

Теперь на желтом берегу,
Где глотки фабрик рвутся утрами,
Как назло вечному врагу,
Поет река, плотиной спутана.

И скручен в рог привольный край,
Что был с раздольем связан узами.
Забыта буйных волн игра
За крепкими стальными шлюзами.

И выше, выше всех вершин,
Где даже ветрам делать нечего,
Живет стальная власть машин
И мудрость мозга человеческого.

<1923>

* * *

И снова год. И новый год
Река времен стремится вперед.
Но в русло введена река,
И сталью стиснуты бока.

Шумит вода, бежит вода,
За годом год грядут года.
И год не тот. А я все тот.
Послушен руль и четок ход.

Опять, опять, опять, опять:
Один, два, три, четыре, пять —
Шестой ушел. Идет седьмой
И хлещет полою водой.

Шумит вода, течет вода,
Растут и крепнут города,
Чтоб мясо, содранное с плеч,
Одеждой кирпичей облечь.

И после ночи поутру
Горланит строй фабричных труб,
Выходит солнце на восток,
Встречая утренний гудок.

Шумит вода, течет вода,
Плывут и люди и года —
Туда, где бег идущих дней,
Где жизнь и шире, и светлей.

Шумит вода –
Несет года.

<1924>

КОММУНА

Терпенья взорваны года,
И перешиблен гнет, –
Париж восстал на города,
Себя на смерть несет.

Париж – в огне, Париж – восторг,
Он – жизни новой солнце,
Он на два полюса расторг
Страны родное лонце.

Сегодня он не тот – другой:
Из черных дыр Монмартра
Париж влетел одной ногой
В неведомое «завтра».

Париж кричал: «Войне – война!
Как пыль, гнилушки сдунем!
Мы выкуем тебя, страна,
В рабочую Коммуну!»

Смеялось солнце в небесах
Горячими глазами.
И черной тучею Версаль
На светлом небе замер.

Коммуна крепнет и цветет,
Версалью – костью в горле.
Рванулся в злобе Тьер – и вот
Заговорили жерла.

Предместий жуток тесный строй,
Грохочут батареи,

И пяди не было такой,
Где б красный флаг не реял.

В железных кольцах баррикад
Нет выходов и дверцев,
Но каждый был подставить рад
Врагам живое сердце.

Париж шатнулся. Он устал,
В стальные плечи вжался,
И в ужасе ломал квартал
Израненные пальцы,

И чья то цепкая рука
Клещу свою простерла,
На вздутой шее баррикад
Стискивая горло.

Сдавили в пояса Париж,
Валя Коммуну в яму,
И ружья пели до зари
Стальными соловьями.

Колол версальцев крик: «Лови!»
Закату скрыться где бы...
И солнце плавало в крови
Расстрелянного неба.

Коммуна пала. Кровь, дымясь,
Разбрасывая искры,
Такую вывязала вязь,
Что долгий гнет не выскреб.

И в затхлой вони душных ям,
Где хриплый голос жизни,
Бессмертный бродит по краям
Призрак коммунизма.

И победители дрожат,
Таясь ночью синью,

От наточенного ножа
На жерновах России.

Была Коммуна, будет, есть,
Живые песни льются,
Чтобы везде огонь пронесть
Рабочих революций.

<1924>

ПРИМЕЧАНИЯ. Стихотворение написано ко дню Парижской Коммуны, отмечаемому 18 марта. В этот день в 1871 г. восставшие парижане свергли правительство Третьей республики, и оно бежало во главе с А. Тьером в Версаль. 28 марта была провозглашена Парижская Коммуна. 21 мая войска версальцев вторглись в столицу, до 28 мая коммунары сражались на баррикадах, но потерпели поражение. Подавление Коммуны сопровождалось разгулом террора. *Лонце* – здесь: пространство. *Мон-мартр* – район Парижа. ...*бродит*... *Призрак коммунизма* – реминисценция из «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса («Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма»).

ПЕЧАТЬ

Мы армии свинцовой
Солдаты и бойцы,
И голос жизни новой
Мы шлем во все концы.

От края и до края
Земле и облакам
Мы марш труду играем –
Мозолистым рукам.

Вперед! Мы сами строим
Республику труда,
И крепнут новым строем
За нами города.

Довольно хмурой лени,
Безделье – лютый враг,

«Трудись, – сказал нам Ленин, –
Рабочий и батрак».

В деревне – самогонка.
Так нет, нельзя молчать!
Селькор, гони их гонкой
Сквозь красную печать!

Еще не сдохла злоба
У кулака в груди.
Селькоры,
Зорче!
В оба
Учет врагам ве́ди!

Чтоб выжечь язвы эти,
Опутавшие нас,
Рабкор – пиши в газету,
Держи на взводе глаз!

И выведем мы скоро
На вольный путь страну.
Селькоры и рабкоры,
Раскачивайся – ну!

Дается счастье с бою
Сквозь нэпский вражий вой,
Ты помни: за тобою
Твой друг и часовой.

В день пятый светлый мая
Клянемся – не смолчать,
И руки поднимаем
За красную печать!

<1924>

ПРИМЕЧАНИЯ. Написано ко Дню рабочей печати (5 мая). ...*армии свинцовой*
солдаты и бойцы – сотрудники печатных изданий (типографские литеры отливались
из свинца). *Селькор* – сельский корреспондент. *Рабкор* – рабочий корреспондент.

...нэпский вражий вой – недовольство буржуазии, временно получившей право на существование в период НЭПа (Новой экономической политики), в 1920-х гг.

ЖИЗНЬ

Если удаль вспыхнет
Сгоряча так,
Если в этой вспышке
Мы и мы,
Значит, наложило отпечаток
Время на сердца
И на умы.
Значит, ветер
Прошумел недаром,
В молодость
Ударила гроза,
Если бьют сердца
Таким ударом,
Что светлеют у земли глаза.
Жизнь, жизнь, жизнь,
«Сестра моя родная»,
Самая любимая любовь,
Вычерпать из жил
Готов до дна я
Дней моих
Встревоженную кровь.
Чтоб, звеня
Борьбы огромной песней,
Глубже сердца,
Глубже синих глаз,
В новый мир,
К другой идти
Весне с ней,
Может быть,
В последний раз.

1925

ПРИМЕЧАНИЕ. *Жизнь, жизнь, жизнь*, «Сестра моя родная» – реминисценция из Б.Л. Пастернака, выпустившего в 1922 г. книгу стихов «Сестра моя – жизнь».

ЖИЗНЬ

Жизнь, жизнь,
Веселый хоровод
Дней, налитых такой любовью,
Которая из нас растет
Взволнованной
И свежей кровью.
Года борьбы
У каждого из нас
Гудят в душе
Веселым маршем музык.
Глубок и зорок
Верный глаз,
Живое сердце
Бьет под блузой.
Земля любимая,
Не твой ли я
Взлет юности
К недостижимой точке?
Ах, юность, юность буйная моя,
Бушующая в каждой строчке.
Волнуйся, жизнь,
Рви, ветер,
Парус блузы,
И зорче вдаль
Смотри, мой верный глаз.
Гудит в душе
Веселым маршем музык
Весна земли
У каждого из нас.

<1926>

Сергей Марков

ОСЕТРИНА

Прозрачный кусок растает во рту
Весенней снежною глыбой...
То, что ты ешь, – судя по хвосту –
Когда-то плавало рыбой.

Оно плавниками цвета зари
Резало шумную воду,
Когда по волнам неслись пузыри
И ветер сулил непогоду.

Сбрасывал иней с бровей Восток,
Шуршали синие груди,
Когда на черный рыбачий крючок
Попалось шумное чудо.

Рыбак был смел и не думал упасть
Струна удачи звенела –
Рыбак обмотал соленую снасть
Вокруг могучего тела.

Но жертва жила и хотела жить.
И в серой пене провала
Рыбак хватался за острую нить –
Вода глаза заливала.

Рыбак, погибая, думал одно:
«Такие добычи редки»,
Навстречу летело, кружилось дно,
Растений синие ветки.

И туча неслась – голубее песка,
И видели серые челны –
Качают рыбу и мертвеца,
Как бакены, скользкие волны.

И льдина – сера, шумна и остра –
Столкнулась с такой же другою,
Другой рыбак добил осетра,
Спокойно взмахнув острогою.

Рыбак с усмешкой погладил усы,
Что схожи с кусками тины,
А труп ушел из власти лесы,
Обняв скрипящие льдины.

Гремучая рыба, согнув плавники,
Ударить хвостом не успела...
Я знаю всегда: крючки и клинки
Глубоко уходят в тело.

1925

У КАМЕННОЙ БАБЫ

Хочу, но не могу сказать,
Хоть чувств своих я не неволю,
Но горло полнится опять
Растущей радостною болью.

Была, как эта, синева,
Терновник острый – сух и редок,
Вертел руками жернова
У очага мой древний предок.

Вбивая в синий след стрелу,
Ушел, глумясь, к реке пришелец.
Я слышал давнюю молву,
Как плакал первый земледелец.

Припав к тебе, земля, лицом,
Обиду всю не вылив разом;
А время мчалось жеребцом
С безумно выкаченным глазом.

Крича, мой праотец упал,
Ладони в смятой ниве пряча,
Колосьев бронзовый закал —
Зерно ронял в неслышном плаче.

Обглоданным луной лицом
Косится каменная гряда...
Молчи! Тебе перед концом,
Как предок, кланяться не буду!

1925

ПРИМЕЧАНИЕ. Публиковалось с разночтениями также под заглавием «Земля».

МЕДВЕЖЬЯ ШКУРА

Он сказал: «Пойдем под эту кровлю»,—
Кедр затих и слушает наш смех.
Тень густа, а дни весенней ловли
Принесли мне бурый тяжкий мех!

Зуб медведя выбил он из пасти —
А она для бус его взяла.
Он узнал, как горячи запястья
Смуглых женщин племени Орла.

Грубый мех согрел немые локти.
Он сказал: «Придешь? Я позову».—
И смотрел, как смятой шкуры когти
Уходили в желтую траву.

1926

МОЕ ИМЯ

В годину тяжелых скорбей,
Когда созвездья блестели,
Простое имя «Сергей»
Пришло к моей колыбели.

Тогда качались моря,
Свинцом и сталью томимы,
Багровые якоря
Тонули у синей Цусимы.

И в годы каких боев,
Чтоб гибель была легка мне,
Старинное имя мое
Взойдет на могильном камне?

1928

ПРИМЕЧАНИЕ. Публиковалось также под заглавием «Сергей». *Цусима* — группа островов в Корейском проливе, близ которой 27–28 мая 1905 года русская эскадра потерпела поражение в битве с японским военным флотом.

СНЫ

Не мешайте людям видеть сны!
Бродит ночь у темного утеса.
Дом необычайной вышины
Вырастает в снах каменотеса.

Зверобои видят, как заряд
Рвет на клочья гладь горячей шерсти,
Мореходы беспокойно спят,—
Слышат ветер океанской вести.

Водолазы видят синеву,—
Двадцать футов зыбкого тумана.

Для меня во сне и наяву
Ты всегда томяща и желанна.

1928

ПРИМЕЧАНИЕ. Фут – мера длины, равная 30,48 см.

РЕВНИВЦЫ

Пусть я сегодня твой покой
Нарушил – кстати иль некстати,
Но осыпается левкой,
Стоящий у твоей кровати.

Он умер ночью, не дыша,
Пока окно твое белело.
Его лиловая душа
Оставила сухое тело.

Он слышал вздох и поцелуй,
Его тревожили объятья,
Он видел тени на полу
И ворох сброшенного платья.

И лжи лукавой не тревожь –
Ты не утетишь несчастливца, –
Сухой цветок сейчас похож
На испуленного ревнивца!

1929

ДОКТОР ГИЛЬОТЕН

Тяжек плен холодных стен,
Высока заката лента.
Хмурый доктор Гильотен,
Отхлебни еще абсента!

Рюмку хрупкую разбей,
Ты охрип и две недели
Ловишь синих голубей
Для игрушечной модели.

Вот еще удар ножа,
И в орбитах потемнело.
Крылья вывернет, дрожа,
Обезглавленное тело.

В злом веселье сквернословь,
Лысый пасынок науки!
Льется розовая кровь
На пылающие руки.

Гром за окнами, и вскачь
Шум несется по паркету.
(Будто жилистый палач
Бьет ногой по табурету.)

И уже померкла речь
В темноте ночных сплетений,
И Вселенной новый меч
Подарил угрюмый гений.

Что земля? Упрямый шар –
Он боится содрогнуться,
Но проверенный удар –
Брат грядущих революций.

Видеть кровь уже невмочь,
Шаткий гром устал от гнева,
Ведь, как голубь, в эту ночь
Содрогнется королева!

1929

ПРИМЕЧАНИЯ. *Гильотен Жозеф Игнас* (1738–1814) – врач, профессор анатомии, политический деятель времен Великой Французской революции, высказавший мысль о необходимости изобретения орудия казни, причиняющего минимальные страдания осужденным на смерть; широко распространенное представление о том, что он был создателем гильотины, названной его именем, не соответствует действительности. *Абсент* – полынная настойка, обладающая галлюциногенным действием. ... *в эту ночь Содрогнется королева* – речь идет о французской королеве Марии-Антуанетте, гильотинированной по приговору Конвента 16 октября 1793 года.

СЕКСОТКА

Через реку на черной лодке,
С подложным паспортом в подметке
Я плыл в Россию как домой.
Всю жизнь не подводила водка,
Глотал ее, как соль селедка,
А вот прекрасная сексотка
Меня сосватала с тюрьмой.

Даю вам в этом, судьи, слово –
Бродил от Данцига до Львова,
Но не встречал такой красы.
Увидел раз и встретил снова,
Не бровь, а черная подкова,
Под красной шалью две косы.

По темным улицам ходили,
Сидели в тихом «Пикадилли» –
Трещал мерцающий экран.
На нем в столбах высокой пыли
Бандит летел в автомобиле,
Над ним кружил аэроплан.

Прошла счастливая неделя,
И в темной комнате отеля
Мы целовались неспроста.
Себя ругал я: пустомеля,
Не видел этакого зелья,
Ведь похоронят без креста.

Она шептала мне: «Доверься.
Люблю до гроба». Без затей
Я выдал планы всех диверсий
И дислокацию частей.

Наутро окна стали мглисты,
И осторожные чекисты
Отмычкой открывали дверь,
Потом, нажав на все регистры,
Вошли, учтивы и речисты,
Что делать, думаю, теперь?

Один спросил, сядя рядом:
«Не вы ль с карательным отрядом
Пришли однажды на Мезень?
И там, командуя парадом,
С английским капитаном рядом
Пугали город целый день?

Но чур не врать! Нажмем на кнопку,
Кто брал под Оренбургом сопку
И был представлен Колчаку,
Кто динамит подсунул в топку,
Кто бомбу бросил в Центропробку
И скрылся с пулею в боку?

Теперь пойдёте с нами бриться,
Вас ждет прекрасная светлица
С прекрасным видом из окна,
Натерта воском половица,
Ты не устанешь нахвалиться:
Везде покой и тишина».

Она, наверно, хохотала,
А в коридорах трибунала,
Где с вечера ходил народ,
Старуха квасом торговала...
Гремел о кознях капитала
Судья, меня вгоняя в пот.

И прокурор встает – высокий,
В чернилах вымазаны щеки,
Лицо, как синяя печать.
И, открывая рот широкий,
Цедит оборванные строки
И заключает: «Расстрелять!»

А в зале – крашенные губы,
Ячменной гущей пахнут шубы,
Наперевес тяжелый штык.
Сейчас невольно стиснешь зубы,
Считая версты, дни и трупы,
Тяжелый подавляя крик.

Мгновенье классового гнева
Пришло... Равнение налево!
Не спотыкаться, милый друг,
Зерном могильного посева,
Свинцом последнего напева
Отмечен тягостный испуг.

А вы, противники, хотя бы
Уведомили наши штабы,
Что я покинул этот свет,
Попавшись глупо из-за бабы,
И хоть и все мы в этом слабы,
Солдатской чести в этом нет.

Не позднее 1931

ПРИМЕЧАНИЯ. Публиковалось также под заглавием «Конец авантюриста, 1921 год» с пропусками и искажениями. Было приложено к следственному делу С. Маркова в НКВД. *Сексотка* – секретная сотрудница, тайная осведомительница. *Данциг* – Гданьск. «Пикадилли» – кинотеатр в Петрограде. *Мезень* – река в Архангельской области и город на ней. *Колчак Александр Васильевич* (1874–1920) – адмирал, один из руководителей и организаторов белого движения в годы Гражданской войны, возглавлявший борьбу с советской властью на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

РАССТРЕЛ ГУМИЛЕВА

Часы протяжно и долго били,
День прибавился к календарю.
Черные крылья автомобиля
Сейчас унесут, унесут зарю.

Пять патронов, скрытых в железе,
Синий свинец и белая сталь.
Черных людей Чад и Замбези
И тамариндов высоких жаль.

Люди тебя убьют, не жалея,
Мозг виноградом облепит гранит.
Бронзовый Петр, попирающий змея,
Заговори языком пирамид.

Не позднее 1931

ПРИМЕЧАНИЯ. Стихотворение было приложено к следственному делу С. Маркова в НКВД. *Гумилев Николай Степанович* (1886–1921) – поэт, путешественник, офицер, расстрелянный по подозрению в причастности к контрреволюционному заговору. *Чад и Замбези* – озеро и река в Африке, на берегах которых Гумилев бывал и о которых писал в своих стихах. *Тамаринд* – вечнозеленое тропическое дерево. *Бронзовый Петр, попирающий змея* – памятник Петру I в Петербурге (Медный всадник).

ПОЛЯРНЫЙ АДМИРАЛ КОЛЧАК

Там, где волны дикий камень мылят,
Колыхая сумеречный свет,
Я встаю, простреленный навывлет,
Поправляя сгнивший эполет.

В смертный час последнего аврала
Я взгляну в лицо неожиданным снам,
Гордое величье адмирала
Подарив заплыванным волнам.

Помню стук голодных револьверов
И полночный торопливый суд.
Шпагами последних кондотьеров
Мы эпохе отдали салют.

Ведь пришли, весь мир испепеляя,
Дерзкие и сильные враги.
И напрасно бледный Пепеляев
Целовал чужие сапоги.

Я запомнил те слова расплаты,
Одного понять никак не мог:
Почему враги, как все солдаты,
Не берут сейчас под козырек.

Что ж считать загубленные души,
Замутить прощальное вино?
Умереть на этой белой суше
Мне, наверно, было суждено.

Думал я, что грозная победа
Поведет тупые корабли...
Жизнь моя, как черная торпеда,
С грохотом взорвалась на мели.

Чья вина, что в злой горячке торго
Я не слышал голоса огня?
Полководцы короля Георга
Продали и предали меня.

Я бы открывал архипелаги,
Слышал в море альбатросов крик,
Но бессильны проданные шпаги
В жирных пальцах мировых владык.

И тоскуя по морскому валу,
И с лицом, скоробленным, как жечь,
Я прошу: «Отдайте адмиралу
Перед смертью боевую честь...»

И теперь в груди четыре раны.
Помню я, при имени моем
Встрепенулись синие наганы
Остроклювым жадным вороньем.

Не позднее 1931

ПРИМЕЧАНИЯ. Стихотворение было приложено к следственному делу С. Маркова в НКВД. Существует вариант, содержащий еще одно четверостишие: «И сомкнулось Время, словно бездна, Над моей погасшею звездой. А душа в глуби небес исчезла, Словно в море кортик золотой». *Полярный адмирал* – А.В. Колчак был не только военным и политическим деятелем, но и полярным исследователем, ученым-океанографом. *Кондотьеры* – здесь: романтизированный образ полководцев. *Пепеляев Виктор Николаевич* (1885–1920) – министр «Омского правительства», расстрелянный вместе с Колчаком в ночь с 6 на 7 февраля 1920 года неподалеку от Иркутска. *Полководцы короля Георга Продали и предали меня*. – В декабре 1919 года представители Антанты (англо-французских интервентов) вынудили Колчака отречься от прав Верховного правителя России, в январе 1920 года командование чехословацкого корпуса передало его эсерам, а те – большевикам; эти события приходились на время правления английского короля Георга V.

ПОМОРСКАЯ ЖЕНКА

В ясный день, от народа сторонкой,
Ты проходишь, задорно смеясь.
Не с такой ли поморскою женкой
Жировал новгородский князь?

Что ж? Томи горделивым весельем
У высоких тесовых ворот!
На лугах приворотное зелье
Не для каждого, знаю, растет.

И напрасны наветные речи;
Знаю я, что совсем ты не та;
Не для каждого эти плечи
И малиновые уста!

Ты приносишь и радость и горе.
Понапрасну тобой позабыт,

Рыжий штурман в серебряном море
За стаканом плачет навзрыд.

Моряки, сожжены синевою,
В честь привета и ласковых слов
Над твоею шальной головою
Поднимали сто вымпелов!

Белый дым. За рекою пожары,
Умирает веселый день,
Разжигает свои самовары
Белобрюхая наша Мезень.

Пусть шуршат на лукавой дороге
В тесной горнице половики,
Бьется сердце, слабеют ноги,
Окна темные далеки.

Жаркий шепот щекочет ухо,
Мир, весь мир – сейчас на двоих!
Тишина. За стеною старуха
Повторяет раскольничий стих.

Ты смеешься задорно и звонко,
Манишь в бор – собирать голубень.
Ты одна, родимая женка,
На вселенную всю и Мезень!

1932

ПРИМЕЧАНИЕ. *Голубень* – голубика.

СТЕНДАЛЬ

Спокойны мы. И нам не жаль
Мечты, томящейся в неволе...
В Чивита-Веккиа Стендаль
Грустит о Бородинском поле.

И гения сохранна плоть,
И далеки судьбы удары.
Его могли бы заколоть
Голубоглазые гусары.

И – в шуме тусклого свинца,
В тумане русского мороза –
Босые ноги мертвеца
В хвосте разбитого обоза!

И все же оборвется нить;
Прикажет хищное столетье
Бездомной смертью оплатить
Кабальный вексель на бессмертье.

Конец великих неудач,
Неистребимая примета:
Лишь мудрый полицейский врач –
Отгадчик вечного секрета!

Познаем ли счастливый стыд
И в угрызении высоком,
Своим провидцам и пророкам
Простим их беззащитный вид?

1932

ПРИМЕЧАНИЯ. *Стендаль* – псевдоним французского писателя Анри Мари Бейля (1783–1842), автора романов «Красное и черное», «Пармская обитель», «Люсьен Левен». *Чивита-Веккиа* – портовый городок в папском государстве близ Рима, где Стендаль был с 1830 года французским консулом. ...*Грустит о Бородинском поле* – Стендаль участвовал в походе Наполеона I на Россию и был свидетелем Бородинского сражения. ... *полицейский врач* – *Отгадчик вечного секрета* – писатель скоропостижно умер на улице (вероятно, от разрыва аневризмы аорты).

Аркадий Сухарев

О МАЯКЕ

Стоит он у самого края земли,
Где море бездомные волны уносит.
О нем перед бурей грустят корабли
И песни на вахте слагают матросы.
И если над волнами вздыбится вой,
Он золотом света разбрызжется в пене...
А мне не пришлось поглядеть на него
И бегать наверх по тяжелым ступеням.
И вот потому-то, наверное, я,
Когда меня полночь куда-то заманит,
Готов принимать за далекий маяк
Окошко любимой в померкшем тумане.
Иду я – и знаю:
Маяк – далеко.
А мутные дали зовут и страшат...
Эх, если бы мне
Полыхать маяком,
В грядущее путь освещая!

1928

РАЗГОВОР С ОТЦОМ

(Отрывок)

Мать угадала,
Что в комнаты к нам
Путь позабудут улыбки и ласки.
Я понимаю...

Ты встал у окна
И ковыряешь замазку.

Вот ты уселся и, ногтем скребя
Порванный бас на моей же гитаре,
Хочешь понять,
Почему я тебя
Не ударил.

Знаешь! я руку тебе не подам.
Нет, не подумай!
Я чуток и нежен...
Сердце мое – будто голубь, когда
Голубю крылья режут.

Ты не подумай, что я – молодой,
Чту лишь улыбок оскалы...
Все-таки эта твоя ладонь
В детстве меня ласкала.

Нет, ты не думай и вкось не смотри.
Что за беседа немая?..
Я же люблю тебя, черт побери!
Ты понимаешь?!

Слушай, отец!
Что уж прятать глаза!
Ты появился «под мухой» сегодня.
Кажется, я ничего не сказал?
Кажется, шуму не поднял?

Было затем неприятно смотреть:
Ты отвратительно брызгался бранью,
Дал ни за что подзатыльник сестре
И не пустил на собрание.

Ну, уж тогда:
Перебранка туга...
Ты ее сам же и начал...
Ну, уж тогда я тебя отругал;
И я не мог иначе.

Я понимаю:
Уж если ко мне
Драться ты бросился первым,
Значит досаду, как тяжесть камней,
Не удержали нервы.

Думаешь, я бы тебя не осек?
Иль пожалел бы зубы?
Кажется, я не последний боксер
В нашем заводском клубе.

Я понимал:
Не тебя знобит
И подмывает побиться,
Это стоит уходящий быт,
Пьяный и криволицый!

Разве ж его прикончит удар
В пьяную, мятую харю?
Вот потому я тебя тогда
Не ударил...

Вот потому я и книги сложил:
Двинусь искать других домочадцев.
Ты не сердись
И не тужи...
Ну? Подходи прощаться!

1929

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Ночь пришла под окошко без шума.
Ну, и кто ж уведет ее прочь?
Только нынче мне не о ком думать –
В эту теплую летнюю ночь.
Ты, как я, в предрассветном тумане
Вспоминаешь, припавши к рукам,

Сторожащие тишь мироздания
Легкокрылые облака.
И вот в эту дремотную полночь,
Ну вот так же совсем, как мое,
И твое одиночество полно
Тем, что мы пережили вдвоем.
... Вот стою я,
Насупивши брови,
Вижу —
Падает где-то звезда...
Этот вечер немой, как безмолвье,
Не забыть никогда,
Никогда!
Я тебе говорил, улыбаясь,
В такт словам головой покачав,
Что другая,
Совсем другая
Снится мне теперь по ночам.
Ты ушла, отражаясь в лужах,
Под ногами похрустывал шлак.
Так, пожалуй, и было нужно,
Чтобы ты от меня ушла.
Нам пути предназначены разные
По стропилам эпохи с тобой...
Только ты мне не верь,
Сероглазая:
Я неправду сказал о другой.
Не забыть, как, луною залитый,
Я до утра стоял на мосту,
Как таинственно пела калитка,
Пропуская тебя в темноту...
Снова падают звезды алмазами,
Снова ночь под окошком грустит...
Ты мне прости,
Сероглазая,
Все, что сумеешь
Простить.

ДЕВУШКЕ

Ты попросилась с ним за частоколом.
Он пошутил, надев тебе кольцо.
А ты над девичьей кроватью приколола
Чужое белозубое лицо.

Он под иным глубоким небосклоном
С иною девушкой забыл тебя давно,
А ты упрямо ждешь почтальиона
И занавеску мнешь перед окном.

А почтальон
Проходит, глядя в поле,
Не видя наш некрашенный фасад.
И в пальцах извивается от боли
Твоя ни в чем невинная коса.
И вот, когда, измяв перчаток кожу,
Ты занавеску треплешь сгоряча,
Мне хочется прийти
И осторожно
Дотронуться до твоего плеча.

И рассказать —
Спокойно, как любимой,
Что если так о каждом вот тужить,
То не заметишь, как промчатся мимо
За почтальоном
Молодость и жизнь.

1929

ПРЕРВАННОЕ ЗАСЕДАНИЕ

В окно из литейной врывалась жара.
Клонилося к концу обсуждение проекта.
Сидели солидные инженера,
Сидели завкомовцы и директор.
А в самом конце,

Папироску грызя,
Директор словами нацелился метко:
– Мы выполним эти проекты, друзья,
Как выполним мы пятилетку. –
И все бы случилось совсем хорошо,
И не о чем было бы после шушукать,
Когда бы не звякнул ненужный смешок,
Сорвавшийся с редких зубов технорука.
Ответно хихикнули рядом хитро,
И вот зашумел опрокинутый улей:
– Вы это серьезно, товарищ Петров,
Насчет пятилетки загнули?.. –
В окно из литейной врывалась жара,
Ушла тишина оскорбленная в угол.
Смеялись солидные инженера,
Прикуривая друг у друга.
Механик завода, ходячий скелет,
Кричал и ладонями по столу хлопал:
– Да кто же поверит, что в несколько лет
Из Азии сделает кто-то Европу?! –
Тогда-то,
Сломав на блокноте перо,
Он вырос – над стулом с растрепанным видом,
– Уж ты извини-ка, товарищ Петров,
А я с заседания выйду!
Нехай пятилетку пощиплют,
Нехай...
Они и не верят и хныкают вечно.
А я уж,
Пожалуй, продвинулся в цеха:
Ребята заждались в кузнечной...

И вместе с нахлынувшей вдруг тишиной,
И вместе с ворвавшимся в комнату светом
Услышали люди, нахмурясь при этом,
Как сильно пульсирует цех за стеной,
За тонкой стеной кабинета.

ПРИМЕЧАНИЯ. *Завкомовцы* – члены заводского профсоюзного комитета.
Пятилетка – пятилетний план производства. *Технорук* – технический руководитель предприятия, главный инженер.

* * *

Это часто со мной бывает:
Как приливы-наплывы тоски.
И тогда
Изумительно ноют
И как будто седеют виски.

Это часто со всеми бывает,
И с тобою бывало не раз:
Вдруг почудится тишь гробовая
И другая такая же мразь.

И дрожит, над сугробом согнута,
В палисаде на чьих-то следах
Однорукая липа, как будто
Семафор на пути в никуда.

Kamarado!
Кончай этот сон ты!
К горизонтам бегут поезда,
И дрожит над любым горизонтом
И бездонная ширь,
И звезда.

И в какие ни выйдешь ты двери,
И куда ни пойдешь налегке, –
Ах, как много,
Как много Америк,
До тебя не открытых никем!

Уходи, обгоняя обозы,
Если грусть тебя в дебри зовет.
Ты придешь непременно к колхозу,
Если раньше не встретишь завод.

Я с тобою
И молод и светел,
Я и песню и руку отдам,
Потому что
На этой планете
Не бывает дорог в никуда.

ПРИМЕЧАНИЕ. *Kamarado* – «товарищ» на языке эсперанто; здесь, вероятно, неточное воспроизведение испанского «camarada» с тем же значением.

ЧУЖИЕ ОКНА

Я знаю дом.
Я мимо шел вчера.
Когда еще к нему возили камень,
Я часто приходил по вечерам
И гладил стены теплыми руками.
Я мерил глазом груды кирпича,
Я слышал, как леса его гудели,
А после по-хозяйски замечал,
Насколько он поднялся за неделю.
...И вырос дом.
Взметнулся высоко –
Огромный, громыхающий и хмурый.
И я заметил:
В омутах окон
Заголубели шелком
Абажуры.
И я увидел красшки перин
И острый блеск дешевеньких подвесок.
Цвели подабатурные миры
За паутиной тонких занавесок,
На табуретках кактусов кусты
Тянули к форткам жирные волокна...
И захотелось
Камнем запустить
В чужие занавешенные окна.

1930

ОБ ЭНТУЗИАЗМЕ

Ходил он один по пустой мастерской,
Как будто схороненный заживо, и
Все вытянуть песню пытался баском,
Червячную фрезу прилаживая.

За окнами замер в полночной глуши
Сформованный, как из фаянса, мир,
И цех отдыхающий песню глушил
И комкал ее
Резонансами.

Сегодня простои во всех мастерских,
Не пели станки, разговаривая.
Директор ладонями стиснул виски
От дрожи мембраны: – Авва-ария...
И завтра бы выдался день роковой,
Но вызвался он,
Не прося сверхурочные,
И вытер станину станка рукавом,
Затем, чтобы мучиться ночь на ней.

И вот
Он ходил по пустой мастерской
В заводе, захваченном тишью, и
Все вытянуть песню пытался баском,
Как в первом четверостишии.

И песня была не о звонкой струне
И таборе, пахнувшем гарью, –
Она говорила, что нужен стране
Энтузиазм пролетария.

И стружку мотая,
Как ленту – зараз,
Все думал он,
Так полагая и сая:

«Какой из себя этот энтузиазм,
И с чем его есть полагается?»

1930

ГВОЗДИ

В каморке,
Пропахнувшей примусной гарью,
Обрушился стол, не чиненный никем.
Я думал об этом и мимо ударил:
Заместо зубила – себе по руке.

Когда умолкают моторы со смехом,
Тогда тишина
Нерушима везде,
Я в потной руке из утихшего цеха
Унес незаметно десяток гвоздей.

Звучал молоток
Напряженно и веско,
И пахло за окнами свежестью клумб,
А ночью –
Я комкал в руках занавеску
И долго утрюмо стучал по стеклу.

Он встал предо мной –
Расточающий рокот,
Струящий по трубам потоки тепла,
Горячим кошмаром,
Гигантским упреком –
Завод,
Недовыполнивший промфинплан.

Шагами поэта
Я мерил жилплощадь,
И следом за мною
Ходила тоска.

Потом из стола,
В полумраке,
На ощупь,
Я гвозди клешами,
Как зубы, таскал.

Поутру ж,
Когда с расстановкой, со смехом
В заводе моторы запели везде,
В горячей руке говорливому цеху
Обратно принес я десяток гвоздей.

ПРИМЕЧАНИЕ. *Промфинплан* – промышленно-финансовый план предприятия.

О ГУДКЕ (Отрывок)

...Я, например,
Не согласен ни с кем...
С этими спорю и с теми.
Раз разговоры пошли о гудке,
Дайте словечко по теме.

Вы говорите, что, губы надув,
Взрезав целины покоя,
Каждого он призывает к труду.
А не хотите ль такое:

Мастер небритое хмурит лицо,
Мастер ругается:
– Гады!
Кто-то испортил десяток резцов
В ящике нашей бригады.

Что же за сволочи!
Чья же рука?

Жутко на самом-то деле!
Нынче на всех десяти станках
«Порют» ребята изделия.

Капля ползет от виска, горяча,
В стружки,
В шуршащие копны...
Если ударить врасплох по плечам,
Нервы, наверное, лопнут.

Я еще так нажимать не привык:
Шестерни лязгают хором,
В жутком размахе нагрелись шкивы,
Взявши предельную скорость.

Давит станина десятком пудов,
Хочет дрожать, а не может.
Вдруг...
Пробегают внезапно гудок
Легким морозцем по коже.

Он на минуту царит
И зовет
Чистить моторные поршни.
И умолкает послушно завод,
Рокот сминая в пригоршнях.

Будто
Сломавший резцы ветрогон,
Нами не знаемый кто-то,
Портит мотор,
Пропуская огонь,
Нервной системой обмоток.

В эти минуты приходит уют...
К утру – подохнуть от скуки.
Только ребята у крана поют,
Чистя опилками руки.

Брызжет в ладони вода горячо,
В брызгах шипят папиросы...
Я, ощущая соседа плечом,
В окна уставился косо.

Там,
Разметавшись по всем сторонам,
Как колоссальный газон, – там
Паром исходит моя страна,
Пленица горизонтов.

Я понимаю: она ждала...
Мы же преступно не дали
Около сотни, сломав пополам,
Необходимых деталей.

Мы бы, до тысячной дюйма пригнав,
Их бы отделали к спеху,
Если б не этот гудковый сигнал,
Повелевающий цехом.

Он на минуту царит и велит
Бросить работу, не сделав,
И ощущать, как дрожат ковыли,
Нежа усталое тело.

Что из того, что разносит он вой,
Пыжась,
Звуча и немая!
Я,
Никогда не любивший его,
И полюбить
Не сумею.

1930

Борис Непеин

ЭСКАДРОН

Прогнало солнце утреннюю свежесть,
Растаял сумрак в розовых лучах,
И далеко, в лощине, за манежем
Смеется эхо песней трубача.

Услышишь зов веселого горниста,
И в сердце снова радостная прыть.
А небо – голубая пристань,
К которой ни доехать, ни доплыть.

А вдоль рядов, над россыпью равнины,
Горячим ржаньем рвутся поводья.
Но знаю я, что этот бег стремнинный
Не удержать поводьям никогда.

И только лишь, окликнутый сигналом,
Раздастся шпор упругий перезвон, –
Уж конница, дрожа, затрепетала,
И... вылетел галопом эскадрон.

Апрель, 1926. Череповец

НАШЕ ВРЕМЯ

Марку
Серебрянскому

Бледнея, меркнут луны
У ночи на крыле...
Порывистая юность
Все дальше и милей.

И вот грубеет голос
Друзей – в другой игре.
Так вызвеневший колос
Спешит цвести и зреть.

Но время ставит метки,
И робок ветра дых
На крепнущие ветки
Побегов молодых.

Теперь скупей и строже
Пылают вечера,
И хочется помножить
Сегодня на вчера.

О многом позабудем,
О многом не сказать,
Когда заманит будень,
Как девичьи глаза.

И радость ляжет глыбкой,
Коль в дружеских строках –
Приветная улыбка,
Горячая рука!

<1927>

ВЕЧЕР

Е. С.

Бывает улыбка ясна и проста
И жизнь, как улыбка, несложна...
Мы снова с тобою,
И в сизых кустах
Качаются тени тревожно.

Над берегом вечер,
И дальние сны
Окутали тихие логи,
И меркнут тропинки в затонах лесных,
И гаснут лесные дороги.

Каштановой прядью
Склонившись к земле,
Считаешь ты звездные слеты,
Но, знаю, – навстречу
От пышных полей
Приходят другие заботы.

На рыхлую пажить легла борозда –
Как дума, свежа и глубока.
Слезою девичьей упала звезда
С небесного синего ока.

И в каждой травинке – улада земли,
Земная кудрявая радость.
Знать, зори по веснам
Недаром цвели,
Осыпавшись радужным градом.

И сердцу для сердца
Так хочется жить,
Чтоб вместе забыть о прожитом,
Вбирая хмельное дыхание межи
И шелесты буйного жита.

Не тем мы богаты, что юность дана,
Иная в нас пенится брага –
Пусть будет сегодня дорога трудна,
Назавтра утроим отвагу.

И, кажется, сделать любое заставь –
Не станет ничто невозможным,
Когда и улыбка – ясна и проста,
И жизнь, как улыбка, несложна!

<1927>

ПРИМЕЧАНИЕ. Посвящено Е.Н. Студенецкой (см. о ней в разделе «Сведения об авторах»; ее стихи включены в настоящее издание).

РАДОСТЬ

Пришла буйная такая,
Снопом взлохмаченных кудрей.
Ее узнал издалека я
И рассмеялся громко ей.

Она сказала – отвечая:
«Обрадовался, значит – глуп!
Ты каждый день, не замечая,
Встречал меня на том углу».

На том углу? На том, который?..
«Там, где трамвайный поворот.
Но ты идешь всегда так скоро,
Скривив усмешкой тонкий рот.

И я за то в большой обиде,
Кто звал меня – не шла я к тем.
Но или ты меня не видел,
Иль просто видеть не хотел.

Теперь прощай, до новой встречи,
А встретишь – помни: я не зла...»
И, не окончив этой речи,
Вдруг повернулась и... ушла.

Я замер, взглядом провожая,
Потом промолвил: «Как был глуп! –
Ведь каждый день, не замечая,
Встречал я радость на углу!»

<1927>

ЛЕСНЫЕ СТИХИ

Матери

Согнулись тяжкие стволы,
Десятки зим легли на плечи,
И клейким запахом смолы
Усталый бор раздумье лечит.

– Да, времена пришли не те,
И участь суждена иная:
Ветвями тихо шелестеть,
Покой последний пожиная.

Но ничего не скроют дни,
И то, что жизнь пошла на убыль, –
Пила под утро прозвенит,
Вонзив серебряные зубы.

А на опушке, за горой,
Как прежде, молодая поросль
Зеленой вспенится корой,
Не вспомнив про чужую хворость.

И снова весны будут цвести,
Сбирая солнечную пряжу,

Но сердцу радостную весть
Не принесут и не расскажут.

<1927>

ДОРОГА

А. Пестюхину

Много, много таких дорог
По трущобам глухих лесов,
И не каждый на них сберег
Не поломанным колесо.

От людей и дождей – калья,
Сторожит на каждом шагу.
У кальи крутые края
Под копыто коня бегут.

На дороге в калюю попасть –
На полдня в полпути застрять
И смотреть, как в лесную пасть
Упадет, догорев, заря.

Едешь, едешь – все та же тишь,
Лишь суглинок сосет глаза.
Никому, ни о чем не сказать –
Только думаешь да молчишь.

Полосатым перстом – верста,
Значит, меньше одной верстой.
Впереди до деревни – сто,
Да назад – до села – полста.

Приглядится лесная ширь,
А не знаешь, когда – поля.
И родной – ни одной души,
Сам себе на земле – земляк.

Узорочье мохнатых толп
Да курчавые шапки пней...
Сколько надо в дороге дней,
Чтоб мелькнул телеграфный столб!

Много, много таких дорог –
По трущобам глухих лесов.
И не каждый на них сберег
Не поломанным колесо!

<1927>

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА. *Калья* – слово, употребляемое в Вологодской губернии и означающее понятие «колея».

ШПАНА

Сколько лет ему?..
Может быть, восемь,
Только юности нет на лице,
И проводит он зиму и осень
Где-нибудь на трамвайном кольце.

Годы детства не вышли навстречу,
Но кого обвинять и корить,
Если первой ребяческой речью
Было: «Дяденька... дай прикурить!»

В жизни самое главное – «дело»,
Так учила в ночлежке братва.
Но легко ли, рукою несмелой,
В первый раз хоть платок своровать?

А теперь это все миновало,
Жизнь, научит любого она
Колесить по трущобам кварталов,
Отзываться на кличку «шпана».

Не осталось ни жалоб, ни злобы
(Да кого обвинять и корить?).
Подойдет и, взглянув исподлобья,
Бросит коротко:
«Дай прикурить!»

<1927>

СИНИЕ И КРАСНЫЕ

Военная игра

Комдив словами простыми,
Как прежде, в дыму и в песках,
Спокойно и красным и синим
Последний свой отдал приказ.

И враз заворочались штабы,
И карта ощерила грудь.
Походы... привалы... масштабы...
Разведка, ночевка, маршрут.

Под конскою пляской и храпом
Прерывисто бились посты,
И был многозначущий рапорт
Коротким и очень простым.

С тяжелым, надтреснутым стоном
К столу адъютант подошел:
«На фланге... налет... эскадрона...
В капусту... изрублен полк...»

А вечером снова и снова
Тревожно бубнил телефон,
И лица смуглели сурово
Над станом обеих сторон.

В глазницах дрожащие тени,
Но твердость: «Отрезать мосты!

В обход, и – с утра – наступленье,
Атакой в разорванный тыл».

По жгучим излучинам линий,
Окончив, сверяют игру,
Склонились, и красному синий –
Хороший товарищ и друг.

<1927>

ЭСКАДРИЛЬЯ

В заоблачные сини,
Разбрызгав солнца жар,
Плеснулся алюминий,
Качаясь и дрожа.

Земля – как тихий остров,
Земля – как дальний лог...
И только хрупкий остов,
Пропеллер да крыло.

Прозрачная опора!
Но взлет горяч и скор,
Когда гудят без спора
И сердце и мотор.

Не горевать пилоту:
Вот здесь – и друг и дом.

.....

С последним поворотом
Проплыл аэродром,

И тонут колокольни,
И площади – бледней.
Блестящий треугольник, –
Что стая лебедей.

Несутся, выгнув спины,
Балмутить неба ширь.
По солнечным равнинам
Кружи и дебоширь!

Кружи, летун, по воле
И волю сторожи –
Лихое не пришло ли
На наши рубежи?

И если близко к бою,
Тогда – проверен ход –
Рычаг одной рукою,
Другую – пулемет.

<1927>

РЫБАК

Шурша качается тростник...
С реки – вечерняя прохлада...
А он у заводи приник
И с поплавка не сводит взгляда.

Чешуйчатая глубина –
В лиловых отблесках заката.
Лениво плещется волна
На каменистых перекатах.

Какая радость в старике
(Ту искру дать какому току?),
Когда в морщинистой руке
Забьется золотистый окунь!

Опять в глазах мелькнет огонь,
Такой, как в юности, быть может,
И льнет корявая ладонь
К шероховатой рыбьей коже.

Неслышно крадутся часы
В тиши безветренного плеса...
И долго в сумерках косых
Еще подрагивает леса.

<1928>

СТИХИ О ХОЛМОГОРСКОЙ КОРОВЕ

В твоей коренастой породе
В январскую стынь вечеров
О легкой весенней погоде
Скучает голландская кровь.

Ты часто бредешь спозаранка
Хозяйку встречать у дверей,
Пеструшка моя, северянка,
Любимица песни моей!

Прислушайся: чуть потеплеет –
Зовут заливные луга...
Ты вытянешь медленно шею,
Задумчиво склонишь рога.

А вымя тогда молодое
Набухнет в тугие кряжи,
И пышная тяжесть удоя,
Как ласка, под сердцем лежит.

Когда же над хлевом забрезжит
Рассыпчатый майский восход,
По низкому левобережью
Пастух с перестуком пройдет.

И вот, за оградой колхоза –
Поля, и луга, и стада,
А воздух прозрачен и розов,
И блещет в озерах вода.

Мычишь ты протяжно и звонко,
И землю размякшую бьешь,
И нежное ухо теленка
Губами, как стебель, берешь.

О, сытая, травная вольность,
Кувшинок и кашки пора! –
Подойник уносится полный
С общественного двора.

В крутой суете маслобоек
Гудит сепараторов строй –
Сбивается масло тугое
Под звучной машинной игрой.

<1930>

ПРИМЕЧАНИЕ. ...*Скучает голландская кровь* – холмогорская порода ведет свое начало от голландских коров, доставленных на Русский Север в царствование Петра I.

ПОВЕСТЬ О ПАРОВОЗЕ

Ремонтникам Вологодского ремонтного завода

Это ты ли
Облезлым и грязным,
Дружище,
В девятнадцатом шлындал
По черным путям?
Это ты ли, без крова,
Одежды и пищи,
В двадцать пятом хирел
На железном кладбище,
Зарастая и ржавая там?
В горле топки пустой
Ночевали прохожие ветры,
Как бродяги ругаясь
И споря во мгле.

И тогда ты мечтал
Быть, как прежде,
Красивым и крепким,
Чтоб дымящиеся километры
Убегали назад
По дрожащей земле.
Ты поведал
Тяжелую, жуткую повесть:
От врага, через фронт,
Прорывались к Плесецкой
Войска.
А седые метели
Бродили вокруг, беспокоясь,
Зажимая хрипящий
И бьющийся поезд
В беспощадных, жестоких тисках.
Напрягались
Последние взмахи и силы,
И корежилась
Рельсов блестящая гладь.
А по проволоке
Проносилось:
«...С-102... задержать!...»
Ты ушел...
Этот вечер хороший
И теперь еще не отцвел.
Только... кузов
Был вдрызг изношен
И не выдержал котел...
А потом...
Как туман – километры...
Неподвижность,
Тоска, покой...
Ночевали прохожие ветры
В горле топки твоей пустой.
Но пришла молодежь
Заводскою бригадой тревожной.
Стукотели, трясли...
А усмешка цвела над губой.

И о чем ты мечтал –
Становилось ясней
И возможней,
Хоть давно воробы
Подружились с трубой,
А на тендере
Мирно шуршал подорожник...
Много пестрых недель
На лечение
В громоздком депо
Ты провел,
По свободе желанной терзаясь
И следя,
Как любовно
Шершавым тряпком
Поршень твой
Протирает фабзяц.
В перекрестной игре
Голосов –
Молодое,
Задорное счастье.
Паровоз С-102 –
Готов.
Видишь: крепкое колесо
И упругие, звонкие части.
«Это ты ли,
Дружище мой?..
Ишь, какой –
И нарядный и гордый!
Стелешь дым
Над родной страной,
По советской деревне
И городу!»

<1930>

ПРИМЕЧАНИЯ. *Тендер* – специальный вагон, сцепленный с паровозом, предназначенный для хранения воды, топлива и вспомогательных устройств. *Фабзяц* – учащийся фабрично-заводского училища.

Евгения Студенецкая

ПЕРВОЕ МАЯ

Стены вспотели узорною плесенью,
Толстой решеткой закрыто окно.
Кверху, к порогу истертая лесенка.
Серо кругом. Беспросветно темно.

Скорчилась койка, как листик осенний,
Круглый глазок – наблюдатель немой.
Спят по углам полумокрые тени,
Свод над тяжелой от дум головой.

Всюду покой... Только слышно, как бьется
Сердце в груди, молоточки в висках,
Кашель тяжелый порою прорвется –
Смочит платок... Потемнеет в глазах...

Вдруг из окна, вестью радостной с воли,
В камеру луч золотистый упал –
Так захотелось в широкое поле,
Вспомнилось вдруг, что сегодня – весна.

Вспомнил – сегодня ведь первое мая,
Праздник всемирной борьбы и труда.
Там за стенами, наверно, большая,
С алыми флагами, с песней толпа.

С алыми флагами... Что-нибудь красное,
Чтобы и я с ними праздновать мог.

И сквозь решетку, как знамя победное,
Свесился красный от крови платок.

<1925>

* * *

Каждый день – на дороге куст,
А неделя стоит перелеском.
В наше время и час не пуст,
И минута нам кажется веской.

Знаем – каждый момент где-нибудь
Загудели призывы завода,
Что сумел отыскать себе путь,
Позабывший за черные годы.

Знаем – каждый проведенный день
Что-то новое ярко отметит,
И в одной из глухих деревень
Станет баба главой в сельсовете.

Иль, быть может, еще самолет
Красной птицей на воздух взовьется,
Иль на ситец цена упадет,
Электричество в избах зажжется.

А в неделю быть может и то,
Что в стремительно-правильном беге
Победит наш, советский авто
На всемирном, великом пробеге.

Каждый день – это новый шаг,
Каждый шаг – это дальше от буден,
Оттого и сильна душа,
Что, мы знаем, и праздник будет.

Пролетят вереницы побед
И событий кудрявые тени,

И один мировой партбилет
Миллионы отдельных заменит.

1925 г., Ленинград

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Мне писать о тебе даже стыдно –
Много сказано лучших слов.
В них, быть может, яснее видно,
Как сейчас на душе тяжело.

Ведь берез твоих пышные косы
Оборвала зима и метель...
Новых строк твоих тонкую россыпь
Я уже не прочту теперь.

В синий вечер ложатся тени
На поля и лесной бурелом.
Знаю – подпись «Сергей Есенин»
Никогда не напишет перо.

Заплетут еще новую сеть,
Но в иное закинут море.
«Ты такой же простой, как и все»,
Отчего же на сердце горе?

Знаю я, будет некому петь
Так, чтоб сердце струной отзывалось,
И кудрей твоих нежную медь
Никому развевать не досталось.

Еще долго нам будут звучать
Твои песни весенним шумом.
Ты поставил надолго печать
На стихи мои и на думы.

Я твоих васильковых глаз
Кроме как в гробу не видала,
Оттого на тебя сейчас
Я в обиде большой осталась.

Только ты на меня не сердись.
Ах, да ты и сердиться не можешь:
Если страшная штука жизнь,
То страшнее смертное ложе.

Очень я затянула письмо,
Только адрес... да нет же, не надо —
Все равно б ты ответить не мог
Из-за крепкой чугунной ограды.

1926

ПРИМЕЧАНИЯ. Написано под впечатлением от гибели С.А. Есенина (28 декабря 1925 г.). *«Ты такой же простой, как и все»* — измененная цитата из есенинского стихотворения «Ты такая ж простая, как все...» (1923), посвященного А.Л. Миклашевской.

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Вот уж год, как ты не поешь,
Но еще не стал позабытым.
Только имя простое твое
Измусолено и избито.
Кто читал тебя, не читал —
О тебе одинаково спорят.
Потому и печаль не та,
И иное на сердце горе.
Даже ужас петли твоей
Нынче стал самым модным, нарядным —
В самый горький из пьяных дней
Захотел бы ты этого вряд ли.
К каждой строчке твоих стихов
Поналеплено всякой дряни.

Слишком много сказано слов
О желтоволосом мальчике из Рязани.
И, мне кажется, если б узнал,
Как все лучшее будет поругано,
Ты бы смерть вовек не избрал
Самой верной своей подругою.
Только с ней невозможен развод
Даже в нашей стране свободной...
Нам теперь никто не споет
Так, как ты певал всенародно,
Безо всяких узорных прикрас,
Только то, что в душе накопело.
«На земле мы живем лишь раз» –
И прожить надо жизнь умело.
Пусть ты дал и не все, что мог,
Но всю душу отдал – не мало!
Заблудившись в изгибах дорог,
Не одна душа пропадала.
Лишь бы строчки пропетых слов
Петлю смерти твою развязали...
Но не надо красивых слов
О желтоволосом мальчике из Рязани.

ПРИМЕЧАНИЕ. *«На земле мы живем лишь раз»* – измененная цитата («На земле живут лишь раз!») из стихотворения С.А. Есенина «Ну целуй меня, целуй...» (1925).

МАТЬ

Заблудилась на торной дороге –
Не свернуть ни вперед, ни назад,
Оттого так печальны и строги
И так редко смеются глаза.

Оторвалась от старого корня,
Да и новых еще не нашла.
Вот сидит, наклонившись покорно,
Дошивает у блузы обшлаг.

Завтра сыну на праздник, на площадь —
Пусть же будет не хуже других.
Вечер в окна закатом полощет,
Шумный двор задремал и затих.

«Коль идет, значит, доброе дело —
На плохое б сынок не пошел...»
И рукою, в работе умелой,
Закрепляет dokonченный шов.

Когда солнце раскинуло сети,
Пособила обновку одеть
И впервые (что скажут соседи...)
Собралась и сама поглядеть.

И толпа, заливавшая площадь,
Уж не то что в прежние дни, —
Показалась и ближе и проще,
Потому что... ведь сын среди них.

1926 г., Ленинград.

БЕРЕЗА

На закате цветистой линией
Сарафана зари подол
В пляске буйной широко раскинулся
Над звенящей в тиши водой.

Повязались платками пестрыми
Все деревья, идя в хоровод.
Лишь береза желтыми косами
Словно хочет запутать кого.

Изогнулась фигурой белою,
Вот сейчас тоже вступится в пляс,

Потягаться с зарей неумелою,
Как тягалась уже не раз.

Пусть глаза у зари, как сирени, —
Хорошо сарафана шитье,
Но плясать ветерок-затейник
Выбирает всегда ее.

Видно, любо пышные косы
Втихомолку рукой трепать,
По земле разноцветную осыпь
К ее белым ногам сметать.

В хороводе подруг веселых
Не найдется другой под стать.
Не среди же монахинь-елок
Красивее ее искать.

Даже месяц руками светлыми
Часто тянется с неба к ней,
Поиграть ее тонкими ветками,
Заплетая узоры теней.

А в осеннюю полночь спокойную
Пруд рассыплет к ногам серебро,
Оттого на соперницу стройную
И заря хмурит тонкую бровь.

И когда небо станет чуть розовым, —
То, что раньше не смел сказать,
Ветер шепчет кудрям березовым
И целует ее глаза.

БЛИЗКИМ ОТ ДАЛЕКОЙ

Занесло сугробами дороги,
Пролетела быстрых дней гурьба...

Расскажите, братцы, понемногу,
Как живет, что делает «Борьба».

Как Пестюхин – громкоговоритель,
И о чем он вам сейчас поет,
Позабыл ли тихую обитель,
Где плетень рябиною цветет?

Как Борис «Под Красною Звездою»
Иль, быть может, «Лампой Ильича», –
Цикл стихов, «законченный» тобою,
Ты еще не собрался начать?

Саша Шишкин! Милый, милый Саша!
Как его неписанный роман?
Публицист – краса и гордость наша.
Устрашайтесь, критики всех стран!

Костя как? Живет в хорошем здравии?
И его не скушал «Крокодил»?
О его по ЮС'у громкой славе
Весь учхоз мне уши протрубил.

Как Баранов, томный словно Уткин?
Как его веселые скворцы?
Иль, быть может, в данную минутку
Коммунизму строит он дворцы?

Как Ушков – «Ашоткина судьбина»,
Какова сейчас его судьба?
Поклонитесь Смуровскому сыну –
И ему ведь суждена «Борьба».

Как шпанистый, милый синеблужник,
Как его веселые дела?
За его стихи, письмо и блузу
Я бы очень много отдала.

Иванов – знакомый незнакомец
(Только две, почти случайных встречи),
Может быть, о Жене тоже вспомнит
И ответит ласковым словечком.

Ты, Арашин, «Заповедной ели»
Передай мой искренний привет.
Пусть сейчас замечена метелью,
Но она дождется лучших лет.

И Тарасов, хмурый и угрюмый,
Сбрось морщины с пасмурного лба,
Обо мне минуты две подумай
И к ответу строчечку прибавь.

Пильняку в кавычках и без оных
(Потому как шуба – не шути!)
Шлю поклонов низких миллионы,
Да и прочим всяким по пути.

Ты, Лизарский, сделай тоже «Пробу»,
Напиши мне пару теплых слов.
Я прошу от вас, друзья, немного:
«Будь готов!» – ответ «Всегда готов!»

ПРИМЕЧАНИЯ. Обращено к участникам литературной жизни Вологды середины 1920-х гг., членам группы «Борьба». Сама Е.Н. Студенецкая с 1926 г. жила в Ленинграде. *Борис* – Борис Сергеевич Непсин. *Костя* – Константин Иванович Коничев. «*Крокодил*» – московский сатирический журнал. *ЮС* – вероятно, популярный журнал «Юный строитель». *Уткин* – известный московский поэт Иосиф Павлович Уткин. *Пильняк* – литературный псевдоним известного прозаика Бориса Андреевича Вогау.

ИЗДАЛЕКА

Чем дальше –
Тем ближе,
И облик ясней.
Пусть вечер нанижет

Гирлянды огней,
Зеленых огней.
В зеленых трамваях,
В гудящих авто
Родимого края
Я вижу простор.
И город мой бедный –
Проспектов милей...
Пройду ли бесследно
Я в жизни твоей,
Бесследно пройду ли,
Иль сердце зажгу?
Но в гомоне улиц
Забывать не могу
Беспечность улыбок,
И россыпь речей,
И жгучую гибель
В усмешке твоей.
«Родная, не надо!
Не надо обид.
Я радостным взглядом,
Любимым, обвит».
Как прежде –
И снова
Ласкают слова,
И сердце готово
Любить... целовать...
В зеленых трамваях,
В гудящих авто –
Родимого края
Мне дорог простор.
Дороже и песен –
Они отзвоят, --
Но мир будет тесен,
Коль радостен взгляд.
По сумрачным плитам
Пройду я любя,
Коль эти граниты
Встречали тебя.

Чем дальше –
Тем ближе,
И облик ясней.
Пусть ветер нанижет
Гирлянды огней.
Я в сердце сумею
Привет сохранить.
И лаской повеет
Безмолвный гранит.

24. 12. 26 г.

ПРИМЕЧАНИЕ. ...город мой бедный – Вологда.

ЗВУЧАНИЕ

Любимый, ты слышишь, как тело мое
Упругой струною звучит.
С таким же упругим звучанием льет
Луна голубые лучи.

Таким же звучаньем ответит вода
На шепот нагнувшихся ив,
И тою же песнью ласкает звезда,
Ресницы к земле склонив.

Как скрипка, в молчании напряжен,
Готовый к звучанию, лес,
И знак лишь подаст человек-дирижер –
И весь запоеет оркестр.

Любимый, нам песни привычно слагать,
Поэту мелодия – жизнь.
Симфония ночи печально строга,
Ее ты с любовью свяжи.

И пусть человеческий голос звучит
И песня уносится вдаль.

Завторят тебе голубые лучи,
И звезды, и лес, и вода.

1927 г., Вологда

ПРИМЕЧАНИЕ. Адресовано Б.С. Непсину.

ГОРОД

Мой спокойный и сонный город,
Средь столичных кипучих дней
Ты мне как-то особенно дорог
И как будто бы стал родней.

И когда я порой приезжаю,
Словно гостя, в родные края,
Ты меня по-особому жалуешь
И не знаешь, как лучше принять.

И своими простыми афишами
Взять стараешься в плен глаза.
Только, знаешь, все это слышали
Мы в столице уж месяц назад.

И старуха, как ни напудрена,
Не заставит уже желать.
Покажи лучше то – немудрое,
Чем недавно я здесь жила.

Проведи по бульварам снежным,
Где мальчишки скользят по льду.
За прошедшим, любимым и нежным,
Я в сады и проулки пойду.

Ой, как много сирень эта знала,
Что уже не увидит вновь.
Истомилась она и завяла,
Как простая моя любовь.

Ну так что ж. По весне иная
Зацветет, чтобы так же отцвести...
Город мой! Я тебя вспоминаю,
О тебе дорога мне весть.

1927 г., Ленинград

ПРИМЕЧАНИЕ. Посвящено Вологде.

* * *

В наше время радости не ищут,
В наши годы ласки через край –
Подходи и вдоволь оживай,
И еще прольется много лишней.
Много сил потраченных в груди,
Не иссякла молодости чаша,
Но чтоб вечно было счастье,
Ты ко мне не часто заходи.
Говорят, что свет луны холодный
Даже лба не может охладить;
Мы для скучной жизни непригодны,
По-иному мы умеем жить.
Оттого и сердце как хмельное,
Золотом кудрява голова...
Мы во всем всегда находим новое –
Новые и мысли, и слова.
В жизни радость, как иную песню,
Допевать не надо до конца,
Ведь борьба во много раз чудесней,
Чем почет победного венца.

1927

* * *

Земля – как бархатный ковер,
И ноша всякая легка,

И хочется за сотни верст
Идти, пружиня на носках.

Идти с открытой головой,
Идти, плечами шевеля,
Идти с тобой, рука с рукой,
Навстречу стройным тополям.

Навстречу всем ветрам весны,
Сквозь зубы воздух жадно пить
И видеть ласковые сны,
Нежнее ковыля в степи.

Так девочка, на луже лед
Разбив упрямым каблуком,
Следит, куда струя течет
Веселым, мутным ручейком;

Так яблонь цвет, раскрыв уста,
Пьет предвечернюю росу;
Так пчелы, от трудов устав,
Все ж ношу сладкую несут.

Иду с тобой через поля,
Как в самых чистых детских снах,
Мне радостно, и знаю я –
Так начинается весна.

Так пухом белым тополя
Летят по воле всех стихий,
И чувствую и знаю я –
Так начинаются стихи.

Так, дрогнув, выдает меня
Моя надломленная бровь,
И не хочу, но знаю я –
Так начинается любовь.

Александр Яшин

О РЕКОНСТРУКЦИИ ЛЮДЕЙ

За окном опять грохочет город,
Утро рано начинает жить.
Я не встал, да и зачем так скоро? –
Некуда идти, о чем тужить?
Жесткая не взбитая подушка,
В комнате зевающая мгла,
И в углу – Бальзак, на стуле – Пушкин,
Свежий номер «Правды» у стола.
Я не встал еще, но – позвонили,
В дверь стучат... и вот ко мне... ко мне –
Мать моя... «Приехала? Да ты ли,
Дорогая? верить или нет?!
Славный день! Но... Раздевайся, что ли,
Да пальтишко-то снимай, снимай.
Как же так? Ведь первый раз... Легко ли:
Поезд, говоришь, а здесь трамвай?
Хорошо ли я живу?... Да что тут.
Я тебе, родная, расскажу:
Славную я взял себе работу –
Революции – стихом служу.
Помнишь ведь? Но, мать... Да ты устала?!
Хочешь есть? Ах, я сейчас, сейчас...»
Вскакиваю, сбросив одеяло,
Примус разжигаю, горячась.
«Знаешь, мать, готовить сам учусь я.
Вот кофейник. Пять минут – вскипел».
Гостью из родного захолустья
Удивить я примусом хотел.

Только мать спокойно, чуть сурово –
Я ее такую не видал –
Молвила, что это все не ново,
Это есть – не только в городах.
«Обожди минутку, бегать будет.
Я теперь не голодна ничуть...
Там, в столовой, – три хороших блюда.
Мы позавтракали. Не хочу!» –
«Вот так раз! Родная мать, но как же?
Не одна ты разве? Не одна?
Хорошо! Но, может быть, расскажешь –
Как живет там ваша сторона?
Дальняя дорога. Дома как-то?
Как вы там?» – «Живем, мой сын, живем.
На полях у нас, так значит, – трактор,
Трактором молотим, сеем, жнем».
Захотелось обласкать мамашу,
Подойти, прижать к своей груди,
Рассказать ей о победах наших,
Рассказать – что будет впереди.
Оживает сторона лесная,
Край преображается, а мать
Ничего, наверное, не знает,
Да и где ей – старенькой – узнать.
С малых лет копала в поле грядки –
Радостей немного в бедноте! –
Пять годов промаялась солдаткой,
За уши драла своих детей.
Проклинала, что пришлось родиться,
Но меня любила. Не забыть:
Выпарит, бывало, свежей вицей
И сама начнет со мною выть.
Что она хорошего видала?
И решил я старенькую мать,
Провести по северным увалам,
Ей победы наши показать.
«Поднимают зори музыканты.
Утром вслушайся в трамвайный звон!
А за городом лесогиганты

Башни труб вонзили в небосклон.
От Никольска на Великий Устюг,
До архангельских больших широт,
К Беломорью, к разливному устью
Молевым массивом лес идет.
Мягкий шум на новых, звонких рамах.
Лесовозы! Взбухшая Двина!»
Говорю, а старенькая мама
Словно бы и не удивлена.
«Не понятно! Весело лопочешь
И кричишь, неведомо зачем,
А о том, что биржи без рабочих,
Даже не обмолвился совсем.
Устья рек загружены плотами.
Выкатать весь лес – тут надо сил...»
Голубыми крупными цветами
Сарафан ее усеян был.
Робкая неловкая минута.
(Этот миг годами не забыть!)
Я молчал и вновь, очнувшись будто,
Стал, захлебываясь, говорить.
Тяжело ль восторгов веять ветры, –
Не замерзнут краски слов во рту –
Там же сотни тысяч кубометров
Могут до весны застыть в порту.
Затянуло взор стыдливой грустью...
Я отстал?!

.....

«Не хочешь ли – свожу
Завтра же тебя к Двинскому устью,
Корабли большие покажу?
С моря к нам приходят лесовозы.
Мы растем! – Ты все увидишь, мать,
И своим соседям из колхоза
Сможешь много, много рассказать».
На меня мамаша посмотрела:

«Вот что, сын! Слова, одни слова!
Я сама все это буду делать,
И твоя мне песня не нова». –
«Но оставим! Погостишь, родная,
Отдохнешь от тяжестей лихих.
Я поэт, а это уважают
И прекрасно платят за стихи.
Позабудь житейские тревоги.
Как я рад! Поверишь, как я рад!
Ты сейчас ложись, поспи с дороги,
Ну, а вечером... пойдём в театр».
Вдруг глаза заволокло туманом,
Мать моя нахмурилась, и вот
Встала, прошумела сарафаном,
Мне сухую руку подаёт.
«Ты не обижайся... Тороплюсь я...
Недосуг... Меня, поди-ко, ждут!
Пусть стара я, но ещё гожуся
На любой такой весёлый труд.
Посмотрел бы ты на наши взмахи!
Я не знала радостней поры.
У себя в колхозе “Красный пахарь”
Мы узнали, что в порту прорыв.
Порт – он наш, лес – тоже, – мы рубили...
Собрались, подумали – как быть?
А потом бригаду снарядили,
Чтобы здесь на биржах пособить.
С ними я! Ты, добрый сын, работай
И пиши, уж если нужен стих!
Мы одной охвачены заботой,
А приехала я не гостить!»
Мать ушла. Прикрылись плотно двери,
И шаги затихли за стеной.
Я чему-то не могу верить...
Но чему? Она была со мной!
И, слова ее перебирая,
Понял я, что вместе и везде

С реконструкцией лесного края –
Шла и реконструкция людей.

Вологда. 1932

ПАРТИЗАНЫ

(Поэма)

I

Поле
Окопами изрыто,
В воздухе свист и звон,
Втоптано копытами жито.
Это –
Фронт.

Ветра вой
И шрапнельные взрывы...
Каждая ветка в тайге дрожит.
Старые лачуги
Склонились у обрыва.
Люди и лачуги
Хотели жить.

И когда,
Сгибая серые спины,
С винтовками наперевес
Белые
Двигались к овинам, –
Люди убегали
В лес.

Бросил и он
Халупу свою,
Но пойман был
За ближней лужайкой...

И вот
Положили его на скамью
И выпороли
Нагайкой.

И когда
Поднялись из лесов обгорелых
Тысячи бойцов
За хлеб
И мир, –
Эти отряды
Двинул на белых
Он –
Партизан
Командир.

II

Молоды и розовы
У костра,
Стыли за березами
Вечера.

Прямо за околицей
Глушь – тайга.
Есть где нашим молодцам
Залегать.

От своих насиженных
Старых мест
Тысячи обиженных
Вышли в лес.

Просеками, тропами –
Кое-как –
Прибрели, притопали
В буерак.

III

В небе, ночью, ясные
Тучки шли,
Звезды, словно красные
Патрули.
А за огородами,
Все смелей,
Банды колобродили
На селе.

Грохотали выстрелы
Под окном.
Путь телами выслан был
В каждой дом.

Где-то ржали лошади
В ночь, в простор.
На широкой площади
Свет, костер.

Песенка не новая:
– Нет ли баб?
– А!
Чернобровая?!
Тащи в штаб!

* * *

Горенка бела, чиста
У попа.
Для сынов отечества –
Свет лампад.

За столом, за винами –
Полный сбор.
Перезвон малиновый
Светлых шпор.

– Старое не отдано
На погост!..
За святую родину
Пили тост.

«Свистни, нагайка,
В ясный день!»
Пела балалайка:
– Дзинь-дзинь-
Дзень.

* * *

Стаканчики, погончики,
Вино – приют.
Зеленые вагончики
В глазах плывут.

IV

Спокоен, приветлив
Исхоженный бор.
Смолистые ветви
Скрывают дозор.

И ели на волок
Из темных лощин
Глядят частоколом
Безмолвных вершин.

С зеленой поляны,
Нырря во тьму,
Идут партизаны
К селу своему.

V

Напряженно зубы сжав,
Силе рад,

Васька первый выбежал,
В первый ряд,
Вспомнил, как униженный,
Бос и гол,
Из родимой хижины
Он ушел.

Вспомнил, как нагайкою
Спину жгли,
Жену-молодайку
В ров свели.

Выкрикнул озлобленный:
– Отомстить!
Ружей нет – оглоблями
Будем бить!

– Выше!
Выше! слышите?!
Выше штык!
Впереди над крышами
Пьяный гик.

Партизаны двигались
Вдоль межи,
Хоронясь за ригами,
В скирдах ржи.
– Тише,
Тише,
Слышите?
Мягче шаг.

Что ж вы шумно дышите?
Не дышать!

Серыми заборами
Встала мгла.

* * *

Щелкнули затворами
Из-за угла.
И вперед
С берданами,
Напролом –
Ворвались неожиданными
В каждый дом.

* * *

Выстрелы.
Крики.
Порох.
Газ.
У неба вытек
Лунный глаз.

В обрыв под мостик
Тропа короче.
Хрустели кости
У черной ночи.

А вдоль дороги –
Глухие звуки,
И чьи-то ноги,
И чьи-то руки,

И чьи-то стоны
В крапиве стынут,
Легли погоны
К сырому тыну...

– Стой!!!
Васька наклонился у ограды,
Выпрямился, застонав:
Голая,
Измятая прикладом,
У ворот лежит его жена.

Сгрудились,
Застыли партизаны.
Васька поднял мутные глаза.
В каждом сердце
Задымились раны,
Каждый думал
Об одном сказать:

– В штаб, ребята!

Лязгнули винтовки.
Ненависть вскипела до конца.
С волчьей
Таежною сноровкой
Крались у поповского крыльца.

Растянулись цепью вдоль забора.

В комнате звенел
Последний смех.

Хлопнули по окнам
И:
– Без разговора!!!
Руки вверх!

* * *

Стаканчики граненые
Упали со стола...

VI

Затихли ветры стужены,
Сухая ночь легла.
Эх, весело за ужином
У общего котла!

Дорог и троп исхожено –
Не вымерять, не счесть.
И вот –
Берданы сложены,
И можно вокруг присесть.

В холодный день,
В тяжелый час –
Дрожать, робеть не нам.
Была одна семья у нас,
И ненависть одна.

Винтовки в дебрях гукали,
Мы жизнь несли вперед.
И чавкали и хлюпали
Уключины болот.

Теперь поля разбужены
И даль светла, светла...
Эх, весело за ужином
У общего котла!

VII

Дни всему изменяют лицо.
Этот бор,
Эти рвы, буераки
Укрывали недавно бойцов
От огня офицерской атаки.

Здесь недавно горели костры,
Обучались стрельбе партизаны,
А теперь вот
Стучат топоры,
Вырубаются спешно
Деляны.

Бор зеленый!
Пушистая тень,
В соснах дымчатых
Кроется ветер!
Знал ли ты,
Что в углах деревень
Будут сломаны
Старые клетки?

.....
.....
.....
.....

Под топором
И напором ветров
Стонет глухая тайга.
Ложатся за тысячами тракторов
Миллионы вспаханных га.

Там, где в поле
Поперек межи
Падали груды тел, –
Вырастают новые этажи –
Корпуса
Большевистских дел.

Молниеносна,
Напориста жизнь! –
Ударным трудом
Круша лихолетье,
Двинулись миллионы в социализм
Шагами
Больших пятилетий.

*1931–1932 гг.
Чибсара – Вологда*

ИСТОЧНИКИ ПУБЛИКАЦИИ

Задоницина (Кирилло-Белозерский список) // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. – М.; Л., 1966.

Шаховской С.

Молитва преподобному Димитрию, вологодickому чудотворцу. Молитва против разлучения супружества // Вишневая поэзия: Первая половина XVII века / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и комментарии В.К. Былинина и А.А. Илюшина. – М., 1989.

Акундинов Т.

Декларация Московскому посольству // Вишневая поэзия: Первая половина XVII века / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и комментарии В.К. Былинина и А.А. Илюшина. – М., 1989.

Неизвестный автор

Самородные стихи // Судаков Г.В. О нашем, о русском: Мир русского человека в зеркале русского языка. – Вологда, 2006.

Засодимский М.

Епистола господину кавалергарду его благородию Роману Владимировичу Ломану, 1775 года, июля 10 дня, в бытность его в Вологде курьером // Вологодские епархиальные ведомости. – 1866 (прибавления). – № 14.

Неизвестный автор

На открытие театра. На открытие ж и первую оперу // Лазарчук Р.М. Литературная и театральная Вологда 1770–1780-х годов. – Вологда, 1999.

Брянчанинов А.

Ода. «Приятностию то в глазах наших блистает...» // Лазарчук Р.М. Литературная и театральная Вологда 1770–1780-х годов. – Вологда, 1999.

Олешев А.

Хвала Богу. Обращение к человеку // Олешев А. Вождь к истинному благоразумию и к совершенному счастью человеческому, или Отборные о сих материях мысли славнейших в свете писателей: г. Шпалдинга, дю Мулина и Юнга, которые на российский язык перевел с приобщением собственных полезных мыслей в прозе и стихах вологодский помещик, действительный статский советник и Санкт-Петербургского вольного экономического общества член Алексей Васильевич Олешев. – СПб., 1780.

Муравьев М.

Суд Момов: К М.А. Засодимскому. Сельская жизнь: К Афанасию Матвеевичу Брянчанинову. Путешествие. Эклога к его превосходительству Алексею Васильевичу Олешеву. Письмо к А.М. Брянчанинову на смерть супруги его Елисаветы Павловны. Ода вторая: К А.М. Брянчанинову // Муравьев М.Н. Стихотворения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч Л.И. Кулаковой. – Л., 1967.

Ильинский Н.

Ода «Время». – Б. м., б. г.; *Мысли о человеке.* – Б. м., б. г.

Брянчанинов Ф.

Хочу // Семейный альбом Брянчаниновых. – Вологодская государственная областная научная библиотека, № 105 008.

Евгений (Болховитинов)

Три стихотворения о жизни, счастье и смерти // Прибавления к «Вологодским епархиальным ведомостям». – 1866. – № 15; *Два канта* // Прибавления к «Вологодским епархиальным ведомостям». – 1869. – № 12.

Заварин М.

Канты на Рождество Христово: «Радость, радость...» // Прибавления к «Вологодским епархиальным ведомостям». – 1869. – № 1; *«Что торжествуют...»*. *«Громко жители эфиры...»* // Прибавления к «Вологодским епархиальным ведомостям». – 1881. – № 24.

Пятилин Д.

Ода по случаю необыкновенного наводнения в г. Устюге от весеннего разлития р. Сухоны в 1817 г. // Прибавления к «Вологодским епархиальным ведомостям». – 1875. – № 15; *Ода г. Устюгу на избавление его от истребления каменно-огненной тучей в XIII столетии по молитвам святого праведного Прокопия, устюжского чудотворца* // Там же.

Неизвестный автор

Сверлюк Стерлюк Харахорович // Сверлюк. Стихотворная повесть. XIX в. (нач.). Рукопись: Вологодский областной краеведческий музей (Инв. № 27415).

Остолопов Н.

Упреки Аполлону. Бедная Дуня. Зяблик. Львы и Осел. «Не бушуйте, ветры буйные...». Благодарный Амур. К приятелю в столицу. Светящийся Червячок и Алмаз // Поэты-радищевцы / Вступ. ст., биографич. справки, сост. и подгот. текста П.А. Орлова; примеч. П.А. Орлова и Г.А. Лихоткина. – Л.,

1979; *Открытие в любви духовного человека* // Поэты 1790–1810-х годов / Вступ. ст. и сост. Ю.М. Лотмана, подгот. текста М.Г. Альтшуллера; вступ. заметки, биогр. справки и примеч. М.Г. Альтшуллера и Ю.М. Лотмана. – Л., 1971; *Дитя и бртва. Осторожный слепец* // Русская басня XVIII–XIX веков / Вступ. ст. Н.Л. Степанова; сост., подгот. текста и примеч. В.П. Степанова и Н.Л. Степанова; биогр. справки В.П. Степанова. – Л., 1977.

Батюшков К.

Вакханка. Элизий. Мои пенаты. Разлука («Гусар, на саблю опираясь...»). Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года. Тень друга. Надежда. Таврида. Беседка муз. «Есть наслаждение и в дикости лесов...». Подражания древним // Батюшков К.Н. Сочинения: В двух томах / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и комментарии В.А. Кошелева. – Т. 1. – М., 1989.

Межаков П.

*Виноват. Оправдание. К Кате. Солома. Возвращение на родину. Н***Н***. Бессмертие. К лире* // Межаков П. Стихотворения. – СПб., 1828; *Мотылек* // Французская элегия XVIII–XIX вв. в переводах поэтов пушкинской поры / Сост. В.Э. Вацуру. – М., 1989.

Крылов А.

Разлука. Недоверчивость. Весна. Истребленная роща. Могила персидского поэта. К клену // Французская элегия XVIII–XIX вв. в переводах поэтов пушкинской поры / Сост. В.Э. Вацуру. – М., 1989; *К Кюхельбекеру. К Плетневу. Вакхические поэты* // Поэты 1820–1830-х годов. – Т. 1 / Вступ. ст. Л.Я. Гинзбург, биогр. справки и примеч. В.Э. Вацуру – Л., 1972.

Коншин Н.

Баратынскому («Куда девался мой поэт?»). Три времени. Прошедшее. Поход. Кому-нибудь (Посвящено сестре). Финляндия. Баратынскому («Напрасно я, друг милый мой...»). Ария. Запад. Жалобы на П<етер>бург. Первая поездка к вам. Воспоминание. Ворон. Путешественник. Пристав дома сумасшедших к посетительнице // Поэты 1820–1830-х годов. – Т. 1. / Вступ. ст. и общ. ред Л.Я. Гинзбург. Биогр. справки, сост., подг. текста и примеч В.Э. Вацуру. – Л., 1972.

Волков П.

Признание на тридцатом году жизни: Повесть в стихах. – М., 1828; *Memento mori!* // Библиотека для чтения. – 1841. – Т. 46; *Сани, дрожки и дуга* // Вологодские губернские ведомости (Часть неофициальная). – 1847. – № 17.

Анаевский А.

Павлин и Журавль // Анаевский А. Экзальтация и 9 муз. – Вологда, 1862.

Игнатий (Брянчанинов)

Убили сердце. Жалоба. К земному страннику. Совет душе моей // Святитель Игнатий Брянчанинов. Странник / Духовный ред. серии Г. Беловолов. – М.; СПб., 1998.

Иннокентий (Борисов)

Не унывай // Прибавления к «Вологодским епархиальным ведомостям». – 1888. – № 16.

Соколовский В.

Мироздание // Русские поэты XIX века / Сост. Н.М. Гайденков. – М., 1958; На освящение церкви при Вологодской губернской гимназии // Пятидесятилетний юбилей церкви при Вологодской губернской гимназии. 28 ноября 1837–1887 г. – Вологда, 1887; Ксенофонт Александрович Еремееву // Автограф на форзаце кн.: Соколовский В. Хеверь: Драматическая поэма: В трех частях. – СПб., 1837 (хранится в Вологодской областной универсальной научной библиотеке); Молодица. Ответ В. Д. М<акшее>вой. К деве-поэту М<акшее>вой. К поэту М<акшее>вой. Смерть Бессмертного. Лестница спасения. Божественная ноша // Соколовский В. «Ни разу счастьем я не был упоен...» / Сост. и исслед. В.Н. Кравченко, предисл. И.В. Маркелова. – Ставрополь, 2001.

Красов В.

Куликово поле. Чаша. Песня. Возврат. Дума. Облако. Ave Maria. Бабушка. Метель. Воспоминание. Романс Печорина // Красов В.И. Сочинения / Сост., подгот. текста, вступит. статья и примеч. В.В. Гуры. – Архангельск, 1982; Молитва // Телескоп. – 1835. – № 26.

Вунч Н.

Лучшая доля // Отечественные записки. – 1841. – № 19; На смерть А.С. Пушкина // Галатея. – 1839. – № 44; Две поры // Галатея. – 1839. – № 8; Певец // Галатея. – 1839. – № 33; Дума // Отечественные записки. – 1840. – Т. 13; Ревность. Сонет // Отечественные записки. – 1840. – Т. 11.

Иваницкий Н.И.

Бородино // Маяк. – 1842. – Т. 2. – № 3; Киев // Прибавления к «Журналу Министерства народного просвещения» на 1844 год. – СПб., 1844; Кант на посещение Вологодской гимназии преосвященным Иннокентием // Фортунатов Ф. Заметки и дополнения вологжанина к статье об А.П. Мельгунове //

Русский архив. – 1865. – № 12; *Весна* // Маяк. – 1842. – Т. 4. – Кн. 8; *Падучая звезда* // Маяк. – 1843. – Т. 7. – Кн. 14; *Четыре века* // Маяк. – 1843. – Т. 9. – Кн. 17; *Кедры в Богородском* // Вологодские губернские ведомости (Часть неофициальная). – 1844. – № 2.

Макшеева В.

Поэту // Одесский альманах на 1839 год. – Одесса, 1838; *Скажи* // Галатей. – 1839. – № 8; *Утешение матери* // Галатей. – 1839. – № 18; *Прошедшее* // Галатей. – 1839. – № 29; *Всегда я любила* // Одесский альманах на 1839 год. – Одесса, 1838; *К сердцу. Мечта* // Библиотека для чтения. – 1839. – Т. 32; *Мое горе* // Галатей. – 1840. – № 7; *Русская песня* // Маяк. – 1840. – Ч. 5; *Думы поэта* // Маяк. – 1840. – Ч. 4; *На смерть Н. И. Навашина* // Маяк. – 1841. – Ч. 15; *Новоозерский монастырь* // Москвитянин. – 1842. – Ч. 38.

Вахрушев Ф.

Гусар: Повесть в стихах. – М., 1846.

Волков Ю.

Поэт. Падшей // Библиотека для чтения. – 1847. – Т. 83; *«Дымная хата и лес...»* // Вологодские губернские ведомости (Часть неофициальная). – 1854. – № 34; *Три картины* // Вологодские губернские ведомости (Часть неофициальная). – 1854. – № 9; *«Над землей, подернутой туманом...»*. *«В минуты душевной тревоги...»* // Вологодские губернские ведомости (Часть неофициальная). – 1855. – № 2.

Герасимов А.

Пожар Москвы // Прибавления к «Журналу Министерства народного просвещения» на 1844 год. – СПб., 1844.

Царевский

Сухона // Прибавления к «Журналу Министерства народного просвещения» на 1844 год. – СПб., 1844.

Образцов В.

Няня // Журнал Министерства народного просвещения. – 1851. – Ч. 70.

Левашов Н.

Минин и Пожарский // Вологодские губернские ведомости (Часть неофициальная). – 1853. – № 12.

Сиротин В.

Вечер // Государственный архив Вологодской области, ф. 4389, оп. 1, № 370; *Исповедь. Улица, улица... Питейный. Ливанские кедры. Летний ве-*

чер (публикация А.А. Каленистова) // Вологда: Краеведческий альманах. – Вып. 3. – Вологда, 2000.

Куратов И.

Коми язык. Деревенская девушка городскому барину. «Ах ты, милая, моя куколка!» Тьма. Слепой старик. «Раз тоска меня взяла...». «Материю, Природу себе я мыслю так...». Поминки у древних коми. Брату // Куратов И.А. Ой, жизнь ты, жизнь: Стихотворения, поэмы. – Сыктывкар, 1999.

Берг Ф.

«Под серой тучей город мой...» // Время. – 1862. – № 5; В поле. Из В. Гюго // Время. – 1862. – № 9; Смерть. «И плеск, и блеск речной волны...» // Время. – 1862. – № 10; Зайка // Врмя. – 1862. – № 12; Из стихотворения «В тюрьме». Птицы // Время. – 1863. – № 1; Грезы и песни // Время. – 1863. – № 3; Загадка. Солдатики // Современник. – 1863. – № 5; Особая грамматика. – Современник. – 1863. – № 7.

Историков Г.

Грязовец. Сидел я на крыше // Сборник литературный XX в. (30-е годы). Рукопись. Вологодский областной краеведческий музей. Инв. № 27391.

Кун А.

Благовещение. Переложение 7 главы послания св. апостола Павла к римлянам // Еще смесь: Собрание стихотворений Нового поэта 2-го. – Вологда, 1870; 23 мая 1872 года. Ария кокетки // Кун А. Еще смесь. – Вып. 2. – Вологда, 1872; К Н. П. Б. «Беда всем нам от баб: они нас допекают...» // Кун А. Стихотворения: 1873 – 1876. – Вологда, 1878.

Лавров М.

Певцу. Рассвет. Вдали. Зимой. Крестьянской женищине. Моей собаке. Пророк. Завет отца. «За мир приявший смерть, Безгрешный...». Перед памятником М. С. Щепкина. На тяге. На родине // Лавров М.И. Сочинения. – М., 1889.

Засодимский П.

Писк комара. Свиданье. Было – прошло. Бабочка и дитя. Напоминание // Иллюстрированная газета. – 1867. – №№ 29 (27 июля), 30 (3 августа), 31 (10 августа), 36 (14 сентября), 37 (21 сентября); Ночью: В Петербурге. Привет // Вологодский край. – Вып. 3. – Вологда, 1962; На могиле Лермонтова // Красный Север. – 1964. – 5 ноября. – № 261.

Гусев В.

Крестьянин-бедняк. Песня дровосека. Нива. Дума арестанта // Гусев В.Г. Жизнь и песни за сохой. – Вологда, 1877; *Всадник* // Новые песни Вячеслава Гусева. – Вологда, 1876.

Неизвестный автор.

Складчина Трудилович. Сказка. – Вологда, 1877.

Всесвятский Д.

Посвящение. Беседа. Брак. Ворожба // Всесвятский Д. Посылки из деревни. – Вологда, 1881; *«Беда родит примету...». Из жизни парнишка. «Ленив со злом вступить ты в битву...». Портной* // Всесвятский Д. Посылки из деревни. – Вологда, 1885; *Причеты. На пчельнике* // Всесвятский Д. Посылки из деревни. – Вологда, 1888.

Соколов В.

Горемычная. Поселок. Ночная дума // Первые звуки. Стихотворения крестьянина В. Соколова 1881 года. – Череповец, 1882.

Бунаков Н.

Самодержавие // Вологодские губернские ведомости. – Часть неофициальная. – 1854. – № 19; *Литургия. Из Гейне. Падший ангел. Приход зимы. Альпийский рожок. В храме. Имениннику-товарищу. Первый псалом царя Давида. Тринадцатый псалом царя Давида. Девяносто третий псалом царя Давида. Сто третий псалом царя Давида* // Бунаков Н.Ф. Записки. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной: 1837 – 1905. – СПб., 1909.

Иваницкий Н.А.

Родная долина (опубл. без названия: Вологодский листок. – 1912. – № 345); *«В окна застывшие смотрит угрюмая...»* (опубл. с разночтениями: Дело. – 1871. – № 6); *Мороз, и мрак, и тишина; Ты говоришь: “Как пленный лев...”* (опубл. без посвящения с некоторыми разночтениями: Север. – Кн. 2. – Вологда, 1923); *Песня нищего. Степной огонек* (опубл. с некоторыми разночтениями: Светоч и Дневник писателя. – 1910. – Март); *Отрывок* (опубл.: Вологодский листок. – 1912. – № 365); *На Сухоне* (опубл. с разночтениями: Дневник писателя. – 1908. – Май – июнь); *Полдень* (опубл. с разночтениями: Детский отдых. – 1889. – № 4); *На Печоре* (опубл. с разночтениями: Русский курьер. – 1888. – № 279); *«Слезы горячие, слезы святые твои...»* (опубл.: Русский паломник. – 1897. – № 6); *На берегу Кубенского озера. Вечерний колокол* (опубл. с разночтениями: Русский паломник. – 1897. – № 5) // Стихотворения Н.А. Иваницкого. – Кадников, 1888 (Авторская рукопись. Вологодский государственный музей. 33497); *«Бедняк в изгнание умирал...»* // Дело. –

1871. – № 6; *Из Эйхендорфа, Из Мура* // Дневник писателя. – 1908. – Январь; *Из Рюккерта* // Светоч и Дневник писателя. – 1910. – Октябрь; *В дороге* // Вологодский листок. – 1913. – 17 января. – № 497, 20 января. – № 498; *Из Гейне* // Север. – Кн. 2. – Вологда, 1923; *По прочтении Я. П. Полонского. «Минутный призрак – жизнь земная». «Любимый уголок страны моей родной...»* // Новиков Н.В. Н.А. Иваницкий и его фольклорное собрание (В кн.: Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н.А. Иваницким в Вологодской губернии. – Вологда, 1960).

Саблин Н.

Голуби. Недоразумение. Новь // Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков / Вступит. ст., сост., вступ. заметки, подг. текста и примеч. С.А. Рейсера. – Л., 1988.

Савинов Ф.

Вера. Сила молитвы. Cantilena juventutis. Хлеба и зрелищ!.. Из «Песен другу». Мы... Памяти А. С. Грибоедова. Из цикла «В тихие ночи». Из цикла «На мотив Гейне». Жизнь. Родное. Картинки старины // Савинов Ф. Стихотворения. – 2-е, доп. издание. – М., 1900.

Святский Н.

Из воспоминаний. Спешка. Осень в деревне. Две картинки. Песня («Где ты, милая...»). Песня («Без поры-то, безо времечка...»). За замком. С глазу. Смерть Пахома. На могиле друга. У колыбели. Поэту. Сомнение // Святский Н. Отзвуки души. – СПб., 1893; *Рассуждение* // Святский Н. Искорки. – СПб., 1900.

Брянчанинов А.

Белая уточка. Знахарь // Брянчанинов А. Русские народные сказки в стихах. – Изд. 2-е. – СПб., 1895; *Дмитрий Бранской и племянники короля Лимбала* // Брянчанинов А. Старины и былины Печорского края: В стихах. – Харьков, 1911.

Круглов А.

Старый рыболов. На родине. «Я прожил всю весну на юге благодатном...». «Лукаво выданный Своим учеником...». Космополиту. Поэзия. Ответ. В кабаке. «Сын любит мать свою; но, ласки расточая...». Первая любовь. Памяти Лермонтова. «Для слова смерти нет... Давно, в начале лета...». Молитва. Слово // Круглов А.В. Стихотворения. – Изд. 2-е. – М., 1903; *«Не сдерживай горячей укоризны...»* // Дневник писателя. – 1908. – Октябрь; *Воскресение* // Дневник писателя. – 1909. – Апрель; *«Затворившись в тесной келье...»* // Светоч и Дневник писателя. – 1910. – Октябрь.

Киснемский С.

Богатство бедняка // Русское богатство. – 1885. – № 9; Мое вдохновение. «Где ты спрячешься...». Осень. Русская. Муки поэта. «Как много тайных, горьких дум...». На новый 1899-й год. «Я доживаю век под игом...». Рождественская ночь. «Лежит Он в яслях, тих, прекрасен...» // Киснемский С. Стихотворения. – СПб., 1902.

Вересов П.

Казенный медведь. Тризна. Камо грядеши? // Отклики народного учителя и его досуги. – 1907. – №№ 5 – 6, 9, 12; Сила молитвы. Петушок. Яблоны // Вересов П. Сказки, басни и другие стихотворения. – Вологда, 1908.

Кичин В.

Кто счастлив? // Церковное слово (Приложение к «Вологодским епархиальным ведомостям»). – 1908. – № 110.

Касаткин С.

Июньская ночь. Ноябрь. Весна. «К чему напрасно утверждать...». «Времена бывают круты...». «Жду тебя, жду... Уж в аллеях стемнело...». «В несчастье будь спокоен, нем...». «Все покупать и продавать...». «Противоречия меня не удивляют...». «Да, поэзия нынче в загоне...». «Согласен: я провинциал...». На пороге XX столетия. Первый камень. Заповеди блаженства. Ночные голоса. «Он в жертву все тебе принес...» // Касаткин С. Omnia vincit amor...: Стихотворения 1880–1899. – СПб., 1900.

Образцов С.

Обрезанная березка. Мирящая вода. Война с малиной. Исполнение желаний. Белка на высоте. Неудачный выбор. Обед без салфеток. Медведь и лось. Рассудливый жеребчик. Рыбка на просторе. Своевольный звонарь. Самопривный слуга. Молодой горох. Почетный труд. Нескромность котят. Дальновидный политик. Волнение и покой // Образцов С. Басни. – Великий Устюг, 1899.

Волгин И. (Юлий Zubov)

На Юг! // Волгин И. На Юг! – СПб., 1890.

Зубов В.

Мечты о Севере. Осень. Вериги. «Теплый вечер, плес широкий...». «Лес посеребренный – словно очарован...». Литературные пародии. «Старые липы, аллея тенистая...». Послание из Кубина Бора. «Он говорил нам музыкальной речью...». «Сверкает запад в час заката...». На бале. «Эту полночь, эти тени...». «Неизведанные ласки...». Сафо. Муза. Там на дне... «Очи звезд мерцают так пугливо...». Лоре. Чаша слез. Загробное послание от Г. Гейне

// Машинописная копия стихов из архива родственников поэта, хранящаяся в Вологодской областной универсальной научной библиотеке.

Обнорский П.

Из «Переложений Воскресных Евангелий, читаемых на литургии» // Обнорский П. Переложения Воскресных Евангелий, читаемых на литургии. – Вологда, 1891.

Соловьев Н.

Святой мученик Трифон. – Вологда, 1891; *На могиле К. Н. Батюшкова* // Вологодские губернские ведомости (Часть неофициальная). – 1899. – 3 октября. – № 212.

Таисия (игуменья Леушинская)

Мой крест. «Житейское море воздвигаемое зря... к тихому пристанищу притек, воию ти...». «Наставниче! добро нам zde бытии...». Молитва 2. Молитва 4. Пред чудотворною иконой Богоматери в Казанском соборе. Пустыня. Впечатления при рассматривании планов проектируемого соборного храма Леушинского монастыря в 1887-м году. Дорогие минуты. В полночный час. Летние ночи на Севере. Первые весенние птички. На гробе страдальца. Где спасение? // Игуменья Таисия Леушинская. Полное собрание духовных стихотворений. – 7-е издание. – СПб., 2002.

Образцова А.

Стихотворение на четвертый выпуск воспитанниц Вологодского епархиального училища в 1896 году // Прибавления к «Вологодским епархиальным ведомостям». – 1896. – № 14.

Клепиков К.

Рождество Христово и поклонение пастырей. Прение о вере св. Стефана Пермского с кудесником // Прибавления к «Вологодским епархиальным ведомостям» (Часть неофициальная). – 1897. – № 1; 1896. – № 10.

Непешин С.

Перед Страстной // Странник. – 1901; *Новый год* // Вологодский справочный листок. – 1911. – 1 января. – № 181; *Весною* // Вологодский листок. – 1911. – 1 мая. – № 231.

Дорогин Н.

Спор. Деревенский праздник. Бурлаки // Государственный архив Вологодской области, ф. 4389, оп. 1, № 369; *Песня. «О чем шумят березы...». Рыбаки. У пристани* // Государственный архив Вологодской области, ф. 4389,

оп. 1, № 337; «Ох, какое время...» // Вологодские губернские ведомости. – Часть неофициальная. – 1899. – № 223.

Чернобаев Е.

Памяти М.Ю. Лермонтова. «Когда я с пыткой сомненья...» // Вологжанин: Литературно-научный сборник / Издание П. Дилакторского. – Вологда, 1895; *Последний сон* // Русское богатство. – 1903. – № 3; *Моя песня. Страшный суд. В море. «Осень веет мертвым сном...». Зима. Накануне. «Дай мне красок и звуков, весна!». Утро. Гроза. На закате. Лунной ночью. В лесу. В вишневом саду. Печаль небес. Майское эхо. «Пчелки, пчелки золотые!». Солнце* // Чернобаев Е. Стихи. – СПб., 1907.

Швецов М.

«Раз снилось мне: я был у океана...» // Вологжанин: Литературно-научный сборник / Издание П. Дилакторского. – Вологда, 1895; *На Новый год. Сны. Поэзия. Уныние. Из А. Шенье. Экзамен* // Швецов М. Экзамен: Драматическое стихотворение. Лирические стихотворения. – Вологда, 1912; *Памяти П. В. Засодимского* // Вологодский листок. – 1913. – 5 мая. – № 542 (прибавление); *Из цикла «Думы»: I. Избранники* // Вологодский листок. – 1913. – 7 июля. – № 569; *II. Умершие* // Вологодский листок. – 1913. – 16 июля. – № 573; *VI. Похоть* // Вологодский листок. – 1913. – 18 августа. – № 587. *«И та же ночь, и то же небо...»* // Вологодский листок. – 1913. – 25 декабря. – № 692.

Гиляровский В.

«Мне надоел столичный шум...». Осенний ветер. Зима в деревне. Вестники весны. Перед бурей. Опять на родине. Прометей. Кузьма Орел. Владимирка – большая дорога. На Севере. Поклон Дону. Завет // Гиляровский В. Забытая тетрадь. – М., 1894.

Малышев Н.

Вологда // Церковное слово (Приложение к «Вологодским епархиальным ведомостям»). – 1907. – № 51.

Жаков К.

Биармия (фрагменты из поэмы) // Жаков К. Ф. Биармия: Коми литературный эпос. – Сыктывкар, 1993.

Клюев Н.

«Я был прекрасен и крылат...». «Спят косогор и река...». Старуха. «Прохожу ночной деревней...». «Радость видеть первый стог...». «Ворон грядет к теплу, а сорока – к гостям...». «Не в смерть, а в жизнь введи меня...». «Обозвал тишину глухоманью...». «Судьба-старуха нижест дни...».

Слезный плат. «Звук ангелу собрат, бесплотному лучу...». «Уму – республика, а сердцу – Матерь-Русь». «По жизни радуйтесь со мной...». «Кому бы сказку рассказать...» // Клюев Н.А. Сердце единорога: Стихотворения и поэмы. – СПб., 1999.

Сорокин П.

Паладин далекого Востока // Эхо. – 1913. – 23 августа; Под шум осеннего ветра // Эхо. – 1913. – 8 сентября; Песни мои. «Мне не хочется больше читать...» // Эхо. – 1913. – 14 сентября; Не знаю я... // Эхо. – 1913. – 25 сентября; Кубок // Эхо. – 1913. – 8 ноября.

Северянин И.

Роса оранжевого часа (Фрагменты) // Северянин И. Стихотворения. Поэмы. – Архангельск, 1988.

Попов Е.

Яблони цветут. «Еще июль, а дни и вечера свежи...». Летний дождь // Живые цветы. – Череповец, 1995; «Выйди в поле в ликующий солнечный день...». «Мои мечты тихи и умиленны...». В эти дни. «Стучи, мой испытанный посох» // Череповец: Красведческий альманах. – Вып. 1. – Вологда, 1996.

Пугачев А.

Вологда (Из обывательской хрестоматии) // Северное эхо. – 1913. – 24 марта; Благовест // Эхо. – 1913. – 31 июля; Ива // Эхо. – 1913. – 14 августа; Раб ленивый // Эхо. – 1913. – 15 августа; Кумушки (Вологодским сплетницам) // Эхо. – 1913. – 14 сентября; Вербка // Эхо. – 1914. – 30 марта; Всем, всем, всем // Красный Север. – 1925. – 25 января; Дети улицы // Красный Север. – 1926. – 31 января.

Ганин А.

«Был мрак и тишина. Но ангел вдруг явился...» // Эхо. – 1913. – 25 декабря; «Звездной сказкою, грезой обманчивой...» // Эхо. – 1914. – 12 марта; «Не торопи свиданья час...» // Красный Север. – 1922. – 7 ноября; «Где в лесные купели-затоны...». «Спустился ангел смуглолицый...». «Гору скорби день взвалил на плечи...». «Отгони свои думы лукавые...». «Взманила мечтами дорога...». «Она придет, неведом час...». «Ушла слепая ночь, а день еще в далеком...». Памяти деда. «Заря в грозе. Помедли, путник смелый» // «К тебе пришел я, край родимый...»: Книга о судьбе и творческом наследии Алексея Ганина. – Вологда, 2005.

Ерзовский Н.

Весна. Вечер на реке. Ночью. В тумане. Осень. «Плакало небо о лете минувшем...». Лес зимою. «Сегодня справляем торжественный день...». Плач Ярославны. Молитва гимназистки. Марсельеза гимназистов // Ерзовский Н. Стихи и песни. – Великий Устюг, 1917.

Евдокимов И.

На Невском. В портерной. Бессонница. Сердце. Спасо-Каменный монастырь. Вера. Фарфоровая тарелка. Две строфы // Евдокимов И. Городские смены: Стихи. – СПб., 1913.

Стрибожич С.

Посвящение. Северное. Неключимое. Канун осени. Языческое. Кикимора. Солнечь. Невозвратное. Бытовое. Героическое // Стрибожич С. Рябины гроздья: Стихи. – Вологда, 1916; Белоризцы // Сказины поминальные: Стихи. – Вологда, 1917; «Мутнеет лес. Лепечет ветер сонный...» // Стрибожич С. Предгрозы: Стихи. – Вологда, 1924; «Лиловыми злоеющими цветами...». «Напились Парки допьяна кровавого вина...». «Ты пляши, пляши, протезная нога!» // Стрибожич С. Былая бойня: Стихи 1916 года. – Вологда, 1925; «Я вернулся домой пред рассветом...». «Влюбленный в высокие сосны...». «Я все боюсь. И сам чего – не знаю!». «На опушке покинутой рощи...» // Стрибожич С. Любовь и смерть: Стихи. – Вологда, 1927.

Кедровский И.

Завод. Я навеки твоя. «Как тяжело смотреть на увядающие розы!». «Густой туман окутал в саван ивы...». Камера № 18. «Звездочки ясные – ивы плакучие...». «Ночь. Таинственно смотрится с неба луна...». Это было весною // Кедровский И. Весенние звоны: Стихи. – Вологда, 1922.

Марков И.

Спешат // Красный Север. – 1919. – 17 июня; *Сдавай оружие!* // Красный Север. – 1919. – 20 июля; *Эхо* // Красный Север. – 1919. – 25 июля; *Перед атакой* // Красный Север. – 1920. – 3 февраля; *Идут исполины* // Красный Север. – 1920. – 13 февраля; *Кто не умирает? (Осенняя элегия)* // Красный Север. – 1921. – 19 февраля.

Булатов И.

Комсомол. Приказ пришел // Булатов И. Я пою: Стихи. – Вологда, 1922; *Анюта. Ночь. Северное* // Булатов И. Алые струны: Стихи. – Вологда, 1923; *Мои мотивы. «Белый, белый снег из крыльев...»* // Булатов И. Пламень: Стихи. – Вологда, 1924.

Пестюхин А.

Поэтам «Борьбы». В пути. Глушь. Родина осенью. Вечер. Деревня // Зарницы: Литературно-художественный альманах. – Кн. 1. – Вологда, 1925; *Памяти Сергея Есенина. «Сеть выметывали целый вечер...» //* Северный альманах: Литературно-художественный сборник Северного объединения рабоче-крестьянских писателей. – Кн. 1. – М.; Вологда, 1926; *Бронепоезд //* Ольхон (Пестюхин) А. Бронепоезд: Поэма. – М.; Вологда, 1927; Апрель // Вологодский комсомолец. – 1975. – 2 марта.

Панкратов С.

Другу ветру. На голубых проталинах. Коралловые рифы // Белозеров Хр., Булатов И., Панкратов С., Субботин Ан. Поросль: Стихотворения. – Вологда, 1923; *На улицу. Вифлеемский сказ //* Панкратов С. Звездные берега. – Вологда, 1924; *Подкошенные травы. «В чаду угарных, пьяных песен...».* Сплющенное солнце. Утро. Утренние зори // Панкратов С. Огни. – Вологда, 1924; *Лена //* Красный Север. – 1924. – 17 апреля; *«Красному Северу» //* Красный Север. – 1924. – 5 мая.

Субботин А.

Перемет. «Растянулись овсяные мари...». «Словно ширью-полем размечуся песней...». «Я хотел бы стоять при дороге...». Коллектив // Артамонов М., Германов А., Субботин А. Ярь: Стихи. – Вологда, 1920; *«Тонут в воздухе грозные звоны боев...». «Где пляшет пляску буря...» //* Субботин А., Сухонин С. Алое: Стихи. – Вологда, 1921; *«Знаю я, что вечер на пороге...» //* Красный Север. – 1923. – 25 марта; *«На руке с серпом, среди ржаных полос...». «Ах, зачем этих сумерек тень!». «Весенний шорох трав так чуток». «Как и всегда в такую пору...». «Белеют камни церковок старинных...» //* Белозеров Хр., Булатов И., Панкратов С., Субботин А. Поросль: Стихотворения. – Вологда, 1923.

Серебрянский М.

«Бредем – через горбы вершин...» // Красный Север. – 1923. – 9 декабря; *«И снова год. И новый год...» //* Красный Север. – 1924. – 1 января; *Коммуна //* Северная звезда. – 1924. – № 3; *Печать //* Красный Север. – 1924. – 5 мая; *Жизнь («Жизнь, жизнь...») //* Северный альманах: Литературно-художественный сборник Северного объединения рабоче-крестьянских писателей. – Кн. 1. – М.; Вологда, 1926; *Жизнь («Если удаль вспыхнет...») //* Вологодский комсомолец. – 1975. – 2 марта.

Марков С.

Медвежья шкура. Сны. Ревнивы. Поморская женка. Стендаль // Марков С. Стихотворения. – Новосибирск, 1965; *Осетрина. Мое имя. Доктор Гильотен //* Марков С. Знаю я – малиновою ранью...: Стихотворения. –

М., 1989; *Сексотка. Расстрел Гумилева* // Литературная Россия. – 2005. – 15 июля; *Полярный адмирал Колчак* // Поэзия узников ГУЛАГа: Антология. – М., 2005.

Сухарев А.

О маяке. Разговор с отцом (отрывок). Последнее письмо. Девушке. Прерванное заседание. «Это часто со мной бывает...». Чужие окна. Об энтузиазме. Гвозди. О гудке (отрывок) // Сухарев А. На подступах. – М.; Л., 1932.

Ненеин Б.

Наше время. Вечер. Радость. Лесные стихи. Дорога. Шпана // Брызги: Стихи. – Вологда, 1927; *Эскадрон. Синие и красные (Военная игра). Эскадрилья* // Ненеин Б. Под Красной звездой: Стихи. – Вологда, 1929; *Рыбак. Стихи о холмогорской корове. Повесть о паровозе* // Ненеин Б. Северный ветер. – Вологда, 1930.

Студенецкая Е.

Первое мая // Зарницы: Литературно-художественный альманах. – Кн. 1. – Вологда, 1925; *«Каждый день – на дороге куст...». Сергею Есенину («Мне писать о тебе даже стыдно...»).* Сергею Есенину (*«Вот уж год, как ты не поешь...»*). *Мать. Береза. Близким от далекой. Издалека. Звучание. Город* // Студенецкая Е. Душой негромкою поэта: Стихотворения разных лет. – Вологда, 2001.

Яшин А.

О реконструкции людей. Партизаны (Поэма) // Звезда Севера. – 1933. – № 1–2.

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

Аврора (римск.) – богиня утренней зари, соотв. греч. Эос.

Амброзия (греч.) – пища богов.

Амур (римск.) – божество любви, соотв. греч. Эроту.

Амфион (греч.) – юноша, обладавший божественным даром игры на кифаре (струнном музыкальном инструменте).

Аония (греч.) – территория, примыкающая к Геликону (см.).

Аполлон (греч.) – бог солнечного света, покровитель искусств.

Афина (греч.) – богиня мудрости и справедливой войны.

Афродита (греч.) – богиня любви и красоты.

Бахус (римск.) – божество виноделия, соотв. греч. Дионису.

Беллона (римск.) – богиня войны.

Борей (греч.) – бог северного ветра.

Вакх (греч.) – прозвище бога вина и веселья Диониса.

Вакханки (греч.) – участницы празднеств в честь Вакха.

Венера (римск.) – богиня любви и красоты, соотв. греч. Афродите.

Вулкан (римск.) – бог огня, покровитель кузнечного ремесла, соотв. греч. Гефесту.

Гальциона (Галкиона, Алкиона, греч.) – дочь бога ветров Эола; не переняя гибели супруга, она бросилась в море и была превращена богами в зимородка (в стих. К. Н. Батюшкова «Тень друга» Гальционией названа чайка).

Геликон (греч.) – горный массив в Центральной Греции, считавшийся местом пребывания Аполлона и муз.

Гесперидский сад (греч.) – сад с чудесными золотыми яблоками на крайнем западе земного круга, охраняемый дочерьми Геспера (божествами вечерней звезды); в средние века некоторые христианские авторы толковали миф о саде Гесперид как предание о земном рае.

Гефест (греч.) – бог огня и кузнечного ремесла.

Гидра (греч.) – чудовищная девятиголовая змея.

Грации (римск.) – богини женской красоты и изящества, соотв. греч. харитам.

Дриада – в греч. мифологии нимфа деревьев, обительница лесов и рощ.

Зевс (Зевес, греч.) – верховное божество древних греков, «громовержец», отец богов и людей (в римск. мифологии ему соотв. Юпитер).

Зефир (греч.) – бог теплого западного ветра, приносящего дожди (в поэзии – легкий ветерок).

Камены (римск.) – соотв. греч. музам, покровительницам искусств и наук.

Кикимора (восточнославянск.) – злой дух дома, женщина-невидимка, занимающаяся прядением и тканьем.

Киприда (греч.) – прозвище Афродиты (по острову Кипр, на котором находилось ее святилище).

Купидон (римск.) – то же, что и Амур (божество любви); соотв. греч. Эроту.

Лары (римск.) – божества, охранявшие дом и семью (по функциям были близки пенатам).

Лета (греч.) – река забвения в царстве мертвых.

Марс (римск.) – бог войны, соотв. греч. Аресу (Арею).

Мельпомена (греч.) – муза, покровительница трагедии

Минерва (римск.) – богиня-покровительница ремесел и искусств, соотв. греч. Афине.

Мом (греч.) – божество злословия и насмешки.

Морфей (греч.) – бог сна.

Музы (греч.) – богини-покровительницы искусств и наук.

Нектар (греч.) – напиток богов, дарующий бессмертие и вечную юность.

Немезида (греч.) – богиня возмездия.

Нептун (римск.) – бог морей, соотв. греч. Посейдону.

Нимфа (греч.) – женское божество природы.

Олимп (греч.) – гора, на которой обитают боги.

Паллада (греч.) – прозвище Афины, богини мудрости и справедливой войны.

Пан (греч.) – божество природы, имевшее вид человека с рогами, копытами и бородой.

Пандора (греч.) – женщина, по неразумию выпустившая бедствия и пороки из сосуда (ящика), в котором они были запечатаны.

Парки (римск.) – богини судьбы, соотв. греч. мойрам.

Парнас (греч.) – горный массив в Центральной Греции, на вершинах которого, по мифологич. представлениям, обитали музы.

Пегас (греч.) – крылатый конь, символ поэтического вдохновения.

Пери (иранск.) – неземное существо в виде прекрасной крылатой женщины, охраняющей людей от злых духов.

Пермес (греч.) – река, стекающая с Геликона (см.).

Помона (римск.) – богиня плодов и фруктовых деревьев.

Прометей (греч.) – титан, вопреки воле верховного бога Зевса подаривший людям огонь и жестоко наказанный за это.

Сатир (греч.) – лесное божество, демон плодородия, покрытый шерстью, с хвостом, рогами и копытами.

Сатурн (римск.) – божество, считавшееся покровителем земледелия; отождествлялось с греч. Кроносом, отцом Зевса.

Сильф (кельтск.) – дух воздуха.

Сирена (греч.) – полуженщина-полуптица, губящая мореплавателей чарующим пением.

Сири́н (славянск.) – сладкоголосая полуженщина-полуптица.

Стикс (греч.) – река в царстве мертвых.

Сфинкс (египетск., греч.) – фантастическое существо, полуженщина-полульвица.

Фавн (римск.) – божество плодородия, покровитель скотоводства, полей и лесов; соотв. греч. Пану.

Феб (греч.) – прозвище Аполлона (см.).

Филомела (греч.) – царевна, превращенная в соловья (по другой версии – в ласточку).

Флора (римск.) – богиня цветов и юности.

Фортуна (римск.) – богиня судьбы, счастья, удачи.

Фурии (римск.) – богини мщения, соотв. греч. эриниям.

Хариты (греч.) – богини женской красоты и изящества.

Цирцея (греч.) – коварная волшебница, долгое время удерживавшая героя Троянской войны Одиссея и его спутников на своем острове.

Эвр (греч.) – божество ветра.

Элизий (греч.) – область подземного мира, где после смерти обитают, блаженствуя, герои, праведники и благочестивые люди.

Эльфы (германск.) – духи природы.

Эос (греч.) – богиня утренней зари.

Эреб (греч.) – мрак подземного царства смерти.

Юпитер (римск.) – верховное божество, справедливый судья, повелитель грома и молнии; соотв. греч. Зевсу.

Ярило (восточнославянск.) – божество весеннего плодородия.

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Абие — немедленно, тотчас, внезапно.

Аз — я.

Акафист — хвалебное церковное песнопение в честь Иисуса Христа, Богородицы, святых.

Аки — как, будто, словно.

Акростих — стихотворение, первые буквы строк которого образуют какое-либо слово или словосочетание.

Аллилуйя — хвалите Бога (припев в христианском богослужении).

Алой — алоэ, травянистое растение с толстыми мясистыми листьями.

Алтын — трехкопеечная монета.

Альпийский луг — низкотравный горный луг.

Амвра — благовония.

Анархизм — идейное течение, отвергающее государственную собственность, власть и политическую деятельность.

Ангажировать — приглашать на танец.

Армяк — крестьянская верхняя одежда из толстого сукна.

Архангельский — относящийся к архангелам, духам восьмого чина небесной иерархии.

Архипастырь — глава епархии, епископ.

Архирей — архиерей, высший чин духовенства Православной церкви (епископ, архиепископ, митрополит или патриарх).

Аспид — ядовитая змея.

Аще — если.

Багряница — одежда густо-красного цвета у представителей власти.

Барошня — барышня.

Бекас — болотная птица с длинным клювом, пестрой спинкой, белым брюшком и грудью.

Белояровый (о хлебном колосе) — отборный.

Беляк — пена на волнах.

Беседа — деревенские вечерние посиделки.

Благовест — звон в один колокол, призывающий к заутрене, обедне, вечерне.

Божница — полка или шкафчик для икон, домашний иконостас.

Большак — большая проезжая дорога.

Боров — дымоход.

Брашно — еда.

Брынский — находящийся в диком лесу.

Буерак — овраг.

Булевар — бульвар.

Бурачок — берестяной сосуд.

В лоск — полностью, совершенно.

В разнь — на части.

Вальдишеп — лесной кулик, птица семейства бекасовых с длинным носом и желто-бурым оперением; объект охоты.

Вар — жар.

Варяг — здесь: викинг, морской разбойник-скандинав.

Варяжский — скандинавский.

Ведун — знахарь, колдун.

Вежды — веки.

Велий — великий, большой.

Вервие — веревка.

Вересуха — балалайка с шейкой из можжевельника (вереса).

Веретье — грубая одежда.

Вериги — цепи.

Вершок — мера длины, равная 4,4 см.

Весь — село, деревня.

Вечерины — зимние увеселения деревенской молодежи, собирающейся вечером в чьей-либо избе.

Вечеря — ужин.

Взраз — сразу, мгновенно.

Викинги — морские разбойники-скандинавы VIII–XI вв.

Виссон — тончайшая льняная или хлопчатобумажная ткань белого цвета.

Вития — оратор.

Вицмундир — форменный фрак чиновников; парадно-выходная форма гусарских и кавалергардских офицеров, предназначенная для ношения вне строя.

Владыка — архиерей, епископ.

Влаться — влачиться, влечься.

Воитель — воин.

Волвянка — гриб волнушка.

Волхв — кудесник, чародей, колдун.

Вотще — тщетно, напрасно.

Вотяцкий — удмуртский.

Впадох — впал.

Вперед – вперед.

Вседарный – безмерно щедрый, дарующий все.

Всполье – окраина поля.

Втуне – тщетно, напрасно.

Выспренный – возвышенный.

Выя – шея.

Вьюша – птица чибис.

Вяз – высокое дерево семейства ильмовых с раскидистой кроной.

Вязига – сухожилия вдоль хребта красной рыбы.

Вязций – большой, сильнейший.

Галоп – балый танец в стремительном темпе.

Геенна – ад, место вечных мучений грешников.

Гелиотроп – травянистое растение с лиловыми душистыми цветками.

Генварь – январь.

Гений – дух-хранитель человека.

Глагол – речь.

Гладный – голодный.

Глетчер – ледник.

Глиба – ком мерзлой грязи.

Гой еси – народно-поэтическая форма приветствия, обращения.

Голбец – чулан между печью и полатями над входом в подпол.

Гонка – несколько счеленных вместе плотов.

Горлица – небольшая лесная птица семейства голубей.

Горний – небесный.

Градоначальник – старший чиновник в городе.

Градской глава – председатель городской думы (выборная административная должность).

Граять – каркать.

Грентвеин (гринтвейн) – горячий напиток из красного вина с сахаром и специями.

Гряда – песчаная или галечная коса.

Густопсовый – определение, относящееся к собакам с густой шерстью.

Гутор – говор.

Дача – участок земли под лесом, выделенный в самостоятельное хозяйство.

Денница – утренняя заря.

Депозитки – бумажные деньги, ассигнации.

Десница – правая рука.

Диван — совет высших сановников при султанах в Турции.

Диванная — обставленная диванами комната для отдыха и бесед; гостиная.

Днесь — сегодня, сейчас.

Должностные — чиновники, состоящие на государственной службе.

Доломан — гусарский мундир, расшитый шнурами.

Долу — вниз.

Домовина — гроб.

Достодолжно — по достоинству.

Доцаник — плоскодонная лодка.

Дребезда — коростель.

Дрожки — легкий открытый рессорный экипаж.

Дюже — очень, сильно.

Егда — когда.

Еже — чтобы, дабы.

Ей-ей — в самом деле, право.

Елань — высокий округлый мыс, холмик.

Елей — оливковое масло, употребляемое в церковных ритуалах для помазания верующих и для заправки лампад.

Жуэт (жуэ) — сорт шампанского.

Завал — надводная часть отмели.

Загон — пахотный участок земли.

Заложина — низменность с отчетливо обозначенными краями.

Записной — завзятый.

Заседатель — выборный член уездного суда.

Застойка — стойка, прилавок.

Зерцало — зеркало.

Зефир — легкий ветерок.

Зиждитель — создатель.

Зой — жужжание насекомых.

Зрак — вид, взор.

Зыбка — колыбель.

Зыбун — трясина.

Зыряне — народ коми.

Иерей — священник.

Изрядство — прекрасное качество, добротность, красота.

Илем (ильм) — вяз.

Имать — ловить.

Инда — здесь: иногда.

Инде — в другом месте.

Искус — важное испытание.

Исправник (капитан-исправник) — глава уездной полиции, избивавшийся дворянами.

Каданс — ритм.

Казенный — являющийся государственной собственностью.

Камелия — вечнозеленое южное растение семейства чайных с крупными белыми или красными душистыми цветками.

Каменка — печь, сложенная из камней насухо, без раствора.

Камея — резной драгоценный или полудрагоценный камень с выпуклым рельефным изображением.

Канифас — льняная полосатая ткань.

Канон — богослужебное песнопение.

Кант — похвальное песнопение религиозного или светского характера.

Каравод — хоровод.

Кафисма (кафизма) — раздел Псалтыри.

Каюк — небольшая плоскодонная лодка с двумя веслами.

Кая — какая.

Кика — головной убор замужних женщин, цилиндрическая матерчатая шапка с плоским верхом и небольшими лопастями, прикрывающими уши.

Киса — кожаный или суконный мешок, затягиваемый шнуром.

Кистень — холодное оружие в виде металлического шара, соединенного с рукояткой ремнем или цепью.

Клас — колос.

Клеврет — товарищ, собрат.

Клирос — возвышение по обеим сторонам алтаря, место для певчих, участвующих в богослужении.

Клирошанка — богомолка, поющая в церкви на клиросе.

Кныжиться — тшиться, напрягаться.

Коликий — сколь великий, сколь многих.

Колико — сколько, сколь много.

Кольмага — старинный закрытый четырехколесный экипаж.

Коммуна — коллектив, живущий на началах общности имущества и труда.

Комольй — безрогий.

Коностас — иконостас.

Космополит — человек, считающий себя «гражданином мира», отказывающийся чтить национальные традиции, отрицающий необходимость тесной связи с родиной.

Коснеть — медлить.

Котильон — непринужденный бальный танец-игра, объединявший фигуры нескольких танцев (вальс, мазурка, полька); исполнялся всеми кавалерами и дамами в конце бала.

Кошка — ременная плеть с несколькими концами.

Кошовник — дровяной лес, сплавляемый по реке.

Крамола — мятеж, преступление против государства.

Краснобайный — речистый, умеющий красиво говорить.

Краснокрыл — птица отряда фламинго.

Крестовой — крестный.

Кривда — неправда, несправедливость.

Крин — лилия.

Крыло — боковое полотнище невода.

Кудесник — чародей, колдун.

Кулак — богатый крестьянин, эксплуатирующий бедняков-наемников.

Кумир — идол, мнимое божество; предмет восторженного поклонения; ложный идеал.

Кутузка — тюрьма, арестантская камера.

Куца — навес.

Лавы — мостки для полоскания белья.

Лал — рубин.

Ландо — чегырехместная карета с открытым верхом.

Ланиты — щеки.

Лапта — русская народная командная игра с мячом и битой.

Легион — основное воинское формирование в армии Древнего Рима (4,5–11 тыс. человек).

Лепт — приношение, пожертвование, взнос.

Лепый — красивый, великолепный.

Лествица — лестница.

Летник — легкая женская одежда с широкими и длинными рукавами.

Леха — полевая полоса, борозда.

Лешак — леший.

Лик — облик; собрание.

Лилейный — подобный лилии, белоснежный.

Лития — богослужение, совершаемое во время похорон.

Литургия — главное христианское богослужение, на котором совершается евхаристия (таинство причащения).

Лицеприятие — пристрастное отношение к кому-либо, основанное на родственных отношениях, выгоде или симпатии.

Личина — маска.

Лонись — в прошлом году.

Лудить — бить, колотить.

Лютня — струнный щипковый музыкальный инструмент с длинной шейкой.

Лядащий — негодный.

Малица — одежда из оленьих шкур мехом наружу, с капюшоном и рукавицами.

Мангустан — мангостан, дерево рода гарциния с коричнево-фиолетовыми съедобными плодами.

Марь — наваждение, призрак.

Матица — основная, срединная часть невода.

Мережа — рыболовная сеть.

Мессия — помазанник Божий, спаситель; в христианстве — Иисус Христос.

Ми — мне.

Миро — благовонное масло, употребляемое в церковных обрядах.

Мировой — судья, разбирающий мелкие уголовные и гражданские дела.

Мирт — вечнозеленый кустарник с белыми душистыми цветками (греч. символ молодости, любви и красоты).

Многоочитый — имеющий множество глаз, всевидящий.

Моленный — предназначенный для моления.

Мортира — артиллерийское орудие.

Мраз — мороз.

Мя — меня.

Набат — звон колокола, призывающий население немедленно собраться по случаю какой-либо опасности (пожар, наводнение, нападение врага и т. п.).

Набережье — набережная.

Наперсник — друг, доверенное лицо.

Насадочка — наконечник копья.

Натура — природа.

Ндрав — нрав, характер.

Недоимка – невыплаченная часть налога, долга деньгами или продуктами крестьянского труда.

Неключимое – бесовское.

Необорный – непобедимый.

Нынь – ныне, сейчас.

Обывательские – лошади, нанимаемые у местных жителей или предоставляемые ими в качестве повинности.

Овин – постройка для сушки снопов.

Одесную – справа.

Одноколка – легкий двухколесный экипаж.

Оконница – оконный переплет.

Омет – куча оставшейся после обмолота соломы.

Онъ – оный, этот.

Опал – драгоценный молочно-белый камень с радужной игрой цветов.

Оратай – пахарь.

Ослон – скамья.

Осьмина – мера сыпучих тел, равная 105 л.

Пагода – культовое мемориальное сооружение в странах Дальнего Востока, имеющее вид павильона или башенки.

Падь – узкая глубокая долина.

Палантин – широкий женский шарф из меха или бархата, набрасываемый на плечи.

Паладин – доблестный рыцарь, беззаветный служитель высокой идеи.

Парá – парой.

Парча – шелковая материя, затканная золотыми или серебряными нитями.

Паства – пастбище.

Пастырь – пастух.

Паче – более.

Пени – жалобы, сетования, упреки.

Перлы – жемчуг.

Перси – грудь.

Перун – молния.

Пестрядной – из пестряди, грубой ткани из разноцветных ниток.

Пешить – идти пешком.

Пиит – поэт.

Пилигрим – странствующий богомолец; странник вообще.

Плашка – круглое полено, расколотое пополам.

Плащаница — покрывало с изображением тела Иисуса Христа или усопшей Богородицы.

Плевел — сорняк.

Плинфа — плоский кирпич, близкий по форме к квадрату.

Плюмаж — украшение из перьев на головном уборе.

Повилика — вьющееся растение, символ загробного покоя.

Погостянка — жительница погоста, территории, относящейся к определенному сельскому приходу.

Под ряд — совместно.

Подвизаться — здесь: увиваться.

Поддевка — верхняя мужская одежда в талию с мелкими сборками.

Подполье — нижний этаж крестьянского дома, находящийся под жилым помещением.

Подрез — оковка санного полоза.

Подселенна — поднебесный мир, земля.

Позумент — шитая золотом или серебром тесьма.

По-курьерски — быстро.

Поло-на-поло — на части.

Полсть — покрывало для ног седока в санях.

Полька — танец в быстром темпе под музыку, для которой характерна отрывистость.

Польский (полонез) — бальный танец под музыку 3/4, стилизованный под торжественное шествие.

Понт — море.

Поприще — мера длины, равная примерно 1,25 км.

Порная — зрелая.

Порфира — широкий багряный плащ, знак верховной власти.

Поскотина — огороженное пастбище близ деревни.

Посолонь — за солнцем.

Потесь — правильное весло из бревна.

Праг — порог.

Ирасол (волог.) — скупщик рыбы, торговец рыбой.

Пращур — предок.

Превыспренный — высочайший, небесный.

Предвечный — вечный, бесконечный.

Прение — спор, диспут.

Преосвященный — епископ, глава епархии.

Приправа — богатырское снаряжение, вооружение.

Присно — всегда.

Притина — охрана.

Проказа — тяжелое заразное заболевание.

Пряженцы — лепешки или пирожки, обжаренные в масле.

Прясло — изгородь из жердей.

Псалтирь — книга, входящая в состав Библии; содержит тексты религиозных песнопений.

Пуш — спиртной напиток, приготовляемый из вина с добавлением воды, сахара, лимонного сока и других приправ из фруктов; может употребляться как в горячем, так и в холодном виде.

Разжизатися — разгораться, возбуждаться.

Рака — гробница с мощами святого.

Рамо — плечо.

Расшива — большое плоскодонное парусное судно с острым носом и кормой.

Рать — орать, пахать.

Раченье — старание, усердие, прилежание.

Риза — облачение священника; одежда вообще.

Ризотто — итальянское кушанье, рисовая каша на мясном бульоне с маслом, тертым сыром и пряностями.

Риторство — красноречие, ораторство.

Росшива (расшива) — большое плоскодонное парусное судно с острым носом и кормой.

Руда — кровь.

Рудеть — краснеть.

Сажень — мера длины, равная 2,134 м.

Самоеды — старое русское название представителей коренных народов Севера России и Сибири.

Сапфир (*сафир*) — драгоценный камень синего или голубого цвета.

Светоч — светильник.

Се — это, вот.

Секретарь — мелкий чиновник, письмоводитель.

Сермяжник — бедняк.

Серсо — игра, участники которой ловят на палочку бросаемые их соперниками обручи.

Сибарит — праздный, живущий в роскоши человек.

Сибирская язва — острая инфекционная болезнь животных и человека, приобретающая порой характер эпидемии.

Сиделец — приказчик, продавец в лавке, магазине или трактире.

Силок — веревочная петля для ловли птиц.

Силы — небесные духи, ангелы.

Синодик — книга для записи имен умерших, поминаемых во время богослужения.

Сирый — сиротский.

Сице — так, таким образом.

Скарб — имущество.

Скипетр — жезл, символизирующий власть монарха.

Скит — жилище монаха-отшельника.

Сладимый — сладостный.

Слань — настил.

Сметчивый — смекалистый, догадливый.

Снурок — шнурок.

Соловый — серый.

Сонет — стихотворение, состоящее из 14 строк; его текст обычно делится на два четверостишия и два трехстишия.

Сонм — большая группа, собрание.

Сострастье — сочувствие, сострадание.

Соте — кушанье под соусом, приготовленное на сильном огне.

Сотский — выборный из крестьян низший чин сельской полиции.

Софистика — рассуждение, основанное на умышленном нарушении логики, искажающее истину.

Спира — отряд.

Спященный — сжатый.

Сретать — встречать.

Стан — становище, лагерь.

Станичник — разбойник.

Становой — глава уездной полиции.

Стансы — элегическое стихотворение, состоящее из небольших по объему строф; каждая из них должна завершаться паузой, обозначаемой на письме точкой.

Старшина — сельский староста, должностное лицо, управляющее делами крестьянской общины.

Стезя — путь.

Стенота — стенания.

Стихарь — длинная с широкими рукавами одежда из парчи, надеваемая дьяконом при богослужении.

Стогна — площадь, широкая улица.

Стончться — становиться незримым.

Страмец — срамник, бесстыдник.

Стрекать — прыгать, скакать.

Стреха — крыша.

Струг — парусно-гребное плоскодонное судно с отвесными бортами и острыми оконечностями.

Стяг — кол, жердь.

Стяжать — нажить, добиться.

Сугор — пригорок, холмик.

Сулея — плоская склянка, бутыль.

Сусло — перебродивший отвар муки и солода.

Суслон — несколько составленных вместе снопов.

Аир — трава с мечевидными листьями, растущая в водоемах у берегов.

Суть — есть.

Схимник — монах.

Съезд — наклонный настил, ведущий в крытый двор крестьянского дома.

Таже — потом, затем.

Тарабара — мелкий лещ.

Тать — вор, грабитель.

Терзаяй — терзающий.

Тернии — колючки, колючий кустарник.

Течь — шествовать.

Ти — тебе.

Тимпан — ударный музыкальный инструмент наподобие барабана.

Тиснение — печатание.

Титло — титул, почетное звание.

Тля — тленность, прах.

Той поры — в ту пору, тогда.

Токай — марка венгерского вина.

Топтан — большая вместительная повозка.

Тороватый — щедрый.

Тою — ту.

Трепак — русская народная пляска в быстром темпе с притопываниями.

Трехдюймовка — артиллерийское орудие, 76-миллиметровая пушка.

Пироксилин — взрывчатое вещество.

Триединство — единство трех ипостасей Божества: Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Святой Дух.

Тризна – основная часть погребального обряда у древних славян, которая включала в себя жертвоприношения, военные игры, песни, пляски.

Трикраты – трижды.

Тук – жир жертвенных животных.

Тучный – налитой, упитанный, большой, толстый.

Тычка – колышек.

Тя – тебя.

Тяга – весенний брачный полет самца вальдшнепа, отыскивающего самку, время охоты на эту птицу.

Убо – итак, сего ради, стало быть, ибо.

Убрус – расшитое узорами полотенце.

Уды – члены тела.

Уздобить – ублажить, усладить.

Урядник – нижний чин уездной полиции.

Уикуйник – удалец, разбойничающий на реках и озерах.

Фарисействовать – лицемерить, ханжить, кривить душой.

Фарос – маяк.

Фейерверкер – унтер-офицер в артиллерии.

Ферязь – старинная долгополая одежда с длинными рукавами.

Фиал – пиршественная чаша; сосуд вообще.

Фимиами – благовоние, дым от ароматических курений.

Фурьер – заготовщик съестных припасов, фуража, квартир.

Херувим – небесный дух второго чина небесной иерархии.

Химера – чудовище.

Хитон – древнегреческая одежда, длинная свободная рубаха из льняного полотна с поясом вокруг бедер.

Цевница – свирель.

Целовальник – кабатчик, хозяин питейного заведения.

Цитра – струнный щипковый музыкальный инструмент в форме плоского ящика с фигурными очертаниями.

Чаровница – волшебница.

Червлёный – темно-красный, багряный.

Черкаское – черкесское.

Чернобыльник – полынь.

Чернолесье – лиственный лес.

Чертог – дворец.

Чуйка – суконный кафтан.

Шарашиться – упираться.

Ширинка – расшитое узорами полотенце.

Шишка – передовой на судне.

Шлях – наезженная дорога, тракт.

Шугай – телогрея, короткая верхняя одежда из грубого сукна.

Шуйца – левая рука.

Эдем – рай.

Эмир – в странах мусульманского Востока правитель, начальник.

Эфир – воздух.

Эфирный – воздушный.

Юдоль – земной мир, место пребывания людей после изгнания из Рая.

Ют – кормовая часть верхней палубы судна.

Ягель – олений мох, род лишайников.

Яко – как.

Якорь становой – большой двулапый якорь, на котором стоит судно.

Яровая пшеница (яровица) – пшеница, посеянная весной.

Яровчатый – сделанный из явора, особого вида клена.

Яхонт – древнерусское название некоторых драгоценных камней (чаще – рубина, реже – сапфира).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акундинов (Акиндинов, Анкудинов, Юнкидинов) **Тимофей Демидович** (1617–1653) – авантюрист, последний из девятнадцати самозванцев первой половины XVII в., выдававший себя за сына (Семена) или внука (Иоанна-Тимофея) царя Василия Шуйского. Родился в семье стрельца в Вологде, воспитывался при дворе вологодского архиепископа Варлаама, где овладел грамотой. Служил писцом в съезжей избе, женился на внучке Варлаама, промотал ее состояние, бежал в Москву и стал там подьячим. Совершив ряд должностных преступлений и наделав долгов, бежал за границу, представился польскому королю в качестве вологодского воеводы и великопермского наместника. Протесты русского посланника привели к тому, что Акундинову пришлось спешно покинуть пределы Речи Посполитой и отправиться через Молдавию в Стамбул. Там он объявил себя русским царевичем, но попал в тюрьму и принял магометанство. Оказавшись на свободе, уехал в Сербию, затем перебрался в Рим, где перешел в католическую веру и безрезультатно обращался к папе Римскому с просьбами о помощи в притязаниях на московский престол, обещая за оказанные услуги ввести католичество в России. Был отправлен на Украину через Австрию, Венгрию и Польшу с заданием проповедовать идеи унии. Пользовался покровительством Богдана Хмельницкого, отказавшегося выдать самозванца по требованию царя Алексея Михайловича. Перебрался в Швецию, снискал расположение шведской королевы и ее канцлера, принял лютеранство. Жил в Стокгольме, Нарве, Ревеле, Кенигсберге, Брабанте, вынашивал планы восстания в Новгороде и Пскове. Был выдан русскому правительству голштинским герцогом в обмен на торговые уступки, доставлен в Москву и четвертован.

Анаевский Афанасий Евдокимович (1788–1866) – родился в семье дьячка, окончил Тамбовскую духовную семинарию, однако служителем церкви не стал и подался в чиновники: был канцеляристом в Тамбовской казенной палате, аудитором (делопроизводителем) Иркутского гусарского полка, обер-аудитором (старшим делопроизводителем) Московского, а затем Старорусского отрядного штаба военных поселений, ассессором (заседателем) Архангельской и Вологодской казенных палат. Он дослужился до чина коллежского советника (равного полковнику) и вышел в отставку в 1865 г. На поприще литератора вступил в середине 1840-х гг. Дебютировал в печати повестью «Юродивый мальчик в железном зеленом клубке» (СПб., 1844), затем опубликовал комическую оперу «Мандрагора» (СПб., 1847). Но наиболее отчетливо его литературные ориентации проявились в книгах «Жезл правоты» (СПб., 1852), «Ассамблея» (Вологда, 1852), «Энхиридон любознательный» (СПб., 1854) и «Экзальтация и 9 муз» (Вологда, 1862). Образцом ему служила массовая беллетристика последней трети XVIII в., и прежде всего – «Письмовнику» Н.Г. Курганова, на протяжении нескольких десятилетий входивший в число наиболее популярных книг и выдержавший около 20

изданий. Подражая сочинениям подобного рода, Анаевский исповедовал принцип «приятное с полезным» и составлял свои книги из произведений разных жанров, неизменно придавая им нравоучительную направленность. Современная критика считала его творчество литературным курьезом. Умер Анаевский, вероятно, в Вологде.

Батюшков Константин Николаевич (1787–1855) – один из наиболее значительных русских поэтов начала XIX века. Развивал традиции западно-европейской и отечественной анакреонтики; работал преимущественно в жанрах элегии и послания; его небольшое по объему творческое наследие включает также сатиры, басни, повести, очерки, статьи. Батюшков принадлежал к старинной дворянской семье, родился он в Вологде, детство провел в имении Даниловское Устюжско-Железнопольского уезда Тверской губернии. Воспитывался в пансионах иностранцев в Петербурге, где получил хорошее знание языков (французского, итальянского, немецкого) и приобщился к литературе. Большую роль в формировании личностных идеалов и творческих ориентаций Батюшкова сыграл высокопоставленный чиновник и видный писатель-сентименталист М.Н. Муравьев, приходившийся ему двоюродным дядей. Поступив на службу в Министерство народного просвещения, Батюшков вошел в «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств» и стал членом Оленинского кружка. К 1805 г. относится его первое выступление в печати как поэта («Послание к стихам моим» в журнале «Новости русской литературы»). Творческие устремления Батюшкова отчетливо выразились в программном стихотворении «Мечта» (1804–1817), проникнутом идеями романтизма. Знаменательным фактом литературной борьбы стала его сатира «Видение на берегах Леты» (1809), направленная против ревнителей «старого слога». Как своего рода образец «легкой поэзии» было воспринято современниками стихотворение «Мои пенаты» (1811–1812), вызвавшее многочисленные подражания. Испытывая материальные трудности, занятый поисками места службы, Батюшков вынужден был жить то в Петербурге, то в Москве, то в имении Хантоново близ Череповца. Он участвовал в наполеоновских войнах, был ранен, имел награды за участие в боевых действиях (ордена св. Анны 2 и 3 степени). Чувство патриотизма, пробужденное войной 1812 г., нашло отражение в стихотворениях «К Дашкову», «Переход русских войск через Неман...», «Переход через Рейн». С 1815 г. Батюшков заочно состоял в литературном обществе «Арзамас». В 1816 г. он был принят в «Общество любителей российской словесности при Московском университете». В 1817 г. вышло его собрание сочинений в двух частях под названием «Опыты в стихах и прозе». В 1818 г. сбылась давняя мечта поэта: он был причислен к дипломатической миссии в Неаполе и смог приобщиться к итальянской культуре, которую считал одним из высших достижений человечества. В 1821 г. дали о себе знать симптомы наследственного душевного недуга. Все усилия вернуть Батюшкову разум оказались тщетными. С 1833 г. он переехал в Вологду, где прожил на попечении род-

ственников более двадцати лет. Причиной его смерти стала тифозная горячка. Могила Батюшкова находится в стенах Спасо-Прилуцкого монастыря близ Вологды.

Берг Федор Николаевич (1839–1909) – поэт, переводчик, прозаик, журналист. Родился в Воронежской губернии, в семье обрусевших немцев. Его отец был предводителем дворянства Нижнеломовского уезда. Ф. Берг с детства владел языками, много читал, увлекался историей и словесностью. Воспитывался он в Воронежском кадетском корпусе, общался с членами историко-этнографического кружка Н.И. Второва, познакомился с А.В. Кольцовым. Офицером был недолго. Впервые опубликовал стихи («Утро» и перевод из Г. Гейне) в № 38 журнала «Развлечение» за 1859 г. Его вхождению в мир литературы способствовало сближение с поэтами А.Н. Плещеевым и В.Д. Костомаровым. В 1860 г. он поместил ряд оригинальных и переводных стихотворений в журнале Н.А. Некрасова «Современник». Затем стал печататься также в журналах «Эпоха» и «Время», издававшихся Ф.М. Достоевским. Совместно с Костомаровым подготовил и выпустил «Сборник произведений иностранных поэтов», книгу «Поэты всех времен и народов», а с Плещеевым – «Детскую книжку», составленную преимущественно из переводов произведений западноевропейских авторов. Осенью 1861 г. был заключен в Петропавловскую крепость по подозрению в причастности к демократическому движению. Однако вскоре его освободили. В 1863 г. в «Современнике» появился роман Берга «Закоулок» и вышел из печати первый том Полного собрания сочинений Г. Гейне, подготовленный им в сотрудничестве с Костомаровым. В 1864–1868 гг. Берг жил в Вологде, занимался этнографией и фольклором; по воспоминаниям А.В. Круглова, состоял в дружеских отношениях с сотрудниками «Вологодских губернских ведомостей»; публиковал в московских периодических изданиях (журнале «Русский вестник» и газете «Русский») очерки бытописательного характера о местных жителях. В 1869 г. вернулся в Петербург, печатался в журналах «Заря», «Русский вестник» и в газете «Гражданин», издавал газету «Русский мир», редактировал журналы «Русский вестник», «Нива», «Родная речь», газеты «Русский листок» и «День». Был членом монархических организаций. Умер в московской психиатрической лечебнице.

Брянчанинов Анатолий Александрович (1839–1918) – прозаик и драматург, автор произведений из усадебной и народной жизни, стихотворных переложений русских народных сказок. Принадлежал к старинному дворянскому роду, сыгравшему значительную роль в истории Вологодского края. Святителю Игнатию (Брянчанинову) приходился внучатым племянником. Родился, долгое время служил и умер в Вологде. Окончил Николаевское инженерное училище и Николаевскую инженерную академию, служил в лейб-гвардии I стрелковом батальоне. Выйдя в 1862 г. в отставку, приехал в Вологду и поступил на службу в палату уголовного суда, занимал выбор-

ные должности в местных дворянских учреждениях, был чиновником Департамента таможенных сборов. В 1875–1881 гг. жил в Орле, где занимал пост директора Земельного банка. Вернувшись в Вологду, был мировым судьей, губернским и уездным гласным по выборам, непременным членом Вологодского губернского по крестьянским делам присутствия, редактировал неофициальную часть «Вологодских губернских ведомостей». В 1904 г. вышел в отставку в чине действительного статского советника (соответствовал генерал-майору). Публиковаться начал в газете «Русский инвалид» (очерк «Счастье в тумане», 1859), несколько произведений поместил в журнале «Русский вестник». В 1870 г. в Москве вышел сборник повестей и рассказов Брянчанинова, посвященных усадьбной жизни. В нем явственно ощущалось влияние тургеневской прозы. В начале 1870-х гг. Брянчаниновым были написаны две драмы из народного быта («Бездольная» и «В кабале»). Двумя изданиями вышла его книга «Русские народные сказки в стихах» (1885, 1895), включавшая благожелательный отзыв И.С. Тургенева. Беллетристические произведения Брянчанинова рубежа XIX–XX вв. отмечены беспокойством о судьбах дворянства в пореформенной России и в годы первой русской революции (повести «В вихре страсти», «Не по торной дорожке», «Без руля и без ветрил», романы «В годину лихолетья (1905–1906)» и «В шестидесятих годах (1862–1863)»). Публиковались они в газете «Петербургская жизнь» и в журнале «Мирный труд». Кроме того, Брянчанинов продолжал заниматься стихотворной обработкой произведений фольклора, результатом этой работы стала книга «Старины и былины Печорского края» (журнальная публикация – 1910, отдельное издание – 1911).

Брянчанинов Афанасий Матвеевич (1749–1786) – вологодский помещик, литератор-дилетант. Был сыном (от первого брака) обер-секретаря Сената, М.Ф. Брянчанинова (Ф.М. Брянчанинов – его сводный брат). Рано лишился матери. С 11 лет был записан на военную службу и к моменту действительного поступления в полк уже числился сержантом. Службу начал фурыером в 1764 г. в лейб-гвардии Семеновском полку. Вышел в отставку в возрасте двадцати лет в чине поручика и поселился в имении Фомино Комельской волости Вологодского уезда. Первым браком был женат на двоюродной сестре М.Н. Муравьева. В 1880 г. снова поступил на службу (заседатель Вологодского верхнего земского суда, прокурор Архангельского губернского магистрата, архангельский губернский прокурор) и переехал сначала в Вологду, потом в Архангельск. Дослужился до чина надворного советника. В 1786 г. вернулся в свое вологодское имение, где вскоре умер. Любовь к искусству связывала его узами дружбы с вологодским генерал-губернатором А.П. Мельгуновым и с М.Н. Муравьевым, литературным наставником которого он некоторое время являлся. А.М. Брянчанинов – автор героико-комической поэмы «Война между чаем, кофею и водою», оды «Всходяща солнца луч темнеет», посвященной Екатерине II, и др. произведений, сохранившихся в семейном альбоме Брянчаниновых. Возможно, что какие-то его

стихотворения без подписи появлялись в изданиях последней четверти XVIII в. Сам он к публикации своих литературных опытов не стремился и относился к их созданию как к «приятному и полезному препровождению времени».

Брянчанинов Федор Матвеевич (1765 – первая треть XIX в.) – ярославский помещик, литератор-дилетант. Был сыном (от второго брака) обер-секретаря сената М.Ф. Брянчанинова и приходился сводным братом А.М. Брянчанинову. Служил в лейб-гвардии Семеновском и Апшеронском мушкетерском полках. В 1787 г. вышел в отставку в чине секунд-майора. Жил в своих имениях и служил по выборам в Ярославской губернии (заседатель Ярославского верховного земского суда, депутат Дворянского собрания Романовского уезда). Был также членом Комиссии московского комиссариатского депо, инспектором казенных винокуренных заводов и председателем Ярославского приказа общественного призрения. Дослужился до чина коллежского советника. Единственная его прижизненная публикация – песня «Свободой наслаждаясь» в ч. III карамзинского альманаха «Аонида» (1798–1799). Помещенное в настоящем издании стихотворение «Хочу» является характерным образцом «альбомной» поэзии конца XVIII – начала XIX в. (автограф – в семейном альбоме Брянчаниновых, хранящемся в Вологодской областной универсальной научной библиотеке).

Булатов Иван Павлович (1899–1938) – поэт и журналист. Родился в селе Юрнево Шенкурского уезда Архангельской губернии, в семье крестьянина-бедняка. Окончил церковно-приходскую школу и двухклассное училище. В 15-летнем возрасте уехал в Петроград, где был рабочим на Монетном дворе, а затем счетоводом в торговой фирме. Занимался самообразованием, окончил бухгалтерские курсы. Вступил в партию большевиков. Писать начал с 16 лет. Первые его публикации (заметки публицистического характера) появились в шенкурской и архангельской периодике в 1917 г. Воевал в Шенкурском партизанском отряде против интервентов и белогвардейцев. Как поэт печатался с 1921 г. В Вологде жил с 1922 по 1924 г. и выпустил здесь четыре книги стихов: «Я пою», «Поросль» (совместно с Х. Белозеровым, С. Панкратовым и А. Субботиным), «Алые струны», «Пламень»; руководил литературной группой «Борьба»; был заведующим подотделом печати Вологодского губернского комитета РКПб, заместителем заведующего издательского подотдела Губернского коммунистического союза молодежи; редактировал журналы «Северная звезда» и «Кооперация Севера»; сотрудничал также в журнале «Красные всходы» и в газетах «Красный Север», «Северянин».

Бунаков Николай Федорович (1837–1904) – педагог, публицист, прозаик, мемуарист; сын правителя канцелярии при вологодском губернаторе; окончил Вологодскую гимназию, где одним из педагогов был Н.И. Иваницкий, преподавал русский язык в уездных училищах в Тотьме, Кадникове и в

губернском городе, а затем – в Вологодской и Воронежской гимназиях; выйдя в отставку в 1879 г., целиком посвятил себя разработке основ обучения в начальной народной школе; занимался изучением фольклора и истории культуры родного края; был знаком с Ф.М. и М.М. Достоевскими, опубликовал в их журнале «Время» рассказ «Село на юру» и повесть «Город и деревня» (1861. – № 5; № 11 – 12); в повести «Бесовское наваждение» (журнал «Русское слово». – 1864. – № 6 – 7) сатирически изобразил либерально настроенную интеллигенцию г. Вологды; стихи писал лишь в ранней юности и относился к своим поэтическим опытам скептически; в педагогике был последователем К.Д. Ушинского и отстаивал принцип развивающего обучения; был автором учебных пособий, статей о педагогическом значении русской литературы, автобиографических записок, в с. Петино Воронежской губернии построил на собственные средства бесплатную школу для крестьянских детей, амбулаторию и аптеку, организовал первый в России народный театр; за демократические взгляды подвергался преследованиям; умер и похоронен в Петербурге.

Вахрушев Фома Андреевич – сведения об авторе см. в примечаниях к его поэме «Гусар».

Вересов Павел Гордеевич (вторая пол. 1850-х – ?) – педагог и поэт, сын крепостного крестьянина из Белозерского уезда, окончил Новгородскую Александровскую учительскую школу, был учителем Бубровской сельской школы, заведующим Антушевым двухклассным училищем; в 1879 г. издал в Череповце повесть для детей «Сельские деятели», а в 1881 сборник стихов «Песни сельского учителя»; в 1900-х гг. публиковал свои стихотворения и поэмы в журнале «Отклики народного учителя и его досуги»; в 1908 г. в Вологде вышла небольшая книжка «Сказки, басни и другие стихотворения учителя Павла Вересова»; он был также автором повести «Семейный грех: В конце 60-х гг. XIX века» (Отклики народного учителя и его досуги. – 1907. – № 9–11, приложения) и воспоминаний «Из тридцатилетней жизни сельского учителя (1873–1903)», опубликованных в журнале «Русская школа» (1904. – № 5–6).

Волгин И. – псевдоним Юлия Михайловича Зубова (см.).

Волков Платон Григорьевич (1799 или 1800–1850) – поэт, журналист и критик, был сыном помещика Вологодской губернии. Воспитывался у иезуитов, чья педагогическая система считалась одной из лучших. В 1813 г. стал канцеляристом Департамента герольдии, затем служил в лейб-гвардии Преображенском и Нижегородском пехотном полках. В 1822 г. вышел в отставку в чине подпоручика. Печатаť свои стихи начал в журнале «Благонамеренный». В 1828 г. выпустил отдельным изданием подражание роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин», к тому времени еще не завершенному.

В 1829–1830 гг. был канцеляристом в Департаменте государственного имущества Министерства финансов. В 1831 г. издавал «Журнал иностранной словесности и художеств» и «Эхо» («Журнал словесности и мод»). Оба они прекратили свое существование после выхода в свет нескольких номеров. В том же году в журнале «Северный Меркурий» Волков опубликовал отрывок из комедии «Ум сердцу не помог» (подражание «Горю от ума» А.С. Грибоедова). У современников он имел репутацию человека с наклонностями авантюриста, есть основания считать его одним из прототипов гооголевского Хлестакова (роль высокопоставленного чиновника Волков с пользой для себя сыграл в г. Устюжне). Исчезновение Волкова из Петербурга, по слухам, было следствием финансовых махинаций с книгопродавцами. В 1838–1841 гг. он являлся сотрудником журнала «Библиотека для чтения», издававшегося О.И. Сенковским. Там Волков печатал свои стихи, преимущественно религиозно-философского и сатирического характера. С 1845 г. он состоял на статской службе в Грязовце (заседатель уездного суда), а с 1848 г. – в Вологде (переводчик в губернском правлении). По данным адрес-календарей к этому времени Волков уже имел чин коллежского советника (соответствующий подполковнику).

Волков Юрий Александрович (1826–1862) – очеркист, литературный и театральный критик, поэт; родился в Пензенской губернии, по происхождению – из дворян Вологодской губернии, племянник П.Г. Волкова. После Саратовской гимназии учился в Московском университете, но курса не окончил. Учителемствовал и был чиновником в Калужской губернии, с 1849 г. служил в Вологде. Печататься начал как поэт романического толка в журнале «Библиотека для чтения». Много путешествовал по Европейской части России, по Уралу и по Сибири, бывал в Северной Америке. С 1853 г. редактировал неофициальную часть «Вологодских губернских ведомостей», часто помещая на страницах газеты собственные сочинения (стихи, очерки, рецензии на театральные спектакли). В годы Крымской войны писал поэтические произведения, проникнутые патриотическим пафосом («Русская правда», «Три картины», «Часовой», «Видение русского»). Тогда же в «Вологодских губернских ведомостях» печатались его «Заметки и впечатления охотника по Вологодской губернии», отличавшиеся как прекрасным знанием северного края, так и литературными достоинствами. С 1856 г. Волков жил в столице, печатался в газете «Санкт-Петербургские ведомости» и журнале «Живописная русская библиотека», совершил поездку в Сибирь с целью изучения работы золотых приисков; вернувшись на берега Невы, продолжил публикацию очерков о путешествиях по Северу, начатую ранее, и представил вниманию читающей публики свой анализ состояния золотопромышленности в Сибири. В «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась серия статей Волкова под общим названием «Литературные впечатления», имеющих полемическую направленность. В 1862 г. он издавал еженедельную газету «Русский листок». Умер Волков в Берлине.

Всесвятский Д. – неустановленный автор небольших книжек стихов, вышедших в Вологде под типовым названием «Посылки из деревни» (1881, 1882, 1883, 1884, 1885, 1888); им предшествовал сборник «Стихотворения самого новенького поэта», с подписью В-ский (1880); по содержанию произведений в этих сборниках можно предполагать, что их писал сельский учитель, вышедший из крестьянской среды; возможно, что Д. Всесвятский – это псевдоним.

Вуич Николай Егорович (1814–1860) – поэт, принадлежал к дворянскому роду сербского происхождения, его отец был вятским губернским прокурором. Получил домашнее воспитание и служил в кавалерии – сначала в Уланском великого князя Михаила Павловича, затем в Гусарском короля Виртембергского полках. Участвовал в подавлении волнений на территории Польши (1831–1832). В 1837 г. вышел в отставку в чине штаб-ротмистра (9 класс по табели о рангах, соответствующий титулярному советнику). Поселился в Вологде, служил в удельной конторе депутатом по Вологодскому, Грязовецкому и Кадниковскому уездам и чиновником особых поручений Вологодской казенной палаты. Был знаком с членами кружка литераторов при Вологодской гимназии, дружил с ссыльным поэтом В.И. Соколовским, которому посвятил стихотворения «Две порь» и «Певец», в 1837 г. поэтически откликнулся на смерть А.С. Пушкина, испытал влияние творческой индивидуальности М.Ю. Лермонтова, публиковал свои произведения в журналах «Галатее», «Отечественные записки» и в «Литературной газете». Стихи Вуича тесно связаны с романтизмом, в них разрабатывались мотивы, характерные для этого литературного направления.

Ганин Алексей Алексеевич (1893–1925) – поэт и прозаик. По происхождению – крестьянин, родился в д. Коншино Кадниковского уезда. После окончания Мочаловского земского и Усть-Кубенского двухклассного училищ работал на заводе, служил приказчиком у купца. В 1914 г. окончил фельдшерско-акушерское училище в Вологде и был сразу же призван в армию. Во время службы в госпиталях познакомился с С.А. Есениным. В 1913–1914 гг. печатал свои стихи в вологодской газете «Эхо». После демобилизации, летом 1917 г., привозил Есенина в Вологду и в Коншино, ездил с ним на Соловки, был поручителем со стороны невесты при бракосочетании З. Райх с Есениным в церкви Кирика и Улиты под Вологдой. С 1920 г. жил в Вологде, работал в культпросвете 6-й армии, учился в Институте народного образования, сотрудничал в журнале «Кооперация Севера», публиковался в газете «Красный Север», выпустил отдельным изданием поэму «Звездный корабль» и несколько литографированных сборников стихов («Вечер», «Красный час», «Кибураба» и др.). Осенью 1923 г. переехал в Москву, где издал сборник «Былинное поле». По тематике творчества был близок к «новокрестьянским» поэтам. Его перу принадлежит также роман-притча «Завтра». Был расстрелян по ложному обвинению в антибольшевистской деятельности.

Герасимов А. — автор, представленный при публикации его стихотворения «Пожар Москвы» в «Прибавлениях к “Журналу Министерства народного просвещения” на 1844 год» как ученик Вологодской гимназии. Другие сведения о нем к настоящему времени не выявлены.

Гиляровский Владимир Алексеевич (1853 или 1855–1935) — прозаик, поэт, очеркист, сотрудник московских газет, имевший репутацию «короля репортеров». Родился в семье помощника управляющего лесным имением графа Олсуфьева в Вологодской губернии. Его отец и мать были потомками запорожцев. С 1860 г. жил в Вологде, учился в губернской гимназии; в 1871 г. бежал из дома, путешествовал по России, переменил множество профессий (бурлак, пожарный, заводской рабочий, табунщик, циркач, актер, солдат и др.). С 1881 г., поселившись в Москве, посвятил себя исключительно литературной деятельности. Первая его публикация — стихотворение «Все-то мне грезится Волга широкая» («Будильник». — 1881. — № 26). Путь журналиста начал в газете «Московский листок», затем на протяжении полутора десятков лет был тесно связан с газетой «Русские ведомости». Он печатался также в журналах «Русская мысль», «Русское слово», «Муравей», «Зритель», «Оса» и в газетах «Современные известия», «Новое время», «Петербургский листок», «Россия». Благодаря злободневным по тематике, богатым по материалу и ярким по стилю репортажам Гиляровский приобрел широкую известность. Он писал о необыкновенных происшествиях, о социальной борьбе, о новостях искусства и о многом другом. Сборник рассказов Гиляровского «Трущобные люди» (1887), в которых описывалась тяжелая жизнь городских низов, был запрещен цензурой. Вышедшая в 1894 г. книга его стихов «Забывтая тетрадь» дважды переиздавалась (1896, 1901). Он был также автором поэтических сборников «Портной Ерошка и тараканы: Быль в стихах» (1901), «Казаки: 1914 год» (1914), «Год войны: Думы и песни» (1915), «Грозный год. 1916», поэм «Петербург» и «Стенька Разин» (1922). Огромный интерес с историко-культурной точки зрения представляют мемуарные книги Гиляровского: «Москва и москвичи» (1926), «Мои скитания» (1928), «Друзья и встречи» (1934), «Люди театра: Повесть актерской жизни» (опубл. 1941), «Москва газетная» (опубл. 1960). Похоронен в Москве.

Гусев Вячеслав Герасимович (1858–?) — родился в г. Вологде, в мящанской семье. Его отец имел дом и занимался огородничеством на участке земли напротив Горбачевского кладбища (северо-западная окраина города). Впоследствии поэт писал, что похоронный звон стал для него с раннего детства «источником беспредметной печали», определившей основную тональность его поэтического творчества. В 1876 и 1877 гг. в Вологде вышли две книжки стихов Гусева: «Новые песни» и «Жизнь и песни за сохой». В 1881 г. он поступил в Московское юнкерское училище, во время пребывания в котором познакомился с поэтом С.Я. Надсоном, только начинавшим свой творческий путь. Помимо этого знакомства, на Гусева-поэта большое влия-

ние оказало общение с Г.И. Успенским, автором широко известных очерков из народной жизни. Юнкерское училище Гусев, по-видимому, не окончил, поселился в Рыбинске и поступил на службу в почтово-телеграфную контору. Мотивируя выбор рода занятий, он писал: «...земля-то у нас на севере не мать-природа, а мачеха. Вот и я тоже бегу от земли куда-нибудь в канцелярию». В Рыбинске в 1897 г. была издана третья книга стихов Гусева «Вечерний звон», хорошо принятая критикой. Сочувственной рецензией на нее отозвался Ап. Коринфский.

Дорогин Николай Николаевич (1876–1903) – родился в крестьянской семье в с. Ирхино Вологодского уезда. Его отец был скупщиком рыбы («прасолом»). В 1888 г. Дорогин окончил Кубенскую центральную земскую школу. Он пристрастился к чтению книг и испытывал тягу к знаниям. Родители хотели определить сына в Вологодскую гимназию, но отказались от своего намерения, обнаружив у мальчика болезнь глаз. Ему пришлось стать помощником отца в торговле рыбой, а затем – сидельцем в винных лавках с. Кубенского. Дорогин тяготился сознанием своей причастности к спаиванию народа, хотел сдать экстерном экзамены, чтобы получить право быть учителем начальной школы. Однако времени на серьезную подготовку у него не оставалось. Доведенный до отчаяния, он застрелился в один из декабрьских вечеров на крыльце родительского дома. Стихи Дорогин писал с середины 1890-х гг., но печатать их не торопился. Известны три публикации его поэтических опытов: «Молитва» (Кормчий. – 1898. – № 23), «Ох, какое время...» (Вологодские губернские ведомости. – Часть неофициальная. – 1899. – № 223) и «Памяти Евгения Светлозарова» (Северный край. – 1903. – № 163). Сведения о нем и автографы его неопубликованных стихов сохранились в коллекции П.А. Дилакторского (ГАО, фонд 4389, оп. 1, ед. хр. № 337 и 369). Судя по пометам, известный краевед и библиограф готовил произведения Дорогина к изданию. Особый интерес с точки зрения краеведения представляет рукопись большой поэмы «Рыбаки» (500 стихов).

Евгений (в миру Ефимий Алексеевич Болховитинов, 1767–1837) – деятель Русской православной церкви; на культурном поприще проявил себя как педагог, археограф, историк, библиограф, переводчик, поэт. Родился в Воронеже в семье священника, учился в Воронежской духовной семинарии, в Славяно-греко-латинской академии, посещал лекции в Московском университете. В пору юности был близок с Н.И. Новиковым и его кружком. Литературную деятельность начал как переводчик французских книг философско-просветительского характера. Тогда же начал писать стихи, в которых сказалось влияние поэзии Н.М. Карамзина. С 1789 г. жил в Воронеже, был преподавателем, библиотекарем, ректором Воронежской духовной семинарии, соборным протоиереем в г. Павловске (на Дону), интересовался театром, возглавлял литературный кружок, вел разыскания в местных архивах. В 1799 г. переехал в Петербург и принял монашество. Был учителем философии, высшего

красноречия и префектом Александро-Невской духовной академии, занимался сбором автобиографий деятелей русской культуры. С 1804 г. – викарий (заместитель епископа) в Новгороде, с 1808 – епископ в Вологде, а с 1813 – в Калуге. В 1816–1822 гг. – архиепископ Псковский, Лифляндский и Курляндский. С 1822 г. – митрополит Киевский и Галицкий, член Синода. Служение церкви постоянно совмещал с культурно-просветительской, собирательской и исследовательской деятельностью. Являлся членом Петербургской Академии наук и Российской академии, а также членом ряда ученых обществ; главный его труд – фундаментальный «Словарь русских писателей» (полный текст издан в 1845 г.). Похоронен высокопреосвященный Евгений в Киеве.

Евдокимов Иван Васильевич (1887–1941) – писатель, искусствовед. Родился в Кронштадте, в семье кубеноозерского крестьянина, отбывавшего воинскую повинность. Детство провел среди кронштадтских матросов и в местечке Сяма Вологодского уезда. В годы Первой русской революции принимал участие в деятельности Вологодской большевистской организации. С 1908 г. публиковался в местных периодических изданиях. В 1911 г. сдал экстерном экзамен на аттестат зрелости в Вологде. Учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Будучи студентом, выпустил книгу стихов «Городские сменя». После революции жил в Вологде, заведовал библиотекой Молочного института и школой в деревне Агафоново, читал лекции в Институте народного образования и в Пролетарском университете. С 1922 г. работал в Государственном издательстве (ГИЗ) в Москве. Автор романов «Колокола», «Чистые пруды», «Заозерье», «Жар-птица», повестей «Сиверко», «Дорога», новелл «Медведи», «Борки и Овражки», «Офицерские жень», обширного труда «Север в истории русского искусства», книг о художниках (Врубеле, Сурикове, Левитане и др.). Был знаком с С.А. Есениным, принимал участие в подготовке к изданию первого собрания сочинений поэта, собирал и публиковал воспоминания о нем.

Ерзовский Николай Ильич (1901–?) – сын великоустюжского мещанина, автор сборника «Стихи и песни», изданного литературно-шахматным кружком в 1917 г. в Великом Устюге. Окончил три класса приходского училища и гимназию в родном городе. Другие сведения о нем не выявлены.

Жаков Калистрат Фалалеевич (1866–1926) – писатель, педагог и ученый, создатель оригинальной теории познания – лимитизма. Родился в крестьянской коми-зырянской семье, в д. Давпон Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. Окончил Усть-Сысольское уездное училище и Тотемскую учительскую семинарию. С 1886 по 1889 г. учился в Вологодском реальном училище, давал уроки и служил писарем в окружном суде. В 1896 г. сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости в Вологодской гимназии. Учился в Лесном институте в Петербурге, был послушником в Заозерской пустыни близ Вологды. Учился в Киевском университете, в 1901 г. окончил историко-

филологический факультет Петербургского университета. Преподавал в Петербургском университете, в Психоневрологическом институте и на различных образовательных курсах. Руководил литературным и историко-философским кружками. Участвовал в этнографических экспедициях на Север. Делал литературные обработки фольклора коми. Писал философские и этнографические труды. Публиковался в вологодских, вятских и рыбнских газетах. Был членом Вологодского общества изучения Северного края. Выступал с лекциями в Вологде. С 1917 г. жил в Эстонии и Латвии. Умер и похоронен в Риге.

Заварин Михаил Антонович – сведения об авторе исчерпываются данными, приведенными в примечаниях к его Канту I на Рождество Христово.

Засодимский Михаил Андреевич (1746–1821) – поэт и переводчик, автор историко-топографических сочинений; сын бедного сельского дьячка; окончил Вологодскую семинарию, учился в Славяно-греко-латинской академии и в Московском университете; был учителем семинарии и народного училища в Вологде, секретарем губернского магистрата, столоначальником Казенной палаты, смотрителем Вологодского уездного училища; дослужился до чина надворного советника, стал «именитым гражданином» Вологды, получил право на потомственное дворянство. Был одним из наставников М.Н. Муравьева-поэта в начале его творческого пути. Его внук, известный писатель-народник П.В. Засодимский (см.), писал в своих воспоминаниях: «Дед мой с отцовской стороны, Михаил Андреевич, был <...> в своем роде человек довольно замечательный. Сын бедного сельского священника, он, по окончании курса в Вологодской семинарии, отправился пешком доучиваться в Москву и здесь поступил в Славяно-греко-латинскую академию, а по окончании академического курса слушал лекции в Московском университете. По выходе из университета он несколько времени давал уроки в домах тогдашней московской знати, а затем был сделан смотрителем, т. е., понынешнему, инспектором Вологодской гимназии и учителем греческого и французского языка. Он первый стал преподавать в Вологодской семинарии французский язык: до него кафедры этого языка не существовало. Очевидно, дед мой был человек энергичный, даровитый, с сильным характером, но, как видно, не честолюбивый. Он много писал и в прозе и в стихах; особенно легко давались ему стихи. Стихами он даже переписывался со своими сановитыми друзьями. Он, между прочим, был в очень дружеских отношениях и состоял в постоянной переписке с Петром Васильевичем Лопухиным, занимавшим в ту пору какой-то важный пост. Вологжане за различные заслуги избрали моего деда в «именитые» граждане г. Вологды, и добрая память о нем долго сохранялась в среде вологодских старожилов начала прошлого столетия...»

Засодимский Павел Владимирович (1843–1912) – прозаик, публицист, критик, журналист, близкий к народникам. Родился в Великом Устюге

в небогатой дворянской семье. Писатель считал, что интерес к занятиям литературой унаследован им от деда Михаила Андреевича, вологодского педагога и чиновника, переводившего иностранных авторов, писавшего сочинения историко-топографического характера, стихи в духе классицизма, а также руководившего юным М.Н. Муравьевым при вступлении на поэтическое поприще. Детство П.В. Засодимского прошло в Никольске и его окрестностях. Он, как и его дед, окончил Вологодскую гимназию; учился на юридическом факультете Петербургского университета; в 1868–1869 гг. жил в Вологде; публиковался в петербургских журналах «Дело», «Детское чтение», «Отечественные записки», «Слово», «Русское богатство» и др.; в печати выступал под псевдонимами Вологдин, Вологжанин, Скиталец и др. Наиболее известные его произведения – романы «Хроника села Смурина», «По градам и весям», «Грех», где представлены яркие типы крестьян и обозначены острые проблемы пореформенной деревенской жизни. Хотя именно романы принесли Засодимскому известность, он работал в разных жанрах: писал повести, рассказы, очерки, публицистические и критические статьи, сказки и бывальщины, педагогические сочинения и историко-политические трактаты. Приходилось ему заниматься и редакторской работой. Самым ярким периодом в истории народнического журнала «Слово» оказались те несколько месяцев, в течение которых его редактировал Засодимский. Это был литератор-труженик, относившийся к писательству как средству воздействия на умы современников, заботившийся не столько о форме и художественной отделке своих произведений, сколько о воплощении в них насущных требований жизни. Материальная нужда, гонения со стороны властей вынуждали Засодимского часто переезжать с места на место. Страшится по родной Вологодской, Тверской, Новгородской, Тамбовской, Пензенской губерниям были сопряжены с немалыми житейскими трудностями, но обогащали Засодимского как писателя новыми впечатлениями, давали ему материал для творчества. Поэтическому творчеству он отдал дань в молодости, когда на него нашла «охота смертная» писать стихи. В печати появились лишь немногие из них.

Зубов Владимир Юльевич (1865–1932) – поэт, земский деятель, первый из одиннадцати детей Ю.М. Зубова (см.). Его детство прошло в отцовском имении Кузнецово. С 12 лет находился в 4-м Московском кадетском корпусе. Стихи начал сочинять с 16 лет. Помещал свои поэтические опыты («Одалиска», «Заключенный», «Энцо», «Водяницы») в журнале «Досуг», где публиковались произведения учащихся этого корпуса и студенток Александровского института благородных девиц. Помимо того, пытался переводить на русский язык произведения Данте, Шекспира и Гёйне. После выпуска поступил вольноопределяющимся в 149-й Черноморский полк, расквартированный в Кутаиси. В 1886 г. вышел в отставку и вернулся домой, служил в канцелярии Калниковского уездного предводителя дворянства, безуспешно искал места в Петербурге. В 1891 г. стал земским начальником 4-го участка

Кадниковского уезда и обосновался в имении Кубин Бор, подаренном ему отцом. Продвигаясь по службе, вел образ жизни просвещенного помещика: много читал, писал стихи, музицировал. Свои поэтические произведения помещал в домашнем журнале «Кузнецовская хроника». Дослужился до чина статского советника (5 класс по табели о рангах, по значимости – промежуточный между полковником и генерал-майором). В годы революции был арестован большевиками, отправлен из Вологды в Москву на Лубянку по подозрению в причастности к контрреволюционному заговору, затем освобожден. После реквизиции Кубина Бора в 1925 г. советской властью переселился в Вологду, где и жил до самой смерти, с трудом находя работу и испытывая материальные трудности. У потомков В.Ю. Зубова сохранилось более 50 текстов его стихотворений.

Зубов Юлий Михайлович (1839–1922) – поэт, культуролог, изобретатель, земский деятель, путешественник. Принадлежал к старинному дворянскому роду. Приходился отцом В.Ю. Зубову (см.). Родился в г. Тихвине в семье военного инженера, занимавшегося строительством Тихвинской системы каналов, переустройством Вытегорского канала Мариинской водной системы, а затем ставшего городским архитектором г. Вологды. Ю.М. Зубов окончил Вологодскую гимназию, путешествовал по Франции и Алжиру с актерским театром, служил в Министерстве иностранных дел, был вольнослушателем естественного факультета Петербургского университета. Он владел имением Кузнецово в Кадниковском уезде, имел 11 детей. Входил в комиссию по вопросу о железных дорогах и отстаивал идею соединения водным путем Вологды с Рыбинском для развития торговли с Европой через незамерзающие порты Баренцева моря. Более 40 лет Зубов прослужил в звании гласного Вологодского губернского земства. Был также мировым посредником Кадниковского уезда, почетным мировым судьей Кадниковского судебного округа, мировым судьей 4-го судебного участка Вологодского судебного округа, членом многочисленных комиссий, председателем Кадниковского общества трезвости, членом Петербургского аэроклуба и Киевского общества воздухоплавания. Способствовал открытию в Кадникове бесплатной народной библиотеки и на свои деньги построил большой зимний общедоступный театр. С 1892 г. – помощник предводителя дворянства, с 1914 – предводитель дворянства Кадниковского уезда. Дослужился до чина статского советника (5 класс по табели о рангах, по значимости – промежуточный между полковником и генерал-майором), имел ордена св. Анны 2 и 3 степени и св. Станислава 3 степени. Бывал в Германии, Италии, Испании, Португалии, Бразилии, на острове Мадейра и на Канарских островах, на Таити, в Океании. Впечатления от поездок по Северу России отразил в двух книгах путевых очерков: «От Вологды до Усть-Кулома» и «Поездка по Вологодской губернии». Зубов написал поэмы «Исповедь», «Вперед» (хранятся в семейном архиве), «На Юг!» (вышла отдельным изданием в 1890 г.), драмы «Царство света» (с включением оперных и балетных партий), работал над книгой воспоминаний (рукопись

не сохранилась). Из-под его пера вышло около 500 стихотворений. Произведения Ю.М. Зубова публиковались в журнале «Семейный вечер» и в газете «Вологодские губернские ведомости». После революции имение Кузнецово было реквизировано советской властью. Свой дом семья Зубова смогла сохранить за собой до весны 1925 г. лишь благодаря заступничеству М. Горького. Умер Ю.М. Зубов от гангрены на ноге.

Иваницкий Николай Александрович (1847–1899) – этнограф, ботаник, фольклорист, поэт и переводчик. Родился в Вологде, в обедневшей дворянской семье, его отец был учителем губернской гимназии. Сам Н.А. Иваницкий окончил гимназию в Петербурге, там же учился в военно-юридическом училище. В пору студенчества сблизился с революционно-демократической интеллигенцией (с критиком Д.И. Писаревым, писательницей Марко Вовчок и др.). Как политически неблагонадежный был выслан из столицы в Вологодскую губернию; служил мелким чиновником в Вологде, Тотьме, Вытегре, Грязовце, Великом Устюге, Никольске, Усть-Сысольске, Кадникове, Петрозаводске, Ярославле, Архангельске. Разрешения вернуться в Петербург он добиться не смог. В ссылке Иваницкий много занимался самообразованием. Переводил западноевропейских поэтов (В. Скотта, Л. Уланда, Ф. Рюккерта, Й. Эйхендорфа, Г. Гейне), написал более 100 оригинальных стихотворений, преимущественно лирико-медитативного характера. Первая публикация (стихотворения «Вставала бледная заря...», «Пустынными, забытыми полями...») появилась в журнале «Дело» (1871. – № 6). Печатался также в журналах «Наблюдатель», «Всемирная иллюстрация», «Русский паломник», «Детский отдых», в газетах «Русский курьер» и «Неделя». Иваницкий серьезно занимался ботаникой, о чем свидетельствует цикл его очерков «Ботаническая прогулка из Вологды на Печору», появившийся в «Вологодских губернских ведомостях» (1882. – №№ 32–36). Но наиболее значительный вклад сделан им в изучение народной культуры. Результаты этой работы воплотились в капитальном труде «Материалы по этнографии Вологодской губернии», изданном в 1890 г., и в очерках, публиковавшихся в «Вологодском листке», «Вологодских губернских ведомостях», в журнале «Живая старина». За «Материалы...» Иваницкий был избран в действительные члены Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете и удостоен серебряной медали. Умер он от тифа в Уссурийском крае, куда прибыл вместе с партией переселенцев.

Иваницкий Николай Иванович (1816–1858) – педагог и литератор; происходил из обер-офицерских детей (рожденных до получения их отцами чинов, дающих потомственное дворянство). Родился в д. Широгорье Вологодского уезда; с 1823 г. жил в Вологде, окончил Вологодскую гимназию и философский факультет Петербургского университета. В гимназические годы участвовал в выпуске рукописного журнала «Василек» и помещал в нем свои стихотворные опыты; пробовал силы в переводах с польского и немец-

кого. Будучи студентом, пользовался покровительством известных литераторов А.В. Никитенко и П.А. Плетнева, познакомился со многими писателями, видел А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя, оставил воспоминания о них. После университета был назначен директором Псковской гимназии. В 1840–1844 гг. преподавал русский язык, словесность и логику в Вологодской гимназии, проявил себя как талантливый педагог, пользовался уважением начальства и учащихся; вместе со старшим братом Александром, учителем математики, входил в литературный кружок Ф.Н. Фортунатова. С середины 1844 г. жил в столице, преподавал в Корпусе инженерных путей сообщения и в 5-й петербургской гимназии. С 1853 г. до конца жизни снова занимал пост директора Псковской гимназии. Кроме стихов, Иваницкий писал педагогические работы и учебные пособия. Среди его сочинений есть повесть «Наталин день», драма «За короля» (по В. Скотту), литературно-публицистическая статья «К русским поэтам», историко-краеведческий труд «Исследования о времени основания Пскова», мемуары. Он публиковал записи обрядового фольклора («Причитанье невесты в Вологодской губернии»). Его воспоминания и дневник содержат ценные сведения по истории культуры второй четверти XIX в. Н.И. Иваницкий публиковался в газете «Вологодские губернские ведомости», в журналах «Мая», «Современник», «Отечественные записки», «Москвитянин». Н.А. Иваницкому он приходился дядей.

Игнатий (в миру Дмитрий Александрович Брянчанинов, 1807–1867) – святитель, епископ, духовный писатель-богослов и публицист. Представитель младшей ветви дворянского рода Брянчаниновых. Родился и провел детство в имении Покровское Грязовецкого уезда. Окончил Петербургское военное инженерное училище, во время пребывания в котором удостоился благосклонного внимания императора. В 1827 г. вышел в отставку по болезни и, добившись разрешения Николая I, стал послушником в монастыре, а в 1831 г. принял монашество с именем Игнатий. В 1834 г. возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Троице-Сергиевой пустыни под Петербургом. С 1857 г. был епископом Кавказским и Черноморским с кафедрой в Ставрополе. В 1861 г. получил разрешение Александра II поселиться на покое в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии, где жил до кончины и был погребен в склепе церкви преподобного Сергия Радонежского. В 1988 г. Русская православная церковь причислила святителя Игнатия к лику святых, а его мощи были перенесены в Ярославский Толгский монастырь. Он является автором религиозно-символических и назидательно-богословских сочинений («Иосиф. Священная повесть, заимствованная из Книги Бытия» и др.). Главный его труд, «Аскетические опыты», посвящен исканию путей единения человека с Богом. Он также составлял краткие жития святых, описания монастырей, переводил произведения святоотеческой литературы. Характерной особенностью писательской манеры святителя является повышенное внимание к стилю, стремление к ясности и простоте изложения. Многие его произведения похожи на стихотворения в прозе. Он живо

интересовался духовным состоянием современной культуры, переписывался с К.П. Брюлловым и М.И. Глинкой, полемизировал с А.И. Герценом, откликнулся на книгу Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» обстоятельным письмом-рецензией. В русскую литературу святитель Игнатий вошел не только как создатель художественно значимых текстов, но и как персонаж. Реальные факты его биографии нашли отражение в повести Н.С. Лескова «Инженеры-бессребренники». Он является одним из вероятных прототипов старца Зосимы, героя романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Ильинский Николай Степанович (1761–1846) – поэт, мемуарист, историк-краевед. Родился в Вологде, в семье церковного певчего. Его деды по отцовской и материнской линии были священниками. Отец будущего поэта первоначально носил фамилию Шафранов, Ильинским он стал именоваться во время обучения в Вологодской семинарии. Сам Николай Степанович получил скромное домашнее образование, службу начал копиистом в Коммерц-коллегии (Петербург). Затем был переведен в Казенную палату во Псков, где прослужил около 12 лет и успешно занимался поставками соли из Поволжья. В 1796 г. вернулся в Петербург и жил там до конца своих дней. Был членом Конторы о запасных магазейнах. С 1800 г. состоял в Комиссии законов. Дослужился до чина статского советника. В круг его знакомых входили литераторы М.Д. Чулков, А.Ф. Бестужев, Г.Р. Державин, А.Н. Радищев. Не разделяя философско-политических воззрений последнего, Ильинский, тем не менее, сочувствовал ему как человеку, на долю которого выпала трудная участь. Первые выступления Ильинского в печати относятся к рубежу 1780–1790-х гг. Помимо помещенных в настоящем издании произведений, отдельными книжками вышли его стихотворения «На взятие Очакова», «Ода на счастье другу моему А.И. Сколковскому», «Изображение человека», «В память славному мужу нижегородскому купцу Козьме Минину». Свод своих поэтических опытов Ильинский представил в книге «Разные стихотворения, сочиненные во Пскове Н... И..., а напечатанные другом его В<асилием> С<опиковым>». Им был также написан труд «Историческое описание города Пскова... составленное из многих древних летописцев, надписей, записок и российской истории» (ч. 1–6). Большой историко-культурный интерес представляют его «Воспоминания», доведенные до 1810 г. В их начальных разделах дана яркая картина повседневного быта Вологды 1760-х гг.

Иннокентий (в миру Иван Алексеевич Борисов, 1800–1857) – архиепископ Херсонский и Таврический, духовный писатель, проповедник. Родился в г. Ельце Орловской губернии в семье священника. Окончил Воронежское уездное училище, Орловскую духовную семинарию и был направлен для продолжения образования в Киевскую духовную академию. Уже в детстве обнаружил выдающиеся способности, в годы учебы в Киеве сфор-

мировался его талант проповедника, обративший на себя внимание Евгения (Болховитинова). Много занимался самообразованием, расширяя кругозор по различным отраслям знания. Окончив в 1823 г. Киевскую духовную академию со степенью магистра, был назначен инспектором и профессором церковной истории и греческого языка Петербургской духовной семинарии, а затем – ректором Петербургского Александро-Невского духовного училища. В конце того же года принял монашество. В 1824 г. был переведен бакалавром богословия в Петербургскую духовную академию и вскоре получил там степень экстраординарного профессора богословия, а в 1829 – степень доктора богословия. В 1826 г. иеромонах Иннокентий был возведен в сан архимандрита. В 1830–1841 гг. занимал пост ректора Киевской духовной академии, основал при этой академии журнал «Воскресное чтение». Снискав признание как проповедник и духовный писатель, был избран в 1836 г. членом Российской академии по отделению русского языка и словесности. С 1 марта по 31 декабря 1840 г. управлял Вологодской епархией, способствовал развитию здесь духовного образования, занимался изучением местных древностей, впоследствии издал в Киеве получивший широкую известность сборник «Слова к пастве вологодской». Затем стал главой Харьковской, а с 1848 г. – Херсонско-Таврической епархий. Во время Крымской войны выезжал с проповедями в действующую армию. Преосвященный Иннокентий общался с Н.В. Гоголем, А.С. Хомяковым, С.П. Шевыревым, М.П. Погодиным и другими выдающимися деятелями русской культуры. Похоронен в Одессе.

Историков Григорий Парменович (1826–1894) – поэт-самоучка из крепостных крестьян графини В.Н. Спренгпортен (урожденной Замышской). Родился на р. Обноре, в д. Петров Починок Грязовецкого уезда. Рано лишился отца и с детских лет приобщился к тяжелому сельскому труду. На десятом году начал самостоятельно учиться читать и переплетать книги. В пятнадцатилетнем возрасте был отправлен в Петербург, где жила графиня. По желанию мальчика его отдали в переплетную мастерскую. Там он не только приобщался к переплетному делу, но и постигал азы рисования, черчения, топографии, обретал навыки чтения по-гречески и по-латыни. Тогда же Историков начал писать стихи, остро ощущая недостаток образования и специальной литературной подготовки. Окружающие насмешливо относились к его поэтическим опытам, хозяин мастерской считал их блажью, достойной сурового наказания, графиня устраивала гостям читки «произведений» своего крепостного для потехи. Через 5 лет закончился срок ученичества в мастерской, Историков стал подмастерьем с жалованьем 20 рублей ассигнациями, из которых должен был платить оброк графине. Военную службу он нес в 7-м флотском экипаже, был квартирмейстером в Кронштадте. В 1868 г. вышел в отставку в звании унтер-офицера, жил в Петербурге и в родной деревне, женился, вызвав гнев барыни за то, что получил лучшую девку без ее ведома. Кормился переплетным ремеслом, занимался также земледелием, но не очень успешно. Вел записки по огородничеству и садоводству, приоб-

ретал книги на свои скудные средства. В последние годы жизни бедствовал, собирал милостыню. Тематика стихов Историкова разнообразна (родные места, крестьянская жизнь, достопримечательности Петербурга, исторические события, знаменитые люди). Он пробовал также писать и автобиографическую прозу («Поездка Историкова в Питер» и др.).

Касаткин Сергей Александрович (1860–1920) – поэт из дворянской семьи, имевшей родовую усадьбу в Вологодской губернии; во второй половине 1910-х гг. был товарищем председателя Петроградского окружного суда; публиковал свои стихи в столичных журналах «Альбом барышни», «Нива», «Русское обозрение» и др.; выпустил в Петербурге два поэтических сборника («Шалости пера», 1892 и «Omnia vincit amor...», 1900); пользовался псевдонимами К-н, С. А., С. К., С. Кречетов и др.; биографические сведения о нем не выявлены; его принадлежность к литературе Вологодского края устанавливается на основании данных, приведенных в кн.: Дилакторский П.А. Вологжане-писатели. – Вологда, 1899. – С. 43; Венгеров С. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. – Изд. 2-е, перераб. – Т. 1. – Пг., 1915. – С. 355.

Кедровский Иван – поэт и прозаик, сведения об авторе не выявлены.

Киснемский Семен Петрович (1859–1906) – поэт, прозаик и журналист. Родился в Белозерском уезде в семье офицера из обедневших дворян. Его фамилия, по-видимому, исторически связана с названием поселения Киснемский погост, которое некогда существовало на северном берегу Белого озера, на месте первоначального расположения древнерусского города Белоозеро. Будущий поэт учился в Новгородской и 3-й петербургской гимназиях, но по недостатку средств курса не закончил. Свою трудовую жизнь начал как мелкий типографский служащий, затем был контролером на конно-железной дороге. Со второй половины 1880-х гг. основным источником средств существования для него стала литературная работа. Первым его стихотворением, появившимся в печати, было «Богатство бедняка» (Русское богатство. – 1885. – № 9). Свои произведения публиковал преимущественно в газете «Свет» и в журнале «Колосья» (он был секретарем редакций обоих этих изданий). Сотрудничал также в юмористических журналах «Будильник», «Осколки», «Развлечение», «Стрекоза», «Шут», в газете «Рижский вестник». Его произведения появлялись в журналах «Живописное обозрение», «Новый век», «Новая иллюстрация», «Русский паломник». В 1903–1905 гг. был издателем-редактором журнала «Страховые ведомости». Киснемский – автор двух поэм («Куликовская битва» и «Шипкинский бой» – 1888), двух романов («Темный рыцарь» – 1902 и «Предсказания ворожей» – 1905), сборника литературных обработок фольклора «Сказки страшные и смешные» (1902), драмы из купеческой жизни «В чем наша сила» (издана посмертно).

Кичин Василий Евгеньевич – учитель, этнограф, статистик, исследователь истории и народной культуры Усть-Сысольского и Кадниковского уездов; сын известного краеведа Е.В. Кичина; окончил Вологодскую губернскую гимназию; преподавал в Вологодском уездном училище и Мариинской женской гимназии, был смотрителем Усть-Сысольского уездного училища, затем инспектором народных училищ Вологодской губернии; в 1860-х гг. сотрудничал в «Вологодских губернских ведомостях», где публиковал свои статьи («Свадебные обряды в Васьяновской волости Кадниковского уезда», «Святки в селе Троицком Кадниковского уезда» и др.).

Клепиков Константин – публикуя стихотворение «Молитвенная песнь св. Стефану Пермскому» этого автора в № 9 за 1896 г. «Прибавлений к “Вологодским епархиальным ведомостям”», редакция представила его как ученика первого класса Вологодской семинарии. Другие сведения о Клепикове не выявлены.

Клюев Николай Алексеевич (1884–1937) – поэт и прозаик, собиратель фольклора, один из наиболее ярких представителей «новокрестьянской поэзии» и «религиозного народничества» в русской литературе начала XX в., член литературной группы «Скифы». Родился в Коштутской волости Вытегорского уезда в семье выходца из крестьян, учился в церковно-приходской школе, в городском училище, в Петрозаводской фельдшерской школе. За революционную агитацию среди крестьян подвергался заключению в Вытегорской и Петрозаводской тюрьмах. В 1913–1915, 1918–1923 гг. жил на родине, затем – в Петербурге и Москве. Революцию принял восторженно, но быстро разочаровался в ней, так как она не воплотила в жизнь крестьянские идеалы. Состоял в Российской коммунистической партии, но был из нее исключен. Первые стихи опубликовал в 1904 г. Испытал в раннем творчестве влияние символистов, был близок к Есенину, но всегда стоял в литературе особняком. Выпустил поэтические книги «Сосен перезвон», «Братские песни», «Лесные были», «Мирские думы», «Избьяные песни», «Львиный хлеб» и др., а также поэмы «Заозерье», «Деревня», «Соловки», «Погорельщина» и др. Был репрессирован, выслан в 1934 г. в Томск и там расстрелян.

Коншин Николай Михайлович (1793–1859) – поэт. Родился в Вологде, в дворянской семье. Первоначальное образование получил дома, учился в Вологодской гимназии и был отослан для определения на службу в Петербург. С 1811 г. – в лейб-гвардии Артиллерийском батальоне (сначала фейерверкер, затем прапорщик). Во время войны 1812 г. находился под Смоленском и в Брянске, в 1814 г. – на территории Польни, но непосредственно участвовать в боевых действиях ему не довелось. Во второй половине 1810-х гг. начал интересоваться литературой. С 1819 г. в составе Нейшлотского пехотного полка служил в Финляндии, где познакомился с Е.А. Баратынским, поступившим в роту, которой он командовал, унтер-офицером. Это знакомство

способствовало вступлению Коншина на путь поэтического творчества. Основные жанры его стихов – элегия и послание. В них также присутствуют анакреонтические и сатирические мотивы, а со второй половины 1820-х гг. – философские. Реакция верхов общества на сатирические куплеты, написанные совместно с Баратынским, побудила Коншина покинуть поприще военного. Он был чиновником в Костроме, Твери, занимал пост правителя канцелярии главноуправляющего Царским Селом, к началу 1830-х гг. дослужился до чина надворного советника. Принадлежал к литераторам дельвиговского круга, общался с А.С. Пушкиным и состоял с ним в переписке. Издал (совместно с Е.Ф. Розеном) альманах «Царское Село», где были помещены 3 стихотворения А.С. Пушкина («Зимнее утро», «Загадка», «Из Гафиза»). Коншин писал и прозаические произведения (новель «Остров на Садовом озере», роман «Граф Оболенский, или Смоленск в 1812 году. Рассказ инвалида» и др.). Печатался он в «Литературной газете», в журналах «Благонамеренный», «Соревнователь просвещения и благотворения», «Маяк», «Москвитянин», в альманахах «Новоселье», «Северные цветы», «Полярная звезда», «Мнемозина» и в др. изданиях. Занимался он также историческими изысканиями, оставил воспоминания о литераторах-современниках. В конце жизни был директором 4-й московской гимназии, Демидовского лицея в Ярославле, получил назначение на должность главного инспектора училищ Западной Сибири, но скончался в Омске, не успев вступить в эту должность.

Красов Василий Иванович (1810–1854) – поэт и переводчик, родился в г. Кадникове, был сыном священника села Флоровского; окончив духовное училище, четыре года провел в Вологодской семинарии, где начал писать стихи; из семинарии ушел, не завершив курса, и поступил на словесный факультет Московского университета. Слушал лекции тогдашних светил исторических и словесных наук (М.Т. Каченовского, Н.И. Надеждина, М.П. Погодина, С.П. Шевырева), был членом литературно-философского кружка Н.В. Станкевича, в который входили К.С. Аксаков, М.А. Бакунин, В.Г. Белинский, Т.Н. Грановский и др. видные деятели русской культуры. На страницах печати Красов впервые выступил как автор стихотворения «Куликово поле» (Телескоп. – 1832. – Ч. XI. – № 19). К этому времени в университетской среде он уже был признанным поэтом. Получив степень кандидата, учительствовал в Черниговской гимназии, читал в Киевском университете риторiku и теорию поэзии; после неудачной попытки защитить диссертацию на звание доктора общей словесности, миновав магистерскую степень, вернулся в Москву, давал частные уроки, преподавал в гимназии и в кадетских корпусах, увлеченно занимался русской историей; печатался в газете «Молва», в журналах «Телескоп», «Московский наблюдатель», «Библиотека для чтения», «Киевлянин», «Отечественные записки». В 1840-х гг. сблизился с А.В. Кольцовым и испытал заметное влияние его поэзии. Отдельной книгой стихотворения Красова впервые были изданы лишь после его смерти, в 1859 г. В состав его наследия, наряду с оригинальными лирическими произведе-

ниями, входят переводы из Овидия, Гете, Гейне. Умер Красов от чахотки и был похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

Круглов Александр Васильевич (1852–1915) – прозаик, поэт, журналист, мемуарист. Родился в Великом Устюге в семье смотрителя уездного училища. Мать была дочерью богатого вологодского помещика. Детство и юность Круглова прошли в Вологде, в доме деда. Образование он получал в уездном училище и в губернской гимназии, из которой был исключен за «безумную выходку». Окончил педагогические курсы, учительствовал, работал корректором, был сверхштатным чиновником особых поручений в Вологодской казенной палате. В 1870 г. газета «Русская летопись» опубликовала первые его корреспонденции. Затем в петербургской газете «Неделя» и в журналах «Гражданин», «Дело», «Иллюстрированная неделя», «Искра» стали появляться написанные им стихи, рассказы, очерки о Вологде и Вологодском крае. В 1873 г. Круглов принял решение посвятить себя литературе, переехал в Петербург. Сильное влияние на образ мыслей и творческие устремления молодого писателя оказало общение с Ф.М. Достоевским. Публикуясь в газете «Русская мысль», в «Ремесленной газете», в журналах «Библиотека дешевая и общедоступная», «Детское чтение», «Семья и школа», «Пчела», «Русская речь», Круглов сформировался как писатель-просветитель народного толка. К нему пришел литературный успех. Он стал одним из популярных авторов книг для малышей («За мною, детки» – 1888, «Маленьким читателям» – 1898). Детям постарше предназначались сборники его стихов и рассказов («Подарок на елку» и «Зимние досуги» – 1880, «Незабудки» – 1885), а также повести («Иван Иванович и компания» – 1882, «Большая» – 1883, «За чужим горбом» – 1890 и др.). Большинство этих книг выдержало несколько изданий. Кругловым был написан цикл статей о детской литературе. Ориентируясь на взрослую публику, он издал три поэтических сборника («Стихотворения» – 1897, «Любовь и истина» – 1899, «Вечерние песни» – 1912). Его наблюдения над современной жизнью воплотились в сборниках очерков и рассказов «Господа земцы» (1887), «Господа крестьяне» (1897), «Потревоженные» (1909), в романах «Свои – чужие» (1893), «Немудреное счастье» (1895) и др. произведениях. На склоне лет Круглов издавал журнал «Дневник писателя» (с 1910 г. – «Светоч и дневник писателя»). Умер он и похоронен в Сергиевом Посаде под Москвой.

Крылов Александр Абрамович (1798 или 1793–1829) – поэт, переводчик и критик; родился в дворянской семье в Вытегре; окончил Олонекскую губернскую гимназию и Петербургский педагогический институт; служил надзирателем в Петербургском училище глухонемых и смотрителем Тихвинского училища; был членом Вольного общества российской словесности и Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Первая его публикация появилась в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» (перевод фрагмента из поэмы Ж. Делиля «Воображение»). Кроме

этого периодического издания, печатал свои произведения в журнале «Благонамеренный» и в альманахе «Северные цветы». В его творчестве сказывалось влияние французских поэтов рубежа XVIII–XIX вв. Ш. Мильвуа и Э. Парни. Наибольшее признание получил как автор любовных элегий («Разлука», «Весна», «Недоверчивость»). Поддерживал дружеские связи с Е.А. Баратынским, А.А. Дельвигом, В.К. Кюхельбекером, П.А. Плетневым. С 1821 г. жил в своем имении в Тихвинском уезде Новгородской губернии, общался с местной интеллигенцией, написал обстоятельный критический «Разбор “Херсониды”, поэмы Боброва». С середины 1820-х гг. вел замкнутый образ жизни, много читал, изучал итальянский язык, под впечатлением от произведений Вальтера Скотта и «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина задумал написать роман на материале русской истории XVII в. В конце 1828 г. болезненная меланхолия, постепенно овладевавшая им, превратилась в тяжелое психическое расстройство, которое усугублялось тем, что он ослеп. Был похоронен на Пашсосерском погосте в Тихвинском уезде.

Кун Александр – автор изданных в Вологде книжек: «Еще смесь: Собр. стих. нового поэта 2-го» (1870); «Еще смесь. Собр. стих. А. Куна. Вып. 2» и «Прибавления к вып. 2» (1872), «Стихотворения: 1873 – 1876» (1878); Помимо лирических стихотворений, его перу принадлежат драматическая фантазия «Семирамида», перевод комедии Ж. Расина «Сутяги» и сатирическая поэма «Один из многих»; биографические сведения о нем не выявлены.

Куратов Иван Алексеевич (1839–1875) – поэт-просветитель, основоположник коми литературы. Родился в с. Кибра Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии в семье дьякона, где был девятым ребенком. В 1850 году поступил в Яренское духовное училище и начал там писать стихи на родном коми языке. С 1854 года учился в Вологодской духовной семинарии, увлекся революционно-демократическими идеями. Попытка продолжить образование в Москве по окончании семинарии оказалась неудачной. В 1861 году стал преподавателем духовно-приходского училища при Троицком соборе в Усть-Сысольске. В 1866 году в газете «Вологодские губернские ведомости» было опубликовано пять его стихотворений без указания авторства. Других публикаций при жизни поэта не было. Помимо стихов, перу Куратова принадлежат переводы произведений И.А. Крылова, А.С. Пушкина, А.В. Кольцова; а также зарубежных классиков мировой литературы: Горация, Р. Бернса, Ф. Шиллера, П.Ж. Беранже, восточных поэтов. Он написал грамматику коми языка, исследовал грамматический строй родственных ему удмуртского и марийского языков. После окончания Казанской школы полковых аудиторов Куратов был в 1866 году направлен на военно-судебную работу в Среднюю Азию. Умер он от чахотки в г. Верном (ныне г. Алма-Ата) в 1875 году. Рукописи Куратова были обнаружены после революции и начали издаваться с 1926 года.

Лавров Митрофан Иванович (1840 или 1843–1907) – актер, драматург и поэт; автор стихотворных пьес на исторические сюжеты («Милостники и опальные», «Федор Басманов», «Князь Андрей Деднов»), мелодрамы «Под ударами судьбы», комедии из купеческого быта «Лесная глушь», комедии «Трясина» (не опубликована), воспоминаний об актерах В.И. Живокини, М.Н. Ермоловой; выпустил поэтические сборники «Сочинения» (1889) и «Стихотворения. Ч. II» (1898). Наряду с разнообразными по тематике лирическими стихотворениями писал поэмы («Дневник сельской учительницы», «В тайге», «Леснику»). Заметное место в поэзии Лаврова занимает тема охоты, что способствовало публикации его произведений в журнале «Природа и охота». Он является автором брошюры «Обращение к русской крестьянской женщине», имеющей нравственно-дидактическую направленность. Актерскую подготовку получил в Московском театральном училище под руководством И.В. Самарина; более 40 лет состоял в труппе Малого театра; играл главным образом второстепенные роли; уйдя в 1900 г. со сцены, переехал в Грязовец, ставил спектакли силами любительского драматического кружка. Умер в Грязовце, похоронен на Даниловском кладбище в Москве.

Левашов Николай Иванович (1830–е–?) – выпускник Вологодской гимназии, писавший, по воспоминаниям Н.Ф. Бунакова, «довольно красивые стихи» еще во время учебы. Однако поэтом он не стал и «впоследствии потерялся маленьким чиновником, совершенно забыв о своем стихотворстве». Этими замечаниями мемуариста биографические сведения о Левашове и ограничиваются.

Макшеева Варвара Дмитриевна (1822 – между 1867 и 1885) – поэтесса, одна из немногих женщин-литераторов XIX в., биографически связанных с Вологодским краем. Она была дочерью вологодского помещика, владельца подгородного имения Верхнее Осаново, широко образованного человека, занимавшегося переводами, писавшего статьи по сельскому хозяйству, разработавшего проект преобразований суда, основавшего первую типографию в Вологде. Макшеева получила не совсем обычное для дворянских женщин первой трети XIX в. домашнее образование: помимо трех основных европейских языков, она знала также латынь и древнегреческий, много читала, пользуясь богатой отцовской библиотекой. Важную роль в формировании ее склонностей и интересов сыграл талантливый педагог Ф.Н. Фортунатов, преподававший в Вологодской гимназии историю, статистику и греческий язык. Развитию дара юной поэтессы способствовало ее участие в литературном кружке, сложившемся вокруг Фортунатова. В этот кружок, существовавший в 1837–1839 гг., входили также Н.Е. Вуич, А.И. и Н.И. Иванские, Н.И. Наваишин, П.И. Савванитов. На те же годы приходится увлечение Макшеевой ссыльного поэта В.И. Соколовского. Ответное чувство в ее душе не пробудилось, но из их стихов, адресованных друг другу, сложился своеобраз-

разный лирический роман. Свидетельством признания рано пробудившегося таланта поэтессы стали публикации ее произведений в журналах Петербурга и Москвы («Галатея», «Мая», «Москвитянин»). Плодовитым литератором она не была, но стихи продолжала писать и после того, как вышла замуж и сменила девичью фамилию Макшеева на Бистром. Ее литературное наследие не собрано и отдельными книгами не издавалось.

Малышев Н. – автор стихотворения «Вологда», представленный при его публикации в журнале «Церковное слово» как крестьянин-самоучка и как вологжанин; другие сведения о нем не выявлены.

Марков Иван Кузьмич (1899–1921) – поэт и журналист. Родился в крестьянской семье, в деревне Городок под Великим Устюгом. Окончил учительскую семинарию в Тотьме, печатался в тотемских, вологодских и архангельских газетах. В 1919–1920 гг. был секретарем редакции губернской газеты «Красный Север», членом секции Всероссийского профессионального союза работников искусств (Всерабис), а также членом бюро Союза молодых писателей Вологды. Весной 1920 г. перевелся по работе в Архангельск, где местная организация РКПб мобилизовала его в Красную армию. Он получил назначение на Южный фронт, по прибытии туда заболел тифом, долго скитался по госпиталиям, вернулся в Вологду и умер. Им были подготовлены к печати два поэтических сборника – «Юношеские опыты» и «В революционном авангарде», но света они не увидели.

Марков Сергей Николаевич (1906–1979) – поэт, прозаик, журналист, исследователь-географ. Родился в Кологривском уезде Костромской губернии. По материнской линии – потомок вологодских столбовых дворян. Его бабушка была коренной вологжанкой, горячей поклонницей творчества К.Н. Батюшкова. Отец получил в 1912 году место начальника губернской землеустроительной чертежной в Вологде, возглавлял в 1914–1917 годах землеустроительную комиссию в Грязовце. В этом уездном городке Марков окончил два класса гимназии. После революции семья оказалась в Казахстане, где умерли родители будущего писателя. С 15 лет он был вынужден взять на себя заботу о младших братьях и сестрах и начать трудовую жизнь. Подросток Марков служил в уездном продовольственном комитете, в канцелярии следователя, в прокуратуре, в военном комиссариате, затем стал журналистом, публиковал репортажи, очерки, заметки, стихи в газетах Западной Сибири и Северного Казахстана, пользуясь при этом псевдонимом Сергей Вологодский. С 1924 года его произведения стали появляться на страницах центральной печати. В 1929 году в Москве вышла книга его рассказов «Голубая ящерица». В 1932 году Марков был арестован по обвинению в создании контрреволюционной группировки писателей и отправлен в ссылку в Мезень на три года. В середине 1930-х годов он являлся сотрудником архангельской газеты «Правда Севера», публиковался в вологодских периодиче-

ских изданиях, был собственным корреспондентом газеты «Вечерняя Москва» по Северному краю. В предвоенные годы, как пораженный в правах, жил в Калинин и Можайске. Участвовал в Великой Отечественной войне. По ее окончании поселился в Москве. Еще в конце 1930-х годов начал работать над книгами о русских мореплавателях и землепроходцах. В 1944 году были изданы книги Маркова «Люди великой цели» и «Николай Николаевич Миклухо-Маклай: Биографический очерк». В 1946 году вышла книга его стихов «Радуга-река», книга «Русские люди на Курильских островах» и роман «Юконский ворон» об исследователе Аляски Лаврентии Загоскине, впоследствии многократно переиздававшийся. В дальнейшем Марков выпустил ряд поэтических книг («Золотая пчела», «Небесные горы», «Земные корни», «Стихотворения», «Топаз», «Серебряный простор», «Горячий ветер», «Баллада о столетье», «Знаю я – малиновую раню...») и прозаические произведения «Идущие к вершинам», «Земной круг», «Вечные следы». Его роман «Рыжий Будда» был опубликован посмертно.

Межаков Павел Александрович (1788–1865) – поэт и переводчик принадлежал к древнему дворянскому роду, восходящему к одному из сподвижников князя Дмитрия Пожарского. Родился в Вологде; воспитывался в Московском университетском благородном пансионе; служил в Иностранной коллегии, был в Италии при дипломатической миссии; участвовал в войнах против Наполеона. После выхода в отставку жил в имении Никольское Кадниковского уезда, занимался устройством усадьбы, превращенной усилиями нескольких поколений ее владельцев в одно из культурно значимых «дворянских гнезд». При П.А. Межакове в усадьбе был разбит большой парк-дендрарий с уникальной коллекцией древесных пород, построена оранжерея, основан конский завод, созданы театр, оркестр и картинная галерея. Хозяин имения открыл школу для крестьянских детей и первую в губернии лечебницу для крестьян. В первой половине 1850-х гг. Межаков был вологодским губернским предводителем дворянства, путешествовал за границей. В начале творческого пути он входил в кружок литераторов, близких к Державину. Дружеские отношения связывали его с К.Н. Батюшковым, Н.И. Гнедичем, П.А. Вяземским. Формируясь как литератор в русле «легкой поэзии», он испытывал заметное влияние творчества Батюшкова. Выбор авторов для перевода соответствует художественным вкусам конца XVIII – начала XIX в. (Тибулл, Проперций, Гораций, Оссиан, Э. Парни, Ж. Делиль, А. Ламартин). Себя Межаков считал литератором-дилетантом, но при этом свободно владел поэтической культурой. Его произведения публиковались в журналах «Благонамеренный», «Соревнователь просвещения и благотворения», «Славянин». Большинство написанных им стихов вошло в поэтические сборники «Уединенный певец» (1817) и «Стихотворения» (1828). Жена Межакова, Ольга Ивановна, была внучкой поэта конца XVIII в. Афанасия Брянчанинова и двоюродной сестрой святителя Игнатия (Брянчанинова). Умер поэт в Вологде.

Муравьев Михаил Никитич (1757–1807) – поэт, прозаик, моралист и государственный деятель. Родился в Смоленске. В детстве ему довелось побывать в разных городах России, поскольку отца часто переводили по службе. В 1768–1769 гг. учился в гимназии при Московском университете и некоторое время был студентом этого учебного заведения. В Вологде жил в 1771–1772 гг., здесь формировались его литературные склонности и навыки под руководством А.М. Брянчанинова, А.В. Олешева, М.А. Засодимского. Сведения о посещении им Вологды в последующие годы документальных подтверждений не имеют. Однако известно, что по инициативе и при деятельном участии Муравьева в 1804 г. была открыта Вологодская гимназия. На службное поприще Муравьев вступил в конце октября 1772 г., приехав из Вологды в Петербург и став солдатом гвардейского Измайловского полка. Пользуясь расположением начальства, посещал лекции в Академии наук, усиленно занимался самообразованием. В 1773 г. выпустил два поэтических сборника: «Переводные стихотворения» и «Басни», а в 1775 еще один – «Одь». В 1785 г. был назначен учителем русского языка и истории будущего императора Александра Павловича. В 1800 г. он стал сенатором, в 1802 – товарищем (заместителем) министра народного просвещения и попечителем Московского университета. Способствовал нововведениям в сфере образования, принимал участие в разработке нового прогрессивного цензурного устава, содействовал Н.М. Карамзину в занятиях отечественной историей. Приходясь К.Н. Батюшкову двоюродным дядей, оказал сильное влияние на его нравственное и эстетическое развитие. Помимо лирических стихотворений и басен, Муравьев писал трагедии («Дидона»), баллады («Болеслав, король польский»), предромантические повести («Оскольд»). Значительное место в его творчестве занимает нравственно-психологическая проза («Обитатель предместия», «Эмилиевы письма», «Дщицы для записывания»). Он является одним из наиболее ярких представителей русского сентиментализма. Занимаясь литературным трудом на протяжении всей жизни, в зрелом возрасте Муравьев мало заботился о публикации своих произведений. Его сыновья Никита и Александр принимали деятельное участие в движении декабристов.

Непеин Борис Сергеевич (1904–1982) – родился в семье известного вологодского краеведа и поэта, священника С.А. Непеина. Получил среднее образование и окончил командирскую школу культпросветработников. Публиковаться начал в 1924 г. Был активным участником литературной жизни родного города, одним из организаторов и ответственным секретарем литературной группы «Борьба». Печатался в местной периодической печати и в альманахе «Зарница», в московских журналах «Прожектор», «Красноармеец», «Резец», в «Красной газете» и в «Комсомольской правде». В конце 1930-х гг. выпустил сборники стихов «Брызги», «Под красной звездой», «Северный ветер». Был членом правления РАПП (Российской ассоциации

пролетарских писателей) и ЛОКАФ (Литературное объединение Красной армии и флота). В молодости много путешествовал по северу России; длительное время служил в армии, в Вологде занимался культпросветработой в Доме Красной Армии 10-й стрелковой дивизии. Был репрессирован, осужден в 1937 г. на 8 лет лагерей, отбывал срок в Краслаге (Красноярском ГУЛАГе); после освобождения жил в Вологде, работал в книжной торговле, занимался краеведением, часто публиковался в местной периодике.

Непеев Сергей Арсениевич (1870–1911) -- церковный и общественный деятель, краевед, литератор. Родился в Вологде, в семье священника. Окончил Вологодскую духовную семинарию. Служил псаломщиком и дьяконом, был священником Вологодской Покровской Казанской и Царево-Константиновской церквей в Вологде. Преподával в Свято-Стефановской церковно-приходской школе и являлся ее заведующим. Интерес к краеведению проявил еще в юношеские годы. Способствовал созданию Вологодского епархиального древлехранилища (1895), участвовал в его работе, исполняя обязанности помощника заведующего и экскурсовода, входил в Постоянную церковно-археологическую комиссию любителей истории и древностей, являлся одним из инициаторов учреждения (1909) и активным членом Вологодского общества изучения Северного края. Результаты своих разысканий по истории и этнографии родного края публиковал в «Вологодских губернских ведомостях». Увлеченно занимался фотографией и в 1898 г. выпустил «Альбом видов г. Вологда». В 1905 г. издал «Краткий очерк города Вологда», а год спустя – книгу «Вологда прежде и теперь». Последний труд Непеева, «Опыт географии Вологодской губернии», писался им совместно с местным педагогом и краеведом Х.И. Пахолковым.

Обнорский Павел Александрович (1844–1892) – краевед, драматург, поэт. Из служилых дворян Вологодской губернии, родился в Вологде, окончил губернскую гимназию. Публиковал в «Вологодских губернских ведомостях» народные песни, пословицы и поговорки, собранные им в Вологодском и Грязовецком уездах (1883. – № 16 – 18; 1888. – № 9, 11 – 15). С 1887 г. содержал публичную библиотеку, с 1891 г. издавал «Вологодский листок объявлений» – первое частное периодическое издание в городе. Был автором нескольких драматических произведений, поставленных в местном театре. Умер от кровоизлияния в мозг.

Образцов В. – автор, представленный при публикации его стихотворения «Няня» в «Журнале Министерства народного просвещения» (1851. – ч. 70) как ученик Вологодской гимназии. Другие сведения о нем к настоящему времени не выявлены.

Образцов Семен Александрович (1844 – не ранее 1885) – жил в Никольске; занимал должность уездного стряпчего; служил, вероятно, по су-

дебной части, поскольку являлся председателем съезда мировых судей по Никольскому уезду; имел чин коллежского асессора (равный майору); автор книги «Басни», вышедшей в 1899 г. в Великом Устюге, а через год переизданной в Москве.

Образцова Анна – воспитанница Вологодского епархиального женского училища, окончившая его в 1896 г. по первому разряду.

Олешев Алексей Васильевич (1724–1788) – поэт, переводчик, моралист; сын вологодского, потом устюжского воеводы. Родился в имении Ермолово Вологодского уезда; был просвещенным дворянином, путешествовал по Европе, изучал философию. С 1741 по 1764 г. находился на военной службе, затем перешел на статскую. Завершил службу в чине действительного статского советника. Был женат на младшей сестре А.В. Суворова. С 1780 по 1786 г. являлся предводителем вологодского дворянства. Дважды возглавлял депутацию вологодских дворян к императрице Екатерине II. Живя в своем вологодском имении, собрал хорошую по тем временам библиотеку, занимался вопросами земледелия, печатал статьи по этим вопросам в «Трудах Вольного экономического общества». Был знаком с Н.И. Новиковым, способствовавшим переизданию сборника его нравоучительных произведений и переводов, оказал заметное нравственное и литературное влияние на юного М.Н. Муравьева. Литературные сочинения Олешева в прозе и в стихах носят по преимуществу моралистический характер.

Остолопов Николай Федорович (1783–1833) – поэт, прозаик, переводчик, теоретик литературы; родился в Сольвычегодске; его отец был многодетным и небогатым вологодским помещиком. Он окончил Горный корпус в Петербурге; служил в Коллегии иностранных дел и в Департаменте Министерства юстиции. В 1802–1812 гг. был прокурором, в 1814 г. – главным правителем казенных надзоров над питейными сборами, а 1814–1820 – вице-губернатором в Вологде. Общался с преосвященным Евгением (Болховитиновым), когда тот управлял Вологодской епархией (1808–1813). Вернувшись в Петербург, получил место инспектора классов в училище святой Екатерины, но вскоре от него отказался. Был редактором «Журнала Департамента народного просвещения», служил в ведомстве путей сообщения, где являлся председателем Шоссейного экономического комитета. В 1825–1827 гг. занимал пост директора петербургских театров. В 1829 г. стал управляющим Астраханской конторой Коммерческого банка, переехал в Астрахань и провел там свои последние годы. В конце жизни владел небольшим количеством крепостных в Вологодской губернии. Путь Остолопова в литературе начался с публикации стихотворений «Пастушок» и «Соловей» (Иппокрена, или Утехи любословия. – 1801. – Ч. 8). Через год он стал членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (ВОЛСНХ) и активно участвовал в его деятельности. Публиковался в альманахе «Свиток муз», журна-

лах «Северный вестник», «Вестник Европы», «Журнал российской словесности», «Цветник», «Санкт-Петербургский вестник», «Друг просвещения», «Драматический вестник» и в др. изданиях. В 1806 г. издавал журнал «Любитель словесности», в котором К.Н. Батюшков опубликовал свое программное стихотворение «Мечта». Выпустил два поэтических сборника («Прежние досуги, или опыты в некоторых родах стихотворства» – 1816 и «Апологические стихотворения с присовокуплением его же <Остолопова> сочинения поэмы “Привидения”» – 1827). На основе материалов, предоставленных ему Евгением (Болховитиновым), подготовил «Ключ к сочинениям Державина. С кратким описанием жизни сего знаменитого поэта» (1821). Наибольшую известность Остолопову принес «Словарь древней и новой поэзии» (ч. 1–3, 1821), над которым он работал в Вологде. Помимо ВОЛСНХ он был также членом Общества любителей российской словесности и Вольного общества любителей российской словесности. В самом начале творческого пути им была написана повесть «Евгения, или нынешнее воспитание». Его поэтическое наследие отличается жанровым разнообразием (оды, идиллии, послания, сатиры, басни, романсы, «русские песни», стихотворные сказки, эпитафии, эпиграммы).

Панкратов Сергей Иванович (1897–?) – поэт, прозаик и журналист. Родился в Шенкурском уезде Архангельской губернии. Состоял в РКПб. Был секретарем редакции газеты «Красный Север» в 1919–1926 гг. С июля 1926 по июнь 1927 г. являлся сотрудником газеты «Красный Крым». Публиковался в вологодских периодических изданиях и в коллективном сборнике «Поросль». В 1924 г. в Вологде вышли книги его стихов «Звездные берега» и «Огни». Другие сведения о нем не выявлены.

Пестюхин Анатолий Сергеевич (1903–1950) – поэт и переводчик. Родился в Вологде, в семье рабочего обувной фабрики, бывшего крестьянина Грязовецкого уезда. Окончил Ленинградский пединститут им. Герцена (заочно). Печататься начал в 1924 г. в вологодской молодежной газете «Юный строитель». Входил в литературную группу «Борьба», стоял во главе литературной группы «Спайка». Работал в газете «Красный Север». Совершал творческие поездки на Крайний Север, в Среднюю Азию, в Закавказье. В Вологде выпустил отдельными изданиями свои поэмы «Тундра» и «Бронепоезд». В 1927 г. уехал в Москву, где активно включился в работу литературного объединения «Перевал». Был заместителем председателя Московского общества крестьянских писателей, публиковал свои произведения в центральных журналах («Красная новь», «Новый мир», «Журнал для всех»). В феврале 1930 г. подвергся аресту по обвинению в антисоветской пропаганде и высылке в Восточную Сибирь. Его первый сборник стихов «Равноденствие», книга новелл «Экватор» и «Путевые заметки по Закавказью» были запрещены, а рукописи конфискованы. Он обосновался в Иркутске. В 1938 г. принял новую фамилию Ольхон (по названию острова на Байкале).

Опубликовал более 40 книг стихотворений, поэм, переводов, очерков. Переводил на русский язык стихи английских, якутских и бурятских поэтов, собирал и литературно обрабатывал фольклор коренных народностей Севера. Умер в Подмоскowie.

Попов Евгений Николаевич (1895–1981) – педагог и поэт. Родился в Весьегонске Тверской губернии. Учился в Череповецком реальном училище. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Большая часть его жизни прошла в Череповце, где он учительствовал в гимназии, школах и техникуме. Стихи писал с юношеских лет. В 1924 г. издал небольшим тиражом на свои средства небольшой сборник «Завороженная печаль», являющийся в настоящее время библиографической редкостью. В 1936 г. его арестовали за неосторожные высказывания о советских вождях. После пятилетнего пребывания в лагерях ему с трудом удалось вернуться на педагогическое поприще. 12 лет он преподавал литературу в школе № 1 Череповца. Выступал перед горожанами с лекциями о творчестве русских поэтов. В школе, где он работал, хранится рукопись его произведений.

Пугачев Александр Александрович (1886–?) – поэт-самоучка, сын крестьянина-плотника. Родился в Боровецкой волости Вологодского уезда, получил начальное образование. Странствовал по России в поисках заработка. Обосновавшись в Вологде, работал на телеграфе. Публиковаться начал в 1913 г., помещал свои лирические и сатирические стихи в местных газетах «Эхо» и «Вологодский листок». Был плодовитым литератором, живо откликавшимся на события и явления городской жизни. В его произведениях ярко представлены картины нравов провинциального губернского города. Печатался под псевдонимами «Дядя Саша», «Тетя Паша», «Прэнс» и др. Под первым, основным псевдонимом поэт издал в 1915 г. в Вологде свою книгу «Стихотворения». Революцию он принял и посвятил свое дальнейшее творчество пропаганде лозунгов и идей советской власти. В годы Гражданской войны печатался под псевдонимом «Красный котелок» в газетах «Наша война» (Вологда) и «Красноармейская правда» (Смоленск), впоследствии сотрудничал в периодических изданиях Вятки, Самары, Витебска, Минска. Печатались его стихи и в Москве («Рабочая газета», журнал «Крокодил»). Но основным изданием, с которым связал свою судьбу Пугачев, вернувшись в Вологду, стала газета «Красный Север».

Пятилин Даниил – сведения об авторе см. в примечаниях к его «Оде по случаю необыкновенного наводнения в г. Устюге...»

Саблин Николай Алексеевич (ок. 1849–1881) – дворянин, сын вологодского исправника, родился в Вологде, окончил гимназию в Москве, учился на медицинском факультете Московского университета. В студенческие годы, под влиянием старших братьев, вдохновился идеями общественной

борьбы; в 1873–1874 гг. был членом московского отделения народнического кружка чайковцев; занимался революционной пропагандой в массах; уехав за границу, вошел в состав редакции газеты «Работник»; по возвращении в Россию в 1875 г. подвергся аресту и привлекался к ответственности по «процессу 193-х»; суд признал его виновным, но он был помилован «по высочайшему соизволению»; с весны 1880 г. состоял в наиболее крупной и радикальной революционной организации «Народная воля»; участвовал в подготовке покушений на Александра II; в начале 1881 г. был хозяином конспиративной квартиры в Петербурге; при аресте 3 марта застрелился; к поэзии относился как к средству пропаганды народнических идей.

Савинов Феодосий Петрович (1865–1915) – поэт; родился в Тотмее в семье бедного полицейского чиновника. В отличие от старшего брата, ставшего профессором Харьковского университета, систематического образования не получил и карьеры не сделал. Учился в Вологодской гимназии и в юнкерском училище в Москве, но в обоих заведениях курс до конца не прошел. Был канцеляристом в Вологодском губернском правлении, затем исполнял обязанности делопроизводителя детских приютов; за неуместные розыгрыши начальства, эпиграммы на него и сатирическую поэму «Савинида» получил в 1891 г. отставку «без пенсии и мундира». Пытался обосноваться в Москве, вынужден был служить за гроши на мелких должностях в частных нотариальных конторах. В конце концов он лишился места, вложил жалкое существование, тяжело отразившееся на его душевном состоянии. В середине 1890-х гг. родственники перевезли его в Вологду и поместили в психиатрическую лечебницу в Кувшинове. Помимо тяжелого нервного расстройства, у поэта обнаружился прогрессивный паралич. В таком состоянии он дожил до кончины. Стихи Савинов писал с гимназических лет. Печататься начал с 1885 г. (стихотворение «Перед толпой» в № 10 журнала «Иллюстрированный мир»). Его стихи появлялись также на страницах журналов «Всемирная иллюстрация», «Живописное обозрение», «Русское обозрение», «Русская мысль», «Развлечения», «Будильнику» и др. Отдельной книгой они выходили в Вологде (1887), затем в Москве (1900). Широкого признания у современников творчество Савинова не получило; самое известное его стихотворение – «Родное» («Слышу песни жаворонка...»), ставшее песней.

Святский Никтолион Павлович (1854–1917), поэт. Родился в Вологде. Его отец, мелкий чиновник, за 47 лет службы в Казенной палате не сумел достичь ни прочного общественного положения, ни материального достатка. Правда, перед уходом на пенсию он был награжден орденом святого Владимира четвертой степени, дававшим право на дворянство. Святский окончил Вологодское приходское и уездное училища, служил в губернском казначействе, в 1873 г. был взят в солдаты. Через несколько лет совсем еще молодого человека постигла тяжелая болезнь, вызвавшая пара-

лич. Все попытки вернуть его к полноценной жизни успехом не увенчались. И Святский стал обитателем Николаевской Чесменской военной богадельни Санкт-Петербурга – заведения, предназначенного для увечных, больных и престарелых воинов. В этой богадельне он начал писать стихи, держа карандаш в зубах, поскольку руками двигать не мог. Так им были подготовлены к изданию два небольших поэтических сборника – «Отзвуки души» (1893) и «Искорки» (1900). Последние годы жизни Святского прошли в Царском Селе. Он был вынужден владеть жалкое существование на шестирублевую пенсию. В его судьбе пытались принять участие земляки – библиограф Прокопий Дилакторский и литератор Александр Круглов. Однако он так и умер в нищете, не осуществив заветную мечту вернуться на родину. Похоронен на Кузьминском кладбище в Царском Селе. В 2005 г. Интернет-агентство «Глаза и уши Петербурга» назвало Святского «самым жизнерадостным поэтом» города на Неве.

Северянин Игорь (настоящее имя Лотарев Игорь Васильевич, 1887–1941) – поэт, переводчик, очеркист. По происхождению дворянин, родился в Петербурге, в семье военного инженера. Его мать приходилась дальней родственницей А.А. Фету. С 1896 по 1903 г. жил в Череповце и его окрестностях (в усадьбе на берегу реки Суды), учился в Череповецком реальном училище. В 1904 г. переехал в Гатчину под Петербургом. На собственный счет издал более трех десятков небольших книжечек стихов. Резко отрицательный отзыв Л.Н. Толстого о творчестве Северянина способствовал его скандальной известности как поэта-декадента. К осени 1911 г. относится основание им литературного течения «эгофутуризм». По литературным вкусам и образу жизни тяготел к богеме. В 1913 г. выпустил первый большой сборник стихов «Громокипящий кубок», ставший заметным явлением в литературе начала XX в. и выдержавший в течение двух последующих лет семь изданий. Совершал турне по России с чтением своих произведений. В 1918 г. был избран на поэтическом вечере в Москве «королем поэтов». С середины того же года жил в Эстонии, гастролировал в Финляндии, Германии, Франции, Югославии и Болгарии. Позднее творчество Северянина характеризуется отходом от модернизма, возвращением к классическим традициям. Умер и похоронен поэт в Таллинне.

Серебрянский Марк Исаакович (1900/1901–1941) – поэт, критик, литературовед. Родился в Елизаветграде. Участвовал в Гражданской войне. Член Коммунистической партии с 1920 г. Учился в Коммунистическом университете им. Свердлова. Находился на партийной работе на Алтае. В 1923 г. опубликовал в Барнауле книжку стихов «Зеленая шинель». С конца 1923 по 1926 г. жил в Вологде, активно участвовал в культурной жизни, входил в литературную группу «Борьба». Публиковал свои стихи в местных периодических изданиях (газете «Красный Север», журнале «Северная звезда»), в литературном сборнике «Молодой печатник», в «Северном альманахе», издававшемся

литературной группой «Спайка». Из Вологды переехал в Ростов-на-Дону, где издал несколько поэтических книжек («Дни-дороги» и др.). Работал в руководстве РАПП. В 1932 г. окончил Институт красной профессуры в Москве, читал там курс истории советской литературы, затем стал научным сотрудником Института мировой литературы им. Горького. Принимал участие в подготовке к изданию книг В. Маяковского, М. Голодного и др. авторов. Написал ряд статей и книг («Творчество Николая Ляшко», «Дмитрий Фурманов», «Советский исторический роман» и др.). В начале войны ушел добровольцем на фронт и погиб в бою.

Сиротин Василий Иванович (1830 – конец 1880-х?) – родился в Грязовецком уезде, в семье пономаря Рождественской Студенецкой церкви. Окончил Вологодское духовное училище и семинарию. Прежде чем получить место священнослужителя, несколько лет учительствовал. В 1855 г. был назначен младшим священником Керчемской Иоанно-Предтеченской церкви в Усть-Сысольском уезде; чтобы получить право на рукоположение (поставление в чин), ему пришлось срочно жениться. Через год супруга Сиротина умерла при родах, и он, будучи, по собственной характеристике, «борцом, для жизни незрелым», запил. Его отрешили от должности и усадили сначала в один монастырь, потом в другой. Скитания, растянувшиеся на несколько лет, завершились в 1859 г. водворением в Спасо-Преображенскую Белавинскую пустынь на Каменном острове Кубенского озера. Тяготясь образом жизни, навязанным монастырским уставом, Сиротин обратился с прошением к главе Морского министерства великому князю Константину Николаевичу о переводе священником во флот. Оно было написано в форме поэмы, названной автором «Исповедь». Возможно, что последовавшее через несколько месяцев разрешение перебраться в Вологду было следствием этого прошения. Сиротин стал священником одной из городских церквей, но его строптивый нрав дал повод к очередному переводу в монастырь – на этот раз в родной Грязовецкий уезд. Раздоры с монахами, доходящие до жестокого рукоприкладства, послужили толчком к тому, что Сиротин принял долго вызревавшее решение о выходе из духовного звания. В 1865 г. его просьба была удовлетворена, он вернулся в Вологду, стал мелким чиновником, навлек на себя недовольство сатирическими стихами и уехал из губернского города. О дальнейшей его жизни почти ничего неизвестно. В первой половине 1880-х гг. поэта видели в Казани, где он, вероятно, и умер. Поэзия Сиротина носит по преимуществу сатирический характер, но в ней присутствует и лирическое начало. Его стихи распространялись в рукописных копиях. К настоящему времени выявлено лишь несколько прижизненных публикаций в петербургской газете «Воскресный досуг» (1864. – № 66; 1865. – № 113; 1866 – № 166: стихотворения «Питейный», «Ливанские кедрь» и «Летний вечер»). В собрании П.А. Дилакторского сохранились тексты поэмы «Исповедь», стихотворений «Вечер» и «Вологодский карнавал». Что собой представляли

упоминавшиеся современниками поэмы «На приеме у сатаны», «Ада» и «Долгоносые», судить в настоящее время трудно.

Соколов В. – автор с такой фамилией и инициалом «В.» не выявлен. Вероятно, это Иван Степанович Соколов (1862–1906), сын крестьянина Череповецкого уезда. Замена инициала может объясняться типографской ошибкой или сознательным намерением автора, опасавшегося преследований со стороны начальства, которое не одобряло его литературных занятий. И.С. Соколов родился в д. Улошково Починковской волости, до 17 лет крестьянствовал, грамоте учился у сельского начетчика и в земской начальной школе. Познакомившись со стихами Кольцова и Никитина, пытался подражать им. Затем его любимым поэтом стал Некрасов, стихи которого он списывал в тетрадку и заучивал наизусть. Вопреки желанию отца, поступил в учительскую семинарию в Череповце, где издавал рукописный журнал, не вызвавший одобрения начальства. После окончания семинарии три года учительствовал в родном уезде. Поощрялся «за усердие и образцовую постановку школы», однако в 1886 г. был уволен от должности «за направление, не соответствующее свосму назначению, и неодобрительное поведение». Испытывая влияние толстовских идей, Соколов пытался вернуться к труду на земле, местная интеллигенция подвергла его остракизму, он безуспешно искал места учителя в другой губернии, уехал, наконец, в Петербург и по ходатайству земляка получил место конторщика в магазине готового платья, затем стал секретарем редакции «Экономического журнала», был сотрудником «Русской жизни», помещал свои статьи в газетах «Неделя», «День», «Петербургский листок», «Биржевые ведомости», в журнале «Живописное обозрение» и др. периодических изданиях. Его мечта об издании «народной газеты» не осуществилась. Между тем связь Соколова с родиной упрочилась, два трехлетних срока он состоял гласным от крестьян Череповецкого уездного и Новгородского губернского земств. Избрание его на третий срок не было утверждено губернатором. Вернувшись в Петербург, Соколов продолжил свои литературные труды, публиковал очерки о крестьянской жизни во многих журналах и газетах («Луч», «Сын отчества», «Образование», «Северный курьер», «Север», «Северо-западное слово», «Молва», «Петербургские ведомости» и др.). Около трех лет редактировал «Прибалтийский листок», выходивший в Риге. Поэтический сборник «Первые звуки», выпущенный типографией учебных пособий в 1882 г. в Череповце, был, вероятно, дебютом Соколова в печати. Очерком «Бесхвостые с хвостами», появившимся в «Неделе» (1885. – № 47), ознаменовалось его вхождение в литературу столицы. Известность пришла к нему после публикации в журнале «Вестник Европы» (1896) очерков под общим названием «Дома». Эти очерки произвели сильное впечатление на А.П. Чехова, который считал их автора продолжателем традиций Г.И. Успенского. Главной темой творчества Соколова неизменно была крестьянская жизнь.

Соколовский Владимир Игнатьевич (1808–1839) – поэт и прозаик; происходил из служилых сибирских дворян; родился в д. Батурино (юго-восток Западной Сибири), учился в Первом петербургском кадетском корпусе; служил в Сибири, общался с ссыльными декабристами, принимал участие в издании «Енисейского Альманаха». Окончил Московский университет, во время учебы в котором сблизился с членами кружка А.И. Герцена и Н.П. Огарева; служил в канцелярии петербургского военного генерал-губернатора. Был предан суду по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные стихи» и приговорен к заключению в Шлиссельбургской крепости «на неопределенное время». Отбывал в 1837–1838 гг. ссылку в Вологде, где по протекции П.А. Вяземского пользовался покровительством губернатора Д.Н. Болговского. Стал первым редактором «Вологодских губернских ведомостей», общался с местными литераторами, группировавшимися вокруг Ф.Н. Fortunatova, дружил с поэтом Н.Е. Вуичем, пережил увлечение юной поэтессой В.Д. Макшеевой. После Вологды отправился лечиться на Северный Кавказ, где провел последние месяцы своей жизни. Печататься Соколовский начал в журнале «Галатея» (1830. – № 34. Стихотворение «Прощание»), публиковал также свои произведения в альманахе «Утренняя заря», в журналах «Современник», «Библиотека для чтения», в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду». Отдельными изданиями выходили его поэма «Мироздание» (1832, 1837), «Рассказы сибиряка» (1833), роман «Одна и две, или Любовь поэта» (1833), драматическая поэма «Хеверь» (1837). Находясь в Вологде, работал над поэмами «Разрушение Вавилон», «Новоизбрание», «Искупающий страдалец», написал второй вариант поэмы «Альма», к созданию которой приступил еще в Шлиссельбургской крепости. Похоронен поэт на Варварском кладбище в Ставрополе.

Соловьев Николай Гаврилович – сведения об авторе не выявлены.

Сорокин Питирим Александрович (1889–1968) – социолог, культуролог, писатель, политический деятель. Родился в с. Турья Яренского уезда Вологодской губернии. Мать его была зырянка, отец – русский. В 11 лет стал бродячим ремесленником, усиленно занимался самообразованием, отбывал заключение в тюрьме за политическую агитацию. В 1909 г. сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости в Великоустюжской гимназии. В начале 1910-х гг. публиковал этнографические материалы о зырянах, выступал с лекциями в Великом Устюге и Вологде, печатался в местных изданиях, был членом-корреспондентом Вологодского общества изучения Северного края. В 1916 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. Во время революции являлся одним из лидеров партии эсеров. За антибольшевистскую деятельность приговаривался к расстрелу, скрывался у родственников в Великом Устюге. В 1922 г. был выслан за границу, с 1923 г. жил в США, работал в колледжах и университетах, основал социологический факультет в Гарварде, стал президентом Американ-

ской социологической ассоциации. Главный научный труд Сорокина – «Система социологии» в двух томах. Его перу принадлежат также романы «Предтеча» и «Долгий путь».

Стрибожич Сергей (настоящее имя – Перов Сергей Степанович, 1889–1967) – ученый и поэт. Родился в Великом Устюге, в семье служащего. Окончил Вологодскую гимназию, а затем – Петербургский университет. С 1914 г. жил в Вологде, состоял лаборантом в Молочном институте. Здесь в 1916–1927 гг. вышли его поэтические сборники: «Рябины гроздь», «Сказаны поминальные», «Озимь», «Солнечный путь», «Береста», «Предгрозь», «Былая бойня», «Ивовая поросль», «Любовь и смерть». С юношеских лет был тесно связан с партией большевиков. По ее поручению налаживал после революции типографское дело в Вологде, занимался организацией деятельности губернской библиотеки и краеведческого музея, руководил агитпропом и Научно-техническим комитетом Губернского совнархоза, в 1919–1921 гг. возглавлял местное отделение Госиздата. В 1921 г. был избран профессором Молочного института. Тогда же переведен в Москву для работы в Народном комиссариате земледелия. Занимал должность заместителя директора Тимирязевского научно-исследовательского института. В 1929 г. создал и возглавил лабораторию по изучению белка и белкового обмена в живом организме. Преподавал в московских институтах. В 1935 г. стал академиком ВАСХНИЛ, а в 1949 г. был удостоен звания лауреата Государственной (Сталинской) премии.

Студенецкая Евгения Николаевна (1908–1984) – научный работник, поэт. Родилась в Вологде, в семье политических ссыльных, окончила здесь школу и педагогический техникум. Ее стихи впервые были опубликованы в газете «Красный Север» в 1925 г. С этого года она начала активно участвовать в культурной и общественной жизни города как член литературной группы «Борьба». Публиковала свои стихи в коллективных сборниках «Зарница» и «Северный альманах», выступала на литературных вечерах. В 1926 г. уехала в Ленинград, окончила там университет, поступила на работу в Государственный музей этнографии, стала в нем одной из ведущих фигур. Основной сферой ее научных интересов была этнография народов Северного Кавказа, прежде всего – особенности национального костюма. Она участвовала во многих экспедициях, собрала более пятидесяти коллекций уникальных вещей, в состав которых вошло около 1200 экспонатов. С Вологдой поддерживала связь до конца жизни. Тесные дружеские отношения связывали ее с другом юности, вологодским литератором, краеведом и журналистом Б. С. Непениным. Отдельным изданием ее стихи вышли посмертно, в 2001 г., в Вологде (небольшая книжка под названием «Душой негромкою поэта...»).

Субботин Анатолий Александрович (1890–1961) – поэт и прозаик. Родился в деревне Голышево Грязовецкого уезда в крестьянской семье.

Окончил церковно-приходскую школу. Учился на общеобразовательных курсах в Петербурге и сдал экстерном экзамен на звание народного учителя. Участвовал в Первой мировой и в Гражданской войнах. После революции был комиссаром по народному образованию в г. Грязовце и редактировал уездную газету «Деревенский коммунар». С 1917 г. печатался в вологодских газетах. В начале 1920-х гг. в Вологде вышли два сборника его стихов («Введения» и «Ливень») и три, в которых он был одним из авторов («Ярь», «Алое», «Поросль»). В 1921–1925 гг. являлся ответственным редактором газеты «Красный Север». Сотрудничал также в журналах «Красные всходы», «На грани», «Кооперация Севера». Пользовался псевдонимами («Авдей Северский», «Александрович», «Голышевский»). С 1925 г. жил в Москве, занимал ответственные посты в средствах массовой информации, издательствах, печатных органах, был инструктором ЦК ВКП(б). В годы Великой Отечественной войны жил и работал в Грязовецком районе. С начала 1930-х гг. выходили его прозаические книги: сборники рассказов («Кружева», «Соли камские»), романы («Соль», «Простые люди», «За землю русскую»).

Сухарев Аркадий Алексеевич (1912–1978) – поэт. Родился в г. Подольске Московской области. Первые публикации его стихов появились в начале 1930-х годов (поэма «Рост», поэтическая книга «На подступах»). Он был репрессирован, в литературу вернулся в конце 1950-х годов. С 1957 года жил в Вологде, публиковался в областных газетах «Красный Север» и «Вологодский комсомолец», в «Ленинградской правде», в «Литературной газете», в журналах «Нева» и «Москва», выпустил книги стихов «Березовый сою», «Новоселье», «Опять весна», «Пульс», «Рукопожатие».

Таисия (игуменя Леушинская, в миру Мария Васильевна Солопова, 1842–1915) – церковный деятель и поэтесса. Родилась в Петербурге, в дворянской семье. Окончила Павловский институт благородных девиц. В 1861 г. поступила послушницей в Тихвинский Введенский монастырь, где занималась обучением детей в монастырской школе. Через 10 лет была пострижена в иночество с именем Аркадия и переведена в Покровский Зверин монастырь в Новгороде. Там она исполняла обязанности регента и письмоводителя. Через 6 лет состоялся очередной перевод – на должность казначея и помощницы начальницы Державинского училища при Званском Знаменском монастыре на Волхове. Здесь в 1879 г. состоялось ее пострижение в монашество с именем Таисия. В 1881 г. последовало назначение настоятельницей Леушинской Иоанно-Предтеченской женской общины, расположенной в 25 верстах от Череповца. По ее ходатайству общину переименовали в монастырь, а сама Таисия была возведена в сан игуменьи. Управляемый ею монастырь получил широкую известность во всей России благодаря не только образцовой дисциплине, но и прекрасно организованному хозяйству, а также церковно-учительской женской школе, библиотеке, собранию икон, иконописной и златошвейной мастерским. В 1903 г. обитель была возведена в степень пер-

воклассного монастыря. Деятельность игуменьи отмечали наградами Святейший Синод и Кабинет его величества. Она была представлена членам царской семьи. Духовные качества Таисии способствовали тому, что она пользовалась неизменным расположением Иоанна Кронштадтского. Росту ее авторитета способствовала деятельность по учреждению новых и возобновлению упраздненных обителей (благодаря ей был восстановлен упраздненный в конце XVIII в. Ферапонтов монастырь). Как духовный писатель игуменья Таисия работала в разных жанрах. Среди ее произведений – «Письма к первоначальной инокине», «Беседы с отцом Иоанном Кронштадтским», «Келейные записки», «Сказание о Древнем Ферапонтове Богородице-Рождест-венском монастыре», «Акафист святому Симеону», стихотворное переложение «Канона на Благовещение Пресвятой Богородицы». Ее книга «Духовные стихотворения» выдержала шесть изданий при жизни автора. Игуменья Таисия была погребена в Леушинском монастыре, в воздвигнутом ею соборе Похвалы Божией Матери. В 1930-х гг. монастырь взорвали, а в середине 1940-х гг. его территория ушла на дно Рыбинского водохранилища.

Царевский – автор, представленный при публикации его стихотворения «Сухона» в «Прибавлениях к “Журналу Министерства народного просвещения” на 1844 год» как ученик Вологодской гимназии. Другие сведения о нем к настоящему времени не выявлены.

Чернобаев Евгений Иванович (1869–1915) – поэт и переводчик. Родился в Минской губернии, в семье землемера-таксатора. Его отец вскоре после перевода по службе в Тотемский уезд погиб, и мать с детьми переехала в Вологду. Поступив в губернскую гимназию, будущий поэт обнаружил склонность к словесным наукам, и особенно – к изучению древних языков. Однако трудности, испытываемые на занятиях по арифметике, не позволили ему завершить образование. Уйдя из гимназии, он поступил певчим в церковный хор. С 1897 г. служил в Петербурге в Управлении железных дорог. В печати впервые выступил в 1891 г. на страницах журнала «Родина». Публиковал стихи в еженедельных изданиях, в журналах «Северный вестник» и «Русское богатство». Переводил произведения польских (М. Конопницкой и П. Тетмайера) и немецких (И.-П. Гебеля и Н. Ленау) поэтов. В 1905 г. его книга «Стихи» была выпущена петербургским издательством «Парма». Умер Чернобаев от двустороннего воспаления легких.

Шаховской Семен Иванович, по прозвищу Харя (?– 1654 или 1655) – писатель и публицист; принадлежал к роду ярославских князей, ведущих свое происхождение от Рюрика; находился на царевой службе (стольник, воевода в Енисейском остроге и на Тереке, 2-й воевода в Крапивне), участвовал в боевых действиях во время польско-литовской интервенции и в посольских миссиях; с декабря 1619 г. владел вотчиной в Вологде; автор сочинений о Смуте («Повесть известно сказуема на память великомученика благоверного

царевича Димитрия», «Повесть о некоем мнISE, как послася от Бога на царя Бориса» и др.), посланий (патриарху Филарету, князю Д.М. Пожарскому, келарю Троице-Сергиевого монастыря Симону Азарыну и др.), похвальных слов (трем московским святителям: Петру, Алексию и Ионе; Христа ради юродивым Прокопию и Иоанну), а также стихотворных молитв, песнопений и церковных служб; имел репутацию знатока «книжной премудрости» и самоотверженного правдолюбца; отлучался от церкви, неоднократно подвергался опале; отбывал ссылку на Унже, в Енисейске, Тобольске, Усть-Коле, Устюге, Сольвычегодске, в Новом Якутском городке.

Швецов Михаил Николаевич (1875–1917) – поэт, краевед и журналист. Родился в Череповце, в семье потомственного дворянина Екатеринославской губернии, известного врача. С 1884 г. жил с родителями в Вологде и учился в губернской гимназии, где проявился его глубокий интерес к словесности и философии. В 1895 г. он поступил на юридический факультет Московского университета, но курса не кончил и вернулся домой. В 1899–1900 гг. был редактором «Вологодских губернских ведомостей» и сотрудником «Вологодского листка», печатался в этих изданиях. Дважды становился чемпионом Вологды по шахматам, написал и издал книгу «Краткий исторический очерк шахматной игры от ее появления на Востоке до нашего времени» (Вологда, 1900). Для краеведения несомненный интерес представляют две небольшие книги Швецова: «Очерки истории Вологодского края» (1911) и «Из прошлого: Историко-литературные очерки» (1913). Обе вышли в Вологде. Здесь же в 1912 г. был издан сборник его поэтических произведений под названием «Экзамен: Драматическое стихотворение. Лирические стихотворения». Книги и публикации Швецова в местной периодической печати показывают, что он был образованным человеком, хорошо ориентирующимся в истории европейской культуры. Швецов пропал без вести во время метели в конце декабря 1917 г. Его тело было обнаружено под снегом через три месяца около Маслорядского моста на берегу реки Золотухи. Автор некролога в «Вологодском листке» писал о нем: «...это был непрактичный до невероятности человек, большой ребенок, с хорошей честной душой, добрый и отзывчивый, и эта непрактичность помешала ему извлечь какие-либо выгоды из своих недюжинных способностей».

Яшин Александр Яковлевич (настоящая фамилия Попов, 1913–1968) – поэт, прозаик, журналист. Родился в деревне Блудново Никольского уезда в крестьянской семье. Окончил среднюю школу и педтехникум в Никольске, учительствовал в Чебсарском районе. Сдал экзамен на звание преподавателя русского языка и литературы в Вологодском пединституте. Начал печататься в 1928 г. в никольских и великоустюжских газетах. В 1932 г. поселился в Вологде, стал литературным сотрудником газеты «Красный Север», работал на радио. В 1932–1933 гг. был председателем Вологодского оргкомитета Союза советских писателей. Затем его перевели в Архангельск.

Он окончил Литературный институт и с 1935 г. жил в Москве. До войны выпустил сборники стихов «Песни Северу» и «Северянка». Ушел на фронт добровольцем, в войне участвовал как политработник и военно-морской журналист. В 1950 г. его поэма «Алена Фомина» была удостоена Сталинской государственной премии 2-й степени. В послевоенный годы много ездил по стране, много раз бывал в Вологде, Никольске, Харовске и других местах Вологодского края. Широкий общественный резонанс вызвали его рассказ «Рычаги» и повесть «Вологодская свадьба». Входил в правление Союза писателей СССР. Читательским вниманием пользовались поэтические сборники Яшина «Земляки», «Совесть», «Босиком по земле», повесть «Угощаю рябиной», циклы новелл «Вместе с Пришвиным» и «Сладкий остров». Умер в Москве, похоронен у родной деревни на Бобришном Угоре.

СОДЕРЖАНИЕ

Михаил ШВЕЦОВ

На Новый год.....	3
Сны.....	3
«Раз снилось мне: я был у океана...»	5
Поэзия.....	6
Уныние.....	7
Из А. Шенъе	
«Покинув берега страны моей прекрасной...»	8
«Уединение и полки свитков пыльных...»	8
Экзамен.....	9
Памяти П. В. Засодимского.....	13
Из цикла «Думы»	
I. Избранники.....	14
II. Умершие.....	15
VI. Похоть.....	16
«И та же ночь, и то же небо...»	16

Владимир ГИЛЯРОВСКИЙ

«Мне надоел столичный шум...»	18
Осенний ветер.....	18
Зима в деревне.....	19
Вестники весны.	20
Перед бурей.....	20
Опять на родине.....	21
Прометей.....	22
Кузьма Орел.....	24
Владимирка – большая дорога.....	27
На Севере.....	29
Поклон Дону.....	30
Завет.....	30

Н. МАЛЫШЕВ

Вологда.....	32
--------------	----

Каллистрат ЖАКОВ

Биармия.....	35
--------------	----

Николай КЛЮЕВ

«Я был прекрасен и крылат...»	49
«Спят косогор и река...»	50
Старуха.....	50
«Прохожу ночной деревней...»	51

«Радость видеть первый стог...»	52
«Ворон грает к теплу, а сорока – к гостям...»	53
«Не в смерть, а в жизнь введи меня...»	54
«Обозвал тишину глухоманью...»	54
«Судьба-старуха нижег дни...»	55
Слезный плат.....	56
«Звук ангелу собрат, бесплотному лучу...»	57
«Уму – республика, а сердцу – Матерь-Русь»	58
«По жизни радуйтесь со мной...»	59
«Кому бы сказку рассказать...»	61
 Питирим СОРОКИН	
Песни мои.....	64
«Мне не хочется больше читать...»	65
Не знаю я.....	66
Под шум осеннего ветра.....	66
Паладин далекого Востока.....	68
Кубок.....	69
 Игорь СЕВЕРЯНИН	
Роса оранжевого часа.....	70
 Евгений ПОПОВ	
Яблони цветут.....	84
«Еще июль, а дни и вечера свежи...»	84
Летний дождь.....	85
«Выйди в поле в ликующий солнечный день...»	85
«Мои мечты тихи и умиленны...»	86
В эти дни.....	86
«Стучи, мой испытанный посох»	87
 Александр ПУГАЧЕВ	
Раб ленивый.....	88
Ива.....	89
Благовест.....	90
Вологда.....	91
Кумушки.....	92
Верба.....	95
Всем, всем, всем.....	97
Дети улицы.....	100
 Алексей ГАНИН	
«Был мрак и тишина. Но ангел вдруг явился...»	102
«Звездной сказкою, грезой обманчивой...»	103

«Где в лесные купели-затоны...»	104
«Спустился Ангел смуглолицый...»	105
«Гору скорби день взвалил на плечи...»	106
«Оттони свои думы лукавые...»	107
«Взманила мечтами дорога...»	108
«Она придет, неведом час...»	109
«Ушла слепая ночь, а день еще в далеком...»	110
Памяти деда.....	111
«Не торопи свиданья час...»	116
«Заря в грозе. Помедли, путник смелый»	117

Николай ЕРЗОВСКИЙ

Весна.....	119
Вечер на реке.....	120
Ночью.....	120
В тумане.....	121
Осень.....	122
«Плакало небо о лете минувшем»	123
Лес зимою.....	124
«Сегодня справляем торжественный день...»	124
Плач Ярославны.....	125
Молитва гимназистки.....	127
Марсельеза гимназистов.....	129

Иван ЕВДОКИМОВ

На Невском.....	131
В портерной.....	133
Бессонница.....	134
Прощание.....	135
Спасо-Каменный монастырь.....	136
Вера.....	136
Фарфоровая тарелка.....	137
Две строфы.....	138

Сергей СТРИБОЖИЧ

Посвящение.....	139
Северное.....	140
Неключимое.....	141
Канун осени.....	141
Языческое.....	142
Кикимора.....	143
Солнечь.....	144
Невозвратное.....	144
Бытовое.....	145

Героическое.....	146
Белоризцы.....	147
«Мутнеет лес. Лепечет ветер сонный»	149
«Лиловыми зловещими цветами...»	149
«Напились Парки допьяна кровавого вина»	150
«Ты, пляши, пляши, протезная нога!»	151
«Я вернулся домой пред рассветом»	152
«Влюбленный в высокие сосны...»	152
«Я все боюсь. И сам чего – не знаю!»	153
«На опушке покинутой рощи...»	154
Иван КЕДРОВСКИЙ	
Завод.....	155
Я навеки твоя.....	156
«Как тяжело смотреть на увядающие розы!»	157
«Густой туман окутал в саван ивы...»	157
Камера № 18.....	158
«Звездочки ясные – ивы плакучие...»	158
«Ночь. Таинственно смотрится с неба луна...»	159
Это было весной.....	160
Иван МАРКОВ	
Кто не умирает?	161
Спешат.....	162
Сдавай оружие!	162
Эхо.....	163
Перед атакой.....	163
Идут исполины.....	164
Иван БУЛАТОВ	
Комсомол.....	166
Приказ пришел.....	167
Анюта.....	167
Ночь.....	168
Северное.....	169
Мои мотивы.....	170
«Белый, белый снег из крыльев...»	171
Анатолий ПЕСТЮХИН	
Поэтам «Борьба»	173
В пути.....	174
Глушь.....	174
Родина осенью.....	175
Вечер.....	176

Деревня.....	177
Памяти Сергея Есенина.....	178
«Сеть выметывали целый вечер...»	179
Апрель.....	180
Бронепоезд.....	181
Сергей ПАНКРАТОВ	
Другу ветру.....	189
На голубых проталинах.....	190
Коралловые рифы.....	190
На улицу.....	191
Подкошенные травы.....	192
«В чаду угарных, пьяных песен...»	193
Сплющенное солнце.....	193
Утро.....	194
Утренние зори.....	195
Вифлеемский сказ.....	195
Лена.....	197
«Красному Северу».....	198
Анатолий СУББОТИН	
Перемет.....	199
«Растянулись овсяные мари...»	199
«Словно ширью-полем размечуся песней...»	200
«Я хотел бы стоять при дороге...»	201
Коллектив.....	201
«Тонут в воздухе грозные звоны боев...»	202
«Где пляшет пляску буря...»	203
«Знаю я, что вечер на пороге...»	204
«На руке с серпом, средь ржанных полос...»	205
«— Ах, зачем этих сумерек тень!»	205
«Весенний шорох трав так чую»	206
«Как и всегда в такую пору...»	207
«Белеют камни церковок старинных...»	207
Марк СЕРЕБРЯНСКИЙ	
«Бредем — через горбы вершин...»	209
«И снова год. И новый год...»	210
Коммуна.....	211
Печать.....	213
Жизнь («Если удаль вспыхнет...»).....	215
Жизнь («Жизнь, жизнь...»).....	216

Сергей МАРКОВ

Осетрина.....	217
У каменной бабы.....	218
Медвежья шкура.....	219
Мое имя.....	220
Сны.....	220
Ревнивцы.....	221
Доктор Гильотен.....	221
Сексотка.....	223
Расстрел Гумилева.....	226
Полярный адмирал Колчак.....	226
Поморская женка.....	228
Стендаль.....	229

Аркадий СУХАРЕВ

О маяке.....	231
Разговор с отцом (отрывок).....	231
Последнее письмо.....	233
Девушке.....	235
Прерванное заседание.....	235
«Это часто со мной бывает...».....	237
Чужие окна.....	238
Об энтузиазме.....	239
Гвозди.....	240
О гудке (отрывок).....	241

Борис НЕПЕИН

Эскадрон.....	244
Наше время.....	245
Вечер.....	246
Радость.....	247
Лесные стихи.....	248
Дорога.....	249
Шпана.....	250
Синие и красные.....	251
Эскадрилья.....	252
Рыбак.....	253
Стихи о холмогорской корове.....	254
Повесть о паровозе.....	255

Евгения СТУДЕНЕЦКАЯ

Первое мая.....	258
«Каждый день – на дороге куст...».....	259
Сергею Есенину («Мне писать о тебе даже стыдно...»).....	260

Сергею Есенину («Вот уж год, как ты не поешь...»)	261
Мать	262
Береза	263
Близким от далекой	264
Издалека	266
Звучание	268
Город	269
«В наше время радости не ищут...»	270
«Земля – как бархатный ковер...»	270
Александр ЯШИН	
О реконструкции людей	272
Партизаны	276
Источники публикации	285
Словарь мифологических имен и названий	300
Словарь устаревших и малоупотребительных слов	303
Сведения об авторах	317

ПОЭТЫ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ

Хрестоматия

Ч.3

Подписано к печати 29.08.2011. Формат 60х84 1/16. Печать – ризограф.
Усл. печ. л. 21,3. Уч.-изд. л. 10,7. Тираж – 140 экз.

ООО «ИПЦ «Легия»,
160031, Вологда, Октябрьская, д. 19, к. 116

ВОЛОГДА
2011
